

Поэль Карп

ИЗБРАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Том 2

Петербург

2020

Поэль Карп

ИЗБРАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Том 2

Петербург

2020

УДК 82-1/-3
ББК 84(0)
К26

П. Карп

Избранные переводы. Том 2. – СПб.: ЛЕМА, 2020. –
304 с.

Во втором томе трехтомника избранных переводов известного петербургского литератора Поэля Карпа представлены стихи Генриха Гейне. Том содержит полный перевод «Книги песен», некоторых более поздних стихотворений и поэмы «Атта Троль».

© Поэль Карп, 2020

978-5-00105-475-7
978-5-00105-506-8 (Том 2)

Том второй

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ 1797-1856

КНИГА ПЕСЕН

Предисловие к третьему изданию

Со всех сторон волшебный лес,
Кругом благоуханье.
Струит мне в душу лунный свет
Свое очарованье.

Везде, куда я ни пойду,
С высот несутся звуки,
Там изливает соловей
Любовь и боль разлуки,

И боль разлуки, и любовь,
И милость и немилость.
Он скорбно ликует, он плачет смеясь, –
Былая мечта пробудилась.

Везде, куда я ни пойду,
Мне на лугу зеленом
Огромный замок предстает
С торжественным фронтоном.

Ставни закрыты; куда ни взгляни, –
Безмолвие и унылость.
Кажется, будто тихая смерть
В пустующий дом вселилась.

А перед самым входом – сфинкс,
Помесь вражды и блаженства,
С телом и лапами точно у льва,
С головкой и грудью женской.

Дивная женщина! Какая страсть
В ее побелевшем взоре!
Читалась готовность в безмолвных устах,
Тихой улыбке вторя.

Пел соловей; так сладко пел,
Что, устоять не в силах,

Я с той минуты погиб навсегда,
Коснувшись губок милых.

Скульптура тотчас ожила
И затряслась, ликуя,
С неистовой жадой впивала она
Жар моего поцелуя.

Душу мою впивала она,
Алчущая насладиться,
И хищными лапами тело мое
Сама рвала, как львица.

Чудесная мука, блаженная боль!
И горестно и отрадно!
Покуда мне счастье дарили уста,
Лапы терзали нещадно.

Пел соловей: «О, дивный сфинкс,
Любовь, чего ты ради
Страданье вздумала примешать
К блаженнейшей отраде.

О, сфинкс чудесный! Разреши
Загадку колдовскую!
Уже десяток тысяч лет
Я бьюсь над ней впустую».

Все бы это отлично можно выразить доброй прозой... Но когда сызнова просматриваешь старые стихи, чтобы по случаю переиздания их кое-где подшлифовать, находит ненароком привычный перезвон рифм и размеров, и, глядишь, я открываю третье издание «Книги песен» стихами. О Феб-Аполлон! Если стихи эти плохи, ты меня, конечно, простишь... Ибо ты – всеведущий бог и тебе известно, отчего уже много лет я не могу посвятить себя в первую голову метрам и созвучиям слов... Тебе известно, почему огонь, забавлявший мир алмазными фейерверками, должен был вдруг заплыть куда более серьезным пламенем... Тебе известно, почему теперь его безмолвный жар глохнет мне сердце... Ты меня понимаешь, великий и прекрасный бог, и сам ведь

порой ты менял золотую лиру на тугой лук и губительные стрелы... Помнишь Марсия, с которого ты содрал кожу заживо? Давно это было, и подобный пример стал надобен опять... Ты смеешься, о мой бессмертный отец!

Писано в Париже 20 февраля 1839 года

Генрих Гейне

ПЕЧАЛИ ЮНОСТИ

1817 - 1821

Сновидения

1

Приснился мне любви шальной порыв,
И нежный локон, и цветок весенний,
И сладость губ, и горечь объяснений,
И скорбных песен сумрачный мотив.

Поблек мой сон, пропал, как от напасти,
И милый лик рассеялся опять.
Осталось то, что я зарифмовать
Сумел тогда в порыве жаркой страсти.

Осталась песнь! Развейся же вокруг,
О песнь моя, снеси моей желанной,
Коль сыщется она, поклон нежданный –
Бесплотной тени мой бесплотный дух.

2

Меня настиг ужасный сон,
Я был пленен и угнетен,
Еще иной ужасный вид
Поныне сердце мне язвит.

Приснился мне чудесный сад,
В нем прогуляться был я рад
И расцветающим цветам
Не мог нарадоваться там.

Там пели птички о любви
Лихие песенки свои,
И солнца лучик золотой
Дарил травинки красотой.

Струился дух пахучих трав,
Был ветер кроток и лукав,

Окрест сиял весь мир, меня
Великолепием маня.

В саду, где цветики цвели,
Родник пробился из земли,
И дева, краше не сыскать,
Белье в нем стала полоскать.

Нет ярче глаз и слаще щек!
О белокурый ангелок,
Вот не видал как будто взор,
А вроде знаю с давних пор.

Усердный задается труд,
И губы ласково поют:
«Ты, водичка, бы текла,
Лен бы мыла добела!»

Я подхожу к ней между тем
И тихо говорю: «Зачем,
О дева, краше не сыскать,
Белье ты стала полоскать?»

И слышу: «Собираться срок,
Твой саван полощу, дружок!» –
Она промолвила, и вдруг
Как пена сникло все вокруг.

И сразу силой волшебства
Меня обстали дерева,
Их строй был мрачен и угрюм,
И мне худое шло на ум.

Я окружен был тишиной,
Но где-то вдруг в глуши лесной
Ударил по стволу топор,
И тут я вышел на простор.

Теперь увидеть я могу
Дуб величавый на лугу.
А девушка топор взяла
И рубит поперек ствола.

Усердно машет топором
И тянет песенку притом:
«Режь, булат, бей, булат,
Шкап дубовый сбить велют!»

Я подхожу к ней между тем
И тихо говорю: «Зачем
И кто, скажи, сегодня ждет,
Что изготовишь ты комод?»

И слышу: «Плохи времена,
Тебе я гроб срубить должна!» -
Она промолвила, и вдруг
Как пена сникло все вокруг.

Внезапно побелела ширь,
Лысеет предо мной пустырь,
И я, не зная, что со мной,
Дрожу от стужи ледяной.

И дальше, дальше я бреду,
Увидев белую грядку,
Сперва спешу, потом стою
И вижу девушку мою.

Рыть яму ей на ум взбрело,
А все кругом белым бело,
И девичий прелестный вид,
Хоть и чарует, но страшит.

Усердный задается труд,
И губы ласково поют:
«Поживей, лопата, рой,
Яму рой в земле сырой!»

Я подхожу к ней между тем
И тихо говорю: «Зачем,
О дева, краше не сыскать,
Ты яму принялась копать?»

И слышу: «Не перечь судьбе,
Могилу рою я тебе!»

Едва шепнула в тишине,
Как яма отворилась мне.

И я бросаю в яму взгляд,
Холодным ужасом объят,
Разверзся предо мной провал
В загробный мир – и сон пропал.

3

Однажды я видал себя во сне
В парадном фраке, в шелковом жилете,
С манжетами, как подобает в свете,
И милая идет навстречу мне.

«Сговорены?» – спросил я в тишине, –
Поздравить вас имею я в предмете!»
Но глотку мне сдавили речи эти,
Хоть голос мой спокоен был вполне.

И вижу – слезы полные печали
Из глаз моей единственной сочатся;
Они прелестный облик размывали.

О звездочки любви, глаза святыни,
Хоть вы и наяву мне лгали часто
Да и во сне, – я верю вам поныне.

4

Во сне видал я нынче господина –
Нарядами своими знаменит,
Хоть невысок, он свысока глядит,
Но внутренне он – грубая скотина.

Нет внутренне паскудней мещанина,
Хоть у него весьма почтенный вид;
О доблестях он дивно говорит,
А ведь в самом гнилая сердцевина.

«Ты знаешь, кто он? Хочешь – посмотри», –
Сказал мне ангел сна, и вот внутри
Зеркальной рамы, в странной круговерти,

Пред алтарем явился он тогда,
С моей любимой вместе молвив: «Да!»
«Аминь!» – со смехом завопили черти.

5

С чего бы стала кровь шальной?
С чего на сердце дикий зной?
Кровь ходит ночи напролет,
И лютый зной мне сердце жжет.

Кровь оттого кипит в огне,
Что сон дурной приснился мне,
Явился ноченьки сынок
И за собой меня повлек.

Меня привел он в светлый зал,
Где развеселый люд гулял,
Сверкал огонь, ломился стол,
И, осмотревшись, я вошел.

Шла свадьба, как заведено,
Сошлось гостей полным-полно,
На новобрачных глянул я:
Невеста – милая моя.

При ней сидевший женихом
Доселе не был мне знаком,
И стал я за невестин стул,
Но и словечка не шепнул.

Играла арфа, я молчал,
Меня печалил шумный зал.
Невеста вся в мечтах своих,
Ей нежно руку жмет жених.

Жених наполнил свой бокал,
Отпил, невесте передал,
Взяла, – и тут любой поймет,
Что кровь мою невеста пьет.

Невеста с пышного стола
 Тотчас же яблоко дала
 Избраннику, и что есть сил
 Свой нож он в сердце мне вонзил.

Вот переглянутся опять, –
 Жених невесту рад обнять,
 Поцеловать невесту рад, –
 Меня целует смертный хлад.

Язык стал тяжелей свинца,
 Мне не промолвить и словца,
 Но раздастся общий глас –
 Пошли жених с невестой в пляс.

Как труп безгласный я затих,
 И что-то принялся жених
 Шептать невесте, осмелев, –
 Смутилась, но не впала в гнев.

6

В блаженный сон, в ночной покой,
 Какой-то силой колдовской,
 В каморку, где ютился я,
 Вошла любимая моя.

Гляжу – она прекрасней всех,
 Меня чарует нежный смех;
 Не мог я сердце уберечь,
 И потекла бесстрашно речь:

«Возьми, я все тебе отдам,
 Чем только обладаю сам,
 Но подари мне благодать
 До петухов тебя ласкать».

Взирает на меня она,
 Любви и нежности полна,
 И шепчет, указуя ввысь:
 «Небесным царством поступишь!»

«Я кровь свою, я жизнь свою,
Тебе с восторгом отдаю,
Мой ангел, только прикажи,
Но не спасение души!»

Сумел по-своему сказать,
Да только милая опять
Мне шепчет, указуя ввысь:
«Небесным царством поступи!»

То слово бросило меня
В пучину жаркого огня,
До глубины души пронзив;
Я чуть дышу, я еле жив.

Уже не ангельская рать
Мне стала золотом сиять,
А понахлынула сюда
Угрюмых кобольдов орда.

Идут на ангелов толпой
И гонят ангелов долой,
Но вот и черный легион
Туманом серым заслонен.

А я блаженству предаюсь,
А я с любимой обнимусь,
Ко мне как лань подруга льнет,
Но безутешно слезы льет.

Она рыдает неспроста,
Целую милую в уста:
«Ты слез, любимая, не лей,
Иди в огонь любви моей!»

«Иди в огонь любви моей!» –
Но кровь струится холодней,
И, верхний слой свой шеveled,
Разверзлась предо мной земля.

И сквозь открывшийся провал
Вновь черный легион восстал,

Пропала милая во мгле,
И я один на всей земле.

А на меня со всех сторон
Пустился черный легион,
Он давит, гонит, жжет меня,
И все наглее визготня,

И круг сжимается тесней,
И звук становится ясней:
«Небесным царством пренебрег,
Так будешь наш на вечный срок!»

7

Сполна получил, – для чего же тянуть?
Кровавый ловкач, не спешишь ты отнюдь!
Сiju в комнатенке, надеждой согрет,
Но полночь близка, а невесты все нет.

Кидаюсь к идущим с погоста ветрам:
Невеста моя не встречалась ли вам?
Бесцветные чудища мчатся толпой,
Глумливо кивая: «Само собой!»

Какими вестями потешишь меня,
Бездельник, ливрею надев из огня?
«Скажу, что моих благородных господ
Четверка драконов сейчас привезет».

А ты, щеголяющий в сером всегда,
Покойный магистр, с чем явился сюда?
Ко мне обратив опечаленный взгляд,
Он лишь покачал головой и назад.

С чего бы собачье вилянье хвоста?
С чего бы сверкают глаза у кота?
С чего эти бабы вопят во весь рот?
С чего колыбельную мамка поет?

Ах, мамка, ты с песенкой дома сиди,
Пора колыбельных давно позади,

Я нынче женюсь, и немало ко мне
Гостей прикатило приличных вполне.

И вправду былая галантность жива!
У вас вместо шляпы в руках голова!
А вы, покачаться в петле мастера,
Чего опоздали, – ведь стихли ветра?

Старуха явилась ко мне с помелом,
Я, сын твой, прошу об участье твоём,
На белом лице стал подрагивать рот,
«Вовеки аминь!» – ведьма громко речет.

Двенадцать мощей – музыканты пришли,
Слепую скрипачку с собой привели,
И дерзкий паяц в одежонке рябой
Привел могильщика с собой.

Двенадцать монашек пустились плясать,
При них косоглазая сводня, как мать,
Двенадцать распутных попов норовят
Похабшину петь на божественный лад.

Старьевщик, оставь свой бессмысленный крик,
От шубы в чистилище прок невелик,
Там в топки идут уже тысячи лет
И нищие кости и царский скелет.

Цветочницы с гнусным горбом на спине
Опять кувыркаются наедине.
Эй, рожа совы на ногах паука,
Костями хрустеть честь не столь велика!

Глядишь, распоясались даже в аду,
Горланят и скачут у всех на виду,
И вальса-проклятья разносится глас –
Потише, любимая будет сейчас.

Бродяги, молчать, или выгоню прочь!
Слова свои нежные слышать невмочь!
Да там не возок ли скрипит у дверей?
Стряпуха, а ну отворяй поскорей!

Присядь, ненаглядная, сделай мне честь,
И, пастор, вы тоже извольте присесть,
Пускай вы с копытом и хвост за спиной,
Навек, ваша милость, я ваш крепостной.

Любимая, что же твой облик суров?
Венчать нас немедленно пастор готов.
Конечно, за это всю кровь я отдам,
Но, чтобы тобой овладеть, это хлам!

Ты только колени склони близ моих!
Склонилась она, и – о радостный миг! –
Упала ко мне дорогая на грудь.
И я ее обнял, спеша к ней прильнуть.

В кудрях золотых мы застряли вдвоём,
А девичье сердце на сердце моем,
Трепещут сердца от скорбей и наград
И вместе в небесные выси парят

Сердца поднимаются в радостный дол,
Где господа нашего светлый престол,
Однако же головы наши и тут
Ручища геенны легко достают.

Ведь это ночи темный плод
За пастора нам себя выдает,
По книге кровавой вершит он обряд,
Мольба его – скверность, добро его – яд.

Вопят, и свистят, и режут, и хрипят,
То волн грохотанье, то грома раскат,
И свет голубой вдруг забрезжил с высот, –
«Вовеки аминь!» – ведьма громко ревет.

8

Сбежав от госпожи моей,
Я брел, обезумев, среди мрачных теней.
Погостом дорога полночная шла,
И знак подала мне загробная мгла.

Где спал музыкант под могильной плитой,
 Поблескивал месяца луч золотой,
 И кто-то шептал: «Погоди, мальчуган!»
 И встал из могилы белесый туман.

Восстал музыкант из-под каменных плит,
 Гляжу, он верхом на надгробье сидит
 И дергает струны опять и опять,
 И голос глухой вдруг стал дребезжать:

Ах, струны, иль поныне жив
 Той старой песенки мотив,
 Что сердце жгла вначале?
 Звал ее ангел – небес благодать,
 Ада исчадьё – дьявол стал звать,
 А люди любовью звали!

Едва только звук последний затих,
 Как вышли из могил своих
 И понеслись привиденья вперед, –
 Хор, обступив музыканта, поет:

Ах, любовь, не твой ли хмель
 Уложил нас тут в постель,
 Погасив плававший взгляд, –
 Что ж среди ночи звать назад?

Заохали разом, завыли подряд,
 Ликуют, воркуют, гогочут, хрипят,
 Вокруг музыканта беснуется рой,
 А он ударяет по струнам порой:

Браво, браво, смело к нам
 Дети ада!
 Нынче надо
 Чародейным внять словам!
 Время нам за годом год
 В тишине подводит счет,
 Ну-ка, встанем в хоровод
 Из могил, –
 Кто чужой, никак идет? –
 Неразумно жизнь промчалась,
 Нас глодала страсти ярость

И снедал любовный пыл.
 Но и буйная потеха
 Рассказать нам не помеха,
 Как нас в гроб свела напасть,
 Как секла,
 Как пекла
 Обезумевшая страсть.

И ветру подобно взметнулся скелет
 И тихо ему замурылкал в ответ:

Служил я, бедный портняжка,
 С наперстком да иглой,
 И не было мне тяжко
 С наперстком да иглой,
 Явилась дочь портного
 С наперстком да иглой,
 Мне сердце пронзила сурово
 С наперстком да иглой.

И весело хор привидений поет,
 И тихо второй выступает вперед:

Мне Ринальдо Ринальдини,
 Шиндерганно, Орландини,
 Карл Моор – не кто-нибудь –
 Предуказывали путь.

Вот и я, по их примеру,
 Вечно был влюблен не в меру,
 Без девичьей красоты
 Были дни мои пусты.

Ворковал, ронял я вздохи,
 Но с любовью шутики плохи,
 И, почувствовав обман,
 Я залез в чужой карман.

А жандармы осерчали, –
 Я ведь изливал печали,
 Поднося к глазам платок,
 Что сосед себе берег.

Как всегда, подняв тревогу,
 Повели меня к острогу,
 И за каменной стеной
 Был с тех пор мой дом родной.

О любви мечтал я сладко,
 Шерсть мотая для порядка,
 Но пришел Ринальдо вдруг
 И ему я предал дух.

И весело хор привидений поет,
 И третий, в румянах, выходит вперед:

Успех на подмостках недаром
 Снискал я в любовных ролях,
 «О боги!» – я вскрикивал с жаром,
 Вздыхал я чувствительно: «Ах!»

Я Моргимер был безупречный,
 Мария блистала всегда,
 Постигнуть мой жест человечный
 Себе не давая труда.

Досада меня охватила.
 «Святая!» – я ей прошептал
 И глубже, чем надобно было,
 Вонзил себе в сердце кинжал.

И весело хор привидений поет,
 Весь в белом четвертый выходит вперед:

Профессор болтал несуразности часто,
 Вкушал я на лекциях сладостный сон,
 Зато его дочка сулила мне счастье,
 Я был в нее, право слово, влюблен.

Я ждал под окном ее нежного знака,
 Она – как цветок, она – свет моих дней.
 Прелестный цветочек похитил, однако,
 Иссохший филистер, плут-богатея.

К вину я подбавил надежного яду, –
 Постыли и женщины мне и плуты, –

Смерть выпить со мной брудершафт
 была рада:
 Fiduzit, отныне будем на ты!

И весело хор привидений поет,
 На шею с петлей вышел пятый вперед:

Пирующий граф выставлял напоказ
 Красавицу дочь и роскошный алмаз.
 Не нужен мне, граф, твой роскошный
 алмаз,
 А дочка твоя мне по вкусу как раз.

У графа и дочь и алмаз под замком,
 И графские слуги засели кругом,
 Но сколько ты слуг ни сажай под
 замком,
 В окно я по лесенке влезу тайком.

К окошку любимой долез я едва,
 Как снизу доносятся злые слова:
 «Меня погоди, я залезу сейчас,
 И мне по душе драгоценный алмаз!»

Насмешничал граф, и узрел я вокруг
 Толпу его злобных ликующих слуг.
 «Не вор я, проклятые! Быть вам в аду!
 Я думал любимую лишь украду!»

Не слушал никто объяснений моих,
 Вербка была наготове у них,
 И солнце с рождением нового дня
 Висящим в петле увидало меня.

И весело хор привидений поет,
 Шестой держит голову, выйдя вперед:

Любовь, свершив мне много зла,
 В лес на охоту погнала,
 Вошел я в лес, а ворон злой
 Закаркал: «Голову долой!»

Голубку подстрелить бы мне
 В подарок будущей жене, –
 Подумал я и был готов
 Схватить добычу среди кустов.

Но что в кустах за воркотня?
 Не голубки ли ждут меня?
 Взвожу курок – и узнаю
 В голубке милую мою.

Девчонку, что мне стать женой
 Дала обет, ласкал иной.
 Так целься, удалой стрелок!
 И чужеземец мертвым лег.

А вскоре видели, кто зряч:
 В телеге вез меня палач
 На место казни. Ворон злой
 Закаркал: «Голову долой!»

И весело хор привидений поет,
 И сам музыкант выступает вперед:

Я песенку пел, бывало,
 Но эта песенка вся.
 Коль сердце любовь разорвала,
 Петь песни больше нельзя!

И хохот неистовый грянул сильней,
 И не унять было бледных теней.
 Но стали бить в колокола –
 Толпа привидений в могилы ушла.

9

Я сладко спал и был спасен
 От тягот и невзгод,
 И не гадал я, что в мой сон
 Прекрасная войдет.

Подобно мрамору строга,
 Хоть нет ее добрей,

В очах сверкают жемчуга
Под золотом кудрей.

Беззвучно пробует шагнуть
Бледнеющая тень,
И прилегла ко мне на грудь
Бледнеющая тень.

Дрожу от счастья и обид,
И все в груди печет,
А сердце милой не дрожит,
Холодное, как лед.

«Пускай и сердце не дрожит,
И лед в моей крови,
Я тоже знаю боль обид
И знаю власть любви.

Хоть нет румянца на щеках,
И в сердце лед застыл,
Преодолей печаль и страх –
Ты мне и люб и мил».

В объятьях стиснула сперва,
Боль причинив опять,
И молча сгинула, едва
Петух взялся кричать.

10

Толпу мертвецов когда-то
Заклятьем накликал я,
И нет уже им возврата
В потемки небытия.

А как разрешить заклятье,
Я в страхе забыл потом,
И бледных призраков рати
Влекут меня в темный дом.

Отстань, нечистая сила!
Отстань, кому говорю!

Еще мне покамест мило
Встречать на земле зарю.

Еще мне роза – отрада,
И к ней стремленья мои;
Всей жизни бы мне не надо,
Лишись я моей любви!

Мне лишь бы на миг дотоле
Я к сердцу ее привлек
И сладость блаженной боли
Вкусил с ее губ и щек!

Хоть раз объясни словами,
Что любит меня, она,
Я, духи, пойду за вами,
Могила мне не страшна.

И призраки вняли вести,
Со страха главы клоня.
Любимая, вот мы и вместе,
Скажи, ты любишь меня?

Песни

1

Чуть проснусь, мне видеть надо
Милую опять.
Гложет под вечер досада:
«Не пришла она опять!»

Я грущу, и сну ночному
Все не взять меня;
Погруженный в полудрему
Грежу среди дня.

2

Куда бежать – мне не понять?
Недолго уже дожидаться свиданья

Мне с девушкой, самой достойной избранья, –
Что же ты, сердце, трепещешь опять?

Часы, как известно, лядащий люд!
Еле-еле тянут ноги
Да зевают по дороге,
Торопись, лядащий люд!

Дикая спешка меня загнала!
Вот не любил колокольного боя, -
И, сговорившись между собою,
Дразнят влюбленного колокола!

3

Однажды я, тяжело страдая,
Плутал по лесной стороне;
Внезапно греза былая
Закралась в душу ко мне.

И кто нашептал это слово
Вам, птицы небесных высот?
Молчите, мне тягостно снова,
Едва это слово всплывет.

«Мы некогда девушку знали,
Петь нам нравилось ей,
Мы у нее переняли
Словечко, что всех милей».

Напрасно, птички, хитрите,
Помалкивать бы вам;
Украсть мою грусть вы хотите,
Ее никому не дам.

4

Тронь мне сердце ладонью, побудь со мной,
Или стука не слышишь ты за стеной?
Это плотник один, коварен и зол,
Гроб для меня сколотить пришел.

Стучит и колотит, и день и ночь;
Давненько мне очи сомкнуть невмочь.
Ах, плотник, спеши с работой своей,
Заснуть мне хочется скорей!

5

Тихих дней моих гробница,
Колыбель моих невзгод,
Милый город, – срок проститься,
Неизбежен мой уход.

Навсегда прощайте, камни,
По которым шла она,
И местечко, где была мне
Встреча с милой суждена.

Ах, когда бы не встречаться
Мне с владычицей сердец,
Не настал бы, может статься,
Этот горестный конец.

На любовь не ждал ответа,
Не молил о счастье вслух,
Просто жить хотелось где-то,
Где соседствовал твой дух.

Но меня твоя немилость
Погнала в далекий путь;
Голова – как помутилась,
И болит все время грудь.

Подымаюсь через силу,
Крепкий посох достаю,
И бреду, пока в могилу
Не сойду в чужом краю.

6

За тобой, безумный шкипер,
Жажду в гавань поскорей,
Но сперва прощусь с Европой
И с возлюбленной моей.

Кровь, потоком хлынь из сердца,
Кровь, ручьями хлынь из глаз,
Записать горячей кровью
Надо горький мой рассказ.

Что ж боишься ты, родная,
Поглядеть на кровь мою?
Я с облитым кровью сердцем
Пред тобой давно стою!

Помнишь, в песенке старинной
Дарит яблоко змея –
И должна бежать из рая
Наших праотцев семья?

Ах, от яблок все невзгоды!
Ева сеет ими смерть,
Эрис шлет огонь на Трою,
Ты несешь огонь и смерть.

7

Старых замков очертанья
Отразились в глади вод;
Средь полдневного сиянья
Мой кораблик вниз плывет.

Я взираю, сколь игривы
Гребешки шальной волны,
И в душе растут порывы,
Что давно погребены.

Обольщающим величием
Рейн манит, сводя с ума,
Но под ласковым обличем
В нем, я знаю, смерть и тьма.

Сверху – мир, в груди – коварство,
Ты – возлюбленной портрет,
Мастерицы улыбаться,
Излучая нежный свет.

Приуныл сперва я малость,
Что не сдюжить нипочем;
Все же сдюжил, что досталось,
Но смолчу, каким путем.

Миртами, розами и мишурой
Мне разукрасить хотелось порой
Книгу, как будто она – саркофаг,
И песни туда уложить словно прах.

Когда б и любовь я туда уложил,
Цветок миротворный бы цвел средь могил,
Он цвел бы, и рвали его поутру,
Но он расцветет, если сам я умру.

Давнишние песни сложил я туда,
Что огненной лавой в былые года
Из самого сердца нахлынули вдруг,
Блестящие искры роняя вокруг.

Теперь они немые, бледны, холодны,
Как будто и жизни совсем лишены,
Но сызнова вспыхнет в них прежний огонь,
Ты только любовью их ласково тронь.

И слышу, предчувствие в сердце растет,
Что снова любовь устремит к нам полет,
Моя ненаглядная, книжку мою
Ты встретишь однажды в далеком краю.

И в песнях воспрянет набор колдовской,
И бледные буквы простятся с тоской,
В глаза тебе глянут и станут опять
Шептать про любовь, и молить, и вздыхать.

Романсы

1. Горемыка

Все участие принимали
В бледном, вянущем юнце,
У которого печали
Начертались на лице.

Ветер в дружеских порывах
Обвевал ему чело,
Даже в девах горделивых
Для него нашлось тепло.

Он от суетного града
Заспешил в зеленый бор,
Где листва шептаться рада
И ликует птичий хор.

Но умолкнут птичьи клики
И листва впадет в тоску,
Стоит только горемыке
Чуть приблизиться к леску.

2. Горный голос

Несется рыцарь по горам,
Бросая горький взгляд:
«Попаду ли в объятия милой моей?
Угожу ли в могильный хлад?»
А горы говорят:
«В могильный хлад!»

И всадник продолжает путь,
Безрадостен и сир:
«Неужто так рано в могилу мне лечь?
Но настанет в могиле мир!»
И повторил зефир:
«В могиле мир!»

Но не умерить всаднику слез,
Горя хлебнув через край.
«Коль только в могиле мир для меня,

Тогда мне могила – рай!»
И слышит невзначай:
«Могила – рай!»

3. Два брата

На горе во мгле безмолвной
Старый замок спит в ночи,
А в долине – стрелы молний
И звенящие мечи.

Это вышли брат на брата,
Не отступят нипочем.
Но за что идет расплата
Крови алчущим мечем?

Их свела графини прелесть,
Взором пламенным задев;
Оба страстью загорелись
К благороднейшей из дев.

Но Лауру за которым
Повлечет огонь души? –
Не решить ученым спорам,
Меч кровавый, ты реши!

Оба выказали смелость,
Мстят ударом за удар.
Берегитесь, ночь оделась
Пеленой недобрых чар.

Вот недоля! Кровь в отчизне!
Вот беда! В крови твой брат!
И лишил обоих жизни
Братом всаженный булат.

Хоть столетья пролетели
И пропал за родом род,
Замок брошенный доселе
Смотрит горестно с высот.

По ночам внизу теснятся
Наваждения толпой,

И, едва пробьет двенадцать,
Брат идет на брата в бой.

4. Бедный Петер

I

Грета и Ганс под веселый напев
Пляшут, радешеньки-рады,
А Петер, насмерть побелев,
Молча стоит у ограды.

Грета и Ганс дали брачный обет,
На них дорогие наряды,
А бедный Петер плохо одет
И ногти грызет с досады.

Петер на пару опять и опять
Бросает горькие взгляды
И шепчет: «Меньше б мне рассуждать,
Себя б карал без пощады!»

II

«Моя кручина гложет грудь
И разорвать готова,
Едва приткнусь куда-нибудь,
Повсюду гонит снова.

Велит держать к любимой путь,
Мол, в Грете вся отрада,
Но стоит в очи ей взглянуть,
Опять скрываться надо.

И стало в горы вдруг тянуть,
Там от людей я спрячусь,
И успокоюсь там чуть-чуть
И вволю там наплачусь».

III

А бедный Петер брел несмел,
Нетороплив и бел, как мел,

И увидав, как он бредет,
Остановился весь народ.

И девушки шептать пошли:
«Покойник вылез из земли!»
Нет, девушки, о том лишь речь,
Что он согласен в землю лечь.

Сокровища лишился он.
Когда же будет погребен,
Спокойно спать ему дадут,
Пока не грянет Страшный суд.

5. Песня арестанта

Спалить мою бабку народ порешил,
В ней, дескать, нечистая сила.
Потратил исправник немало чернил,
Но бабка себя не открыла.

Когда же ее посадили в котел,
Послышался крик иступленный,
Когда же оттуда дымочек пошел,
Взвилась она к небу вороной.

Бабуля моя, всех пернатых черней,
Лети за решетку к острожным!
Проведай меня, обойдя сторожей!
Побалуй сырком да пирожным!

Бабуля моя, всех пернатых черней!
Пусть сестры твои да золовки,
Уж ты упроси, – не клюют мне очей,
Как буду висеть на веревке.

6. Гренадеры

Во Францию шли гренадеры вдвоем,
Спасаясь из русского плена;
Зашли по дороге в немецкий дом
И приуныли мгновенно.

Они услышали горькую весть
О полном разгроме военном,
И Франции милой поругана честь,
И сам император стал пленным.

Сдержать не могли они горестных слез,
Известия были неожиданны.
Промолвил один: «Я несчастья не снес.
Горят мои старые раны!»

Ответил другой: «Хоть сейчас бы отдать
Всю жизнь до последнего вздоха.
Но дома жена, и ребенок, и мать,
А им без меня будет плохо».

«Да что мне ребенок, что мне жена,
Пребудет мой долг неизменным.
Пусть голод и холод узнают сполна,
Коль мой император стал пленным.

Одно, браток, мне обещаю:
Коль я скончаюсь ныне,
Снеси мое тело в родимый край,
Не хорони на чужбине.

Пусть будет на сердце моем
Крест на багряной ленте,
Пусть погребут меня с ружьем,
И шпагу мне наденьте.

Я, притаившись, залагу в гроб,
Словно солдат в засаду,
Пока не слышу ржанье, галоп
И пушечную канонаду.

И мой император к могиле моей
Мечом проложит дорогу,
И я подымусь из могилы моей
Императору на подмогу!»

7. Вестник

Мой паж, седлай скорей коня,
Гони сквозь лес и дол
Туда, где Дункан, наш король,
Дворец себе возвел.

Прокравшись незаметно в хлев,
У слуг узнать изволь,
Которую из дочерей
Просватал наш король.

«Чернавку!» – скажут, – эту весть
Неси мне во всю прыть.
«Белянку!» – скажут, – эту весть
Успеешь сообщить.

Сперва к канатчику зайди,
Купи веревку в дом
И, не спеша, не тратя слов,
Ступай своим путем.

8. Женидьба

Один не уйду, любовь моя,
Ты со мной поедешь
В милую, былую пасмурную келью,
В домик, где горюю и мерзну я доселе,
Где мать моя охраняет вход
И с нетерпеньем сына ждет.

«Оставь меня, незванный гость,
Я тебя не знаю!
Твой дух горит, рука холодна,
Твой взор блестит, щека бледна,
А мне без счастья жизни нет,
Нужны мне розы, нужен свет».

О розах забудь, позабудь про свет,
Моя родная!
Весь белым одень ты стан свой юный
И смело задень звенящие струны,

Свадебный гимн тебе петь пора,
Этот мотив трубят ветра.

9. Дон Рамиро

«Донна Клара! Донна Клара!
Иссушивший сердце пламень!
Ты судьбу мою решила
И решила без пощады.

Донна Клара! Донна Клара!
Жить на свете – это радость!
А внизу, в могиле тесной,
Холодно, темно и страшно.

Донна Клара! Будь счастливой!
Поутру в господнем храме
Станешь ты женой Фернандо –
Пригласишь меня на свадьбу?»

«Дон Рамиро! Дон Рамиро!
Мне такие речи горше
Приговора звезд, насмешки
Над моей девичьей волей.

Дон Рамиро! Дон Рамиро!
Отряхни свою унылость:
Девушек на свете много,
Нас разъединил всевышний.

Дон Рамиро, дерзновенно
Одоловший толпы мавров,
Одолой себя и завтра
Приходи ко мне на свадьбу»,

«Донна Клара! Донна Клара!
Я клянусь, я буду завтра.
Потанцуем в хороводе!
Доброй ночи! До свиданья!

«До свиданья!» – Зазвенело
Узкое окно. Вздыхая,

Еще долго ждал Рамиро,
Наконец, пропал во мраке.

Наконец, в упорной схватке
Уступила ночь рассвету,
И цветочной пестрой клумбой
Расстиляется Толедо.

Величавые чертоги
Светятся под ярким солнцем,
Купола господних храмов
Засверкали позолотой.

Загудев пчелиным роем,
Колокольни зазвонили,
К небесам летят моления
Из церквей благочестивых.

Но глядите! Поглядите!
Из часовни рядом с рынком,
Друг на друга напирая,
Пестрый люд потоком хлынул.

В окруженьи пестрой свиты
Блещут рыцари и дамы,
И со звоном колокольным
Слито пение органа.

Все с почтеньем расступились,
Пропуская новобрачных,
И проходят молодые:
Донна Клара, дон Фернандо.

К дому юного супруга
Их толпа сопровождает,
По обычаю былому
Там роскошно справят свадьбу.

Пышный стол, смешные игры,
Все смешалось в ликование,
И летит поспешно время
До полуночного часа.

И уже в парадном зале
Затевают гости пляски,
При свечах сверкают ярко
Их богатые наряды.

На высокие сиденья
Забрались жених с невестой,
Донна Клара, дон Фернандо,
Сладкую ведя беседу.

И проносятся по залу
Бодрые людские волны,
И шумней гремят литавры,
И сильней труба рокочет.

«Госпожа моя, с чего бы
Устремился взор твой зоркий
В отдаленный угол зала?» –
Рыцарь молвит удивленно.

«Ты неужто, Дон Фернандо,
Черного плаща не видишь?»
И сказал с усмешкой рыцарь:
«Ах, всего лишь тень я вижу».

Только тень подходит ближе,
Оказавшись человеком,
И, узнав Рамиро, Клара
Оробело поклонилась.

А тем временем по залу
Понеслись уже танцоры
В бешеном круженьи вальса,
И под ними пол трясется.

«Я и впрямь с тобой, Рамиро,
Танцевать пойду охотно,
Но в плаще чернее ночи
Приходить тебе негоже»

Взор пронзительно сверлящий
Дон Рамиро поднял к даме

И ответил, обнимая:
«Ты прийти мне приказала!»

И сквозь сутолоку пляски
Понеслись вдвоем танцоры,
И шумней гремят литавры,
И сильней труба рокочет.

«Ты как мел сегодня бледен», –
Шепчет Клара в тайной смуте,
«Ты прийти мне приказала!» -
Говорит Рамиро глухо.

И мерцают в зале свечи
Сквозь мятущиеся толпы,
И шумней гремят литавры,
И сильней труба рокочет.

«Холодны твои объятия!» –
Шепчет Клара, содрогаясь.
«Ты прийти мне приказала!»
И волна влечет их дальше.

«Отпусти меня, Рамиро,
От тебя могилой пахнет!
А ответ, как прежде, темен:
«Ты прийти мне приказала!»

Пол дымится под ногами,
Альт играет веселее,
Точно бешеная прятка
Пляска в зале завертелась.

«Отпусти меня, Рамиро!» –
Голосок дрожит, срываясь,,
Дон Рамиро непреклонен:
«Ты прийти мне приказала!»

«Уходи же, бога ради!» –
Клара вымолвить решилась,
И, едва сказать успела,
Скрылся из виду Рамиро.

Кларе страшно, пахнет смертью,
Гложет холод, ночь дурманит,
Очертания слабеют,
Утопая в темном царстве.

Наконец, проходит дрема,
Раскрываются ресницы,
Но очам от удивленья
Впору сызнова закрыться.

Ибо ей с начала танца
Не пришлось подняться с места,
И жених сидит с ней рядом
И заботливо ей внемлет:

«Отчего бледна ты стала?
Отчего твой взор стал темен?»
«А Рамиро?» – шепчет Клара,
От испуга леденя.

Но у суженого резко
Обозначилась морщина:
«Что тебе до дел кровавых? –
Днем господь прибрал Рамиро».

10. Валтасар

Ночь заслонила небосклон,
Лежал в дремоте Вавилон.

В палатках царственных одних
Шум челядинцев еще не затих.

Туда на пир холопью рать
Царь Валтасар велел созвать.

Холопы заполнили пышный зал,
Пили они за бокалом бокал.

Звенели бокалы, натешив гостей,
И стало худому царю веселей.

Его лицо горит огнем,
Вкусил он дерзости с вином.

И дерзость занесла его,
Он словом греховным хулит божество.

Чванясь, порочить он господу стал,
Сам от холопских пьян похвал.

И раб, поймавший царский взгляд,
Уйдя на миг, пришел назад,

И утварь златую принес с собой,
Что в храме Иеговы добыл разбой.

И царь - богохульник, рванув вперед,
Кубок священный в руки берет.

И выпивает поспешно до дна,
И речь его громкая злобы полна:

«Иегова, узнай о позоре своем,
Я в Вавилоне стал царем!»

Еще не затихла царская речь,
Как грудь ему стало предчувствие жечь.

И звонкий хохот внезапно пропал,
И тише кладбища стал зал.

Вы гляньте, гляньте! У стены
Движения руки видны.

На белую стену огнем письма
Нанесла и опять пропала она.

Потупив очи, царь сидел
С дрожью в коленях и мертвенно бел.

И охладил холопов страх,
Застыли речи на устах.

Волхвам и кудесникам кликнули клич,
А им никак письменна не постичь.

Но сумела в ту ночь холопья рать
У Валтасара жизнь отнять.

11. Миннезингер

Миннезингер ждет успеха,
Отправляясь на турнир.
Вот, действительно, потеха,
Не видал подобной мир!

Конь певца – воображенье,
И ему уж не перечь,
Щит певца – его уменье,
А живое слово – меч.

Льстятся красою несказанной,
Толпы дам глядят с крыльца,
Но меж ними нет желанной
И желанного венца.

На ристалище шагая,
Из борцов здоров любой,
А судьба певца другая:
Со смертельной раной – в бой!

И коль хлынет вместе с песней
Горлом кровь, ловчее всех,
Те уста, что всех прелестней,
Возгласят его успех.

12. Взгляд в окно

Шел бедный Генрих мимо окна
Гедвиг, жившей в уединенье,
Вдруг еле слышно шепчет она:
«Он бледен, как привиденье!»

Идущий внизу обратил свой взор
К живущей в уединенье.

Гедвиг любовь узнала с тех пор
И стала как привиденье.

Она дождалась его, от любви
Терзаясь в уединенье,
Ее принимал он в объятья свои,
Когда ходит в ночи привиденье.

13. Раненный рыцарь

В преданиях говорится,
Что в давние времена
Любовью проникся рыцарь
К той, что коварства полна.

Он презирал за коварство
Предмет сердечной любви
И сам от стыда терзался
За горькие муки свои.

Готовый броситься в сечу,
Взывал он все вновь и вновь:
«С мечом выходи навстречу,
Хулящий мою любовь!»

Никто не молвил словечка,
Ныло несчастье свое,
И в собственное сердечко
Он молча вонзил копьё.

14. По воде

Склонившись к мачте, я глядел
На вспененную воду.
Прощай, родимая страна!
Корабль прибавил ходу!

Я домик милой миновал,
Он был пригож и светел.
Хоть я все очи проглядел,
Никто мне не ответил.

Уймись слезы, чтоб не быть
Мне пеленой на взоре.
Больное сердце, не сломись
На непомерном горе.

15. Покаянная песенка

Князь Ульрих ехал верхом в лесу,
Листочки шелестели,
И вдруг увидел девичью красу
Из-за зеленой ели.

Промолвил кавалер: «Сей лик
Отлично я помню вроде,
Меня он завлекать привык
На людях и на природе.

Роточек этот я готов
Сравнить хоть с розой алой,
Но сколько злобных, горьких слов
Оттуда вылетало.

Лишь оттого ее уста
Я ставлю с розой рядом,
Что в темной зелени куста
Гнезятся змеи с ядом.

А ямочки прелестных щек,
Источник обаянья,
Как пропасть та, куда завлек
Безумный жар желанья.

И коль случится мне узреть
Вновь кудри на головке,
Я понимаю – это сеть,
И козни, и уловки.

Я в этих глазках видеть рад
Прозрачных волн прохладу,
В них что-то есть от райских врат,
Но это дорога к аду».

Князь Ульрих ехал, замедлив ход,
Листва висела понуро.
Бледна и печальна ему предстает
Совсем другая фигура.

Сказал кавалер: «О моя мать,
Всегда ты меня жалела,
Хоть мне случалось тебя огорчать,
Худое делаю дело.

Когда б огнем своих мук иссушить
Я мог твоих слез потоки,
И кровью из сердца румянец влить
Я мог в твои бледные щеки!»

Стало темнеть, и князь собрался
Двинуться по лесу снова.
С разных сторон слышны голоса,
Посвисты ветра ночного.

И кавалер в чужих устах
Своей пленился речью,
А это веселые песни птах
Летели ему навстречу, –

Про то князь Ульрих песню поет,
Что покаянье настало,
Когда до конца он ее споет,
Начнет ее петь сначала.

16. Певице, исполнившей старинный романс

Припоминаю миг волшебный,
Когда ее узрел мой взор!
А в звуках нежность доносилась,
И проникала в сердце милость,
И по щеке слеза катилась, –
Так не бывало до сих пор.

Дремотой сладостной окутан,
Ребенком сызнова я был
И чуял матушкины взгляды,
Приткнуться с книжкой у лампы –

Мне лучше не было отрады,
А за окошком ветер выл.

Легенды делаются явью,
Герои из могил встают,
Вскипает бой при Ронсевале,
Роланд несокрушим вначале,
Храбрейшие с ним рядом встали,
И Ганелон, мерзавец, тут.

Из-за него Роланду худо,
Герой в крови, чуть дышит он,
И мочи в рог трубить не стало,
И Карлу не слышать вассала,
Роланду жить осталось мало,
И с ним кончается мой сон.

Шальные плещущие звуки
Меня воззвали ото сна.
Легенды тотчас же пропали,
Народ гудел в концертном зале,
Певицу шумно вызывали,
И низко кланялась она.

17. Песня о дукатах

У меня дукатов нету, –
Кто польстится на монету?

Или рыбки золотые,
Что не прочь в речной водице
Понырять да порезвиться?

Иль цветочки золотые,
Что в росинках часом ранним
На лугах манят сияньем?

Или птички золотые,
Что порой сверкнут крылами
В голубой дали над нами?

Или звезды золотые,
 Чью улыбку каждой ночью
 В небесах мы зрим воочью?

Ах, дукаты золотые,
 В буйной реченьке вас нет,
 Не сокрыли вас луга,
 Вы не рветесь в облака
 И не льете с неба свет, –
 Просто лапы к вам простер
 Мой свирепый кредитор.

18. Разговор на Падерборнском лугу

Иль не слышишь – льются звуки?
 Контрабас иль скрипка вроде?
 Девушки, сплетая руки,
 Закружились в хороводе.

«Ах, дружочек, здесь ошибка
 Несомненно виновата.
 Это хрюкает не скрипка,
 А свинья и поросята!».

Иль не слышишь – рог во мраке!
 Егеря несутся к цели.
 Ловят овцы на лужайке
 Звук пастушеской свирели.

«Ах, дружок, не внемлю рогу,
 И свирели нет в помине.
 Приближаются к порогу
 Свинопас и свиньи ныне».

Иль не слышишь – льется пенье,
 На турнир певцов похоже?
 Ангелочки в упоеньи
 Бьют крылами, как в ладоши.

«Ах, дружочек, что ты право,
 Где турниры в жизни нашей?
 То мальчишечья орава
 С песней гонит гуся взашей».

Иль не слышишь – зазвенела
 Даль в раскатах колокольных?
 Деревенская капелла
 Поджидает богомольных.

«Ах, дружок, то коровы
 Бубенцы трясут проворно,
 В стойло темное готовы
 С пастбища плестись покорно».

Иль не видишь ты поклона?
 И не видишь покрывала?
 То, взирая сокрушенно,
 Мне любимая предстала.

«Ах, дружок, всякий знает:
 Это Лиза – лесовиха
 С костылями ковыляет,
 Вся иссохшая от лиха».

Над любым вопросом странным,
 Друг любезный, смейся смело,
 Но объявишь ли обманом
 То, что сердцем завладело?

19. Приветствие
 (Листок из альбома)

Дорога проезжая – наша земля,
 И странствуют люди без меры,
 И конный и пеший трясутся пыля,
 Как вестники или курьеры.

Пронесется мимо, успев лишь кивнуть,
 Платком помахав из кареты,
 Еще мы к груди прижимали бы грудь,
 Да кони уже разогреты.

Едва, Александр, князь возлюбленный мой,
 Свело нас в пути на мгновение,
 Уже, разлучая, охрипшей трубой
 Трубит почтальон отправленья.

20. Воистину

Едва засияет солнце весной,
Как разом цвести начинают цветы,
Едва станет месяц светить с высоты,
Как выплывут звездочки в сумрак ночной,
Едва чьи-то глазки сверкнут впереди,
Как песню поэт ощущает в груди, -
Но песня, и месяц, и звездный рой,
Цветочки, и глазки, и солнце весной,
Хотя и прекрасны, сомненья нет,
Однако это не весь еще свет.

Сонеты*А. В. фон Шлегелю*

В своем цветастом платье с кринолином,
В парчовых туфлях, в парике высоком,
Приладив мушки к набеленным щекам,
Надев корсет и сделав стан осиным, –

Вот псевдомуза в облике сколь чинном
Пришла тебя прельщать любезным слогом,
Но ты не льнул к накатанным дорогам,
Хоть по тебе лишь ведомым причинам.

Ты старый замок отыскал в пустыне,
А в нем, подобна мраморной богине,
Дремала дева у волшбы во власти.

Волшба прошла от твоего прихода,
И муза – дочь немецкого народа
К тебе в объятья пасть почла за счастье.

*Моей матери Б. Гейне,
урожденной фон Гельдерн*

1

Я голову привык держать высоко
И на своем стоять привык я твердо,
Хоть сам король в лицо мне взглянет гордо,
Я знаю, у меня не дрогнет око.

Но, матушка, от срока и до срока,
Когда твоя душа ко мне простерта,
Ни бога не боящийся, ни черта,
С чего-то вдруг робею я глубоко.

Твой, что ли, дух дарует мне смиренность,
Дух, ведавший отважное боренье
И в блеске молний к небу воспаренье?

Вспоминанья, что ли, одолели
О том, как огорчал я с колыбели
Хранящую любовь ко мне доселе?

2

По дуруости своей тебя вначале
Я бросил и отправился в скитанья
Искать любви: влекли меня желанья,
Чтобы любовь любовно обнимали.

Я стал искать любви в любом квартале,
У каждой двери изливал страданья,
Я стал молить любви, как подаанья,
Но ненавистью люди отвечали.

И снова я искал любви, и снова
Искал любви, дождавшись лишь худого,
И приуныв, и навредив здоровью,

И вот пришел домой. Однако сила,
Что в этот час в твоих очах сквозила,
Как раз и называется любовью.

Г. III.

Едва я заглянул в твои писанья,
 Себе нашел я близкого немало,
 Меня толпа видений обступала,
 Как детские мои воспоминанья.

Стоял я у блаженнейшего зданья,
 Какое вера немцев основала,
 И различал за музыкой хорала
 Сладчайшие любовные стенанья.

Я, впрочем, вижу, что довольно смело
 Сбивать резьбу в большом соборном зале
 Проворные пигмеи нынче стали.

Но если даже с дуба и слетело
 Листвы убранство, став добычей вора,
 Вновь дубу зеленеть – весна ведь скоро!

Сонеты-фрески Христиану 3.

1

Кадить не стану идолу из жести,
 Хоть и позолотят его с лица,
 И не пожму я руку подлеца
 Меня тайком лишаящего чести.

Не опущусь до беспардонной лести
 Развратнице, прельщающей сердца,
 И жалкого кумира у дворца
 Встречать не выйду с подлой чернью вместе.

Придется падать дубу-исполину,
 Зато тростник, легко клонящий спину,
 В грозе и буре выживать привык.

Однако кем окажется тростник?
 Какая честь! Мог тростью фата стать я
 Иль выбивать в передней пыль из платья.

2

Дай маску, я хочу на маскараде
Явиться нищим, дабы сытой черни,
Что маски разберет похарактерней,
Не возомнить, что мы в одном с ней стаде.

Дай заурядность в слове и во взгляде,
В плебейство окунусь я в час вечерний,
Себе сказав: блестящий ум отвергни,
Коль щеголь дышит им позерства ради.

Я в пляс пустился в маскарадном зале,
И рыцарско-монашеская стая
Пустилась в пляс, меня не узнавая.

Игрушечным мечем меня хлестали.
Шутили. Но узнав, кто я на деле,
Разбойники бы сразу присмирели.

3

Смеюсь над ни на что не годным малым,
Вперяющим в меня свой взор барана,
Смеюсь, когда лисица беспрестанно
Обнюхать норovit с усердьем шалым.

Смеюсь над павианом разудалым,
В герои духа влезшим невозбранно,
Смеюсь, приметив труса-интригана,
Грозящего отравленным кинжалом.

Хоть ты уже не баловень-мальчонка
И под бичом судьбы пропало счастье,
Пропало все, чем жизнь была богата.

И сердце, знавшее любовь когда-то,
Разорвано, разодрано на части, –
Еще ведь можно посмеяться звонко.

4

Вертится сказка у меня в мозгу,
А в сказке старой песенки напев,
А в старой песне – лучшая из дев,
Ее черты я различить могу.

У девы сердце есть – тут я не лгу,
Хотя, любовью сердце не согрев,
Она хранит в нем лишь надменный гнев,
Лишь чванный лед и к другу и к врагу.

Не слышишь, как всплывает сказка, что ли?
Как песенка звенит невесть откуда?
И как с девичьих уст слетает шутка?

И череп у меня трещит от боли, –
Ох, ведь и в самом деле было б худо
Лишиться ко всему еще рассудка.

5

Под вечер в умиленьи несказанном
Былая песня вроде зазвенела,
И слезы потекли легко и смело,
Кровь притекла к былым сердечным ранам.

А в зеркале магическим обманом
С иглой взялась любимая за дело.
Она в пунцовой кофточке сидела,
Окружена покоем долгожданным.

И вдруг, вскочив, оставила работу
И, прядь волос отрезав своевольно,
Дала их мне – и сладко мне и больно!

Но Мефистофель, жить отбив охоту,
Веревку сплел из пряди золотистой!
На ней и волочит меня нечистый.

6

«Не соглашалась ты при прежней встрече
На поцелуй! Была ты холодна», –
Сказал я милой, и меня она
Поцеловала, слыша эти речи.

И, чтобы ветку взять, склонила плечи
Над миртовым кусточком у окна:
«Возьми, она в земле расти должна,
Стеклом покрыта», – и ушла далече.

Прошли года, Давно той ветки нет.
И не встречал я милую мою.
А все я поцелуем тем согрет.

Из дальней дали гонит он порой
Меня назад. Я у ворот стою
Ночь напролет, и ухожу с зарей.

7

Беги, мой друг, от дьявольского рыла,
Но знай и в ангеле повадку злую.
Меня склонил мой ангел к поцелую,
И тут когтистая рука схватила.

Беги, мой друг, есть в черных кошках сила,
Но зря мы белым верим зачастую,
Я счел своим сокровищем такую
Она за это сердце мне разбила.

О милая, смазливая девчонка!
Как мог я на твои польститься глазки?
Как сердце губят нежной лапки ласки?

О, ласковая лапонька котенка!
Нам только бы поцеловаться жарко,
А там уже и кровь отдать не жалко!

Ты видел, что в борьбе я трачу силы
На модных кошек, на очкастых шавок,
Что честь мою чернят они вдобавок
И довести мечтают до могилы.

Ты видел, что педанты ждут поправок,
Что шутовские шутки мне постылы,
Что пожирают сердце крокодилы
И ручейки текут из ран кровавых.

Но ты стоял, как башня над обрывом,
Как мой маяк в течении бурливом,
Твоя душа мне гаванью бывала.

Хотя достигнуть гавани и трудно
И редкое туда проникнет судно,
Но кто проник, тот защищен от шквала.

Хотел заплакать я, но не сумел;
Хотел парить над порожденьем ада,
Но не сумел; и вот мне ползать надо
Меж отвратительных змеиных тел.

Хотел я обрети благой удел,
Витать повсюду, где моя отрада,
Живя в ее дыханье, в блеске взгляда,
Но не сумел; я насмерть заболел.

Из сердца льется, как могу понять я,
Ручьями кровь, слабею всякий день я,
И все мутнее и мутней зеницы.

И с тайной дрожью жажду я сокрыться
В туманный мир, где тихие виденья
Любовно заключат меня в объятья.

ЛИРИЧЕСКАЯ ИНТЕРМЕДИЯ

1822 – 1823

Пролог

Жил некогда рыцарь, который всю жизнь
 Скитался безрадостной тенью.
 Поди от него хоть словечка дождись, –
 Все грезил, томясь по виденью.
 Таких несурзных и в мире-то нет,
 Цветы и девчонки хихикали вслед
 Пустому его поведенью.

Бывало, в укромном сидит уголке,
 Укрывшись от глаза людского,
 Как водится, руки ломает в тоске,
 Однако не вымолвит слова.
 И снова к нему полуночная мгла
 Откуда-то пенье и звон донесла
 И в двери стучится снова.

Сыскала к печальнику милая ход,
 Одетая в пену морскую,
 Как роза пылает она и цветет,
 Закутана в шаль дорожную,
 Златистые локоны падают с плеч,
 От сладкого взора очей не отвлечь,
 Ну, как не обнимешь такую?

И рыцарь обнять ее жарко сумел,
 Унылый дошел до порыва,
 Стал бледный – румяным, кто грезил – прозрел,
 И робкий освоился живо.
 Она же, смеясь своему торжеству,
 Лукаво дразнила его и главу
 Окутала шалью шутиливо.

Не силой волшебной в подводном дворце
 Он мог появиться ужели?
 Он чуть не ослеп, изменился в лице
 От блеска цветной канители,
 Однако в объятьях русалки затих,

Русалка – невеста, наш рыцарь – жених,
И девы морские запели.

Играли и сладостно пели опять,
Плясали с неведомой силой,
И рыцарь рассудок был рад потерять,
Лишь крепче прижаться бы к милой, -
Тут гаснут внезапно повсюду огни,
И рыцарь один, как бывал искони,
В унылой камерке поэта.

1

В один прекрасный майский день,
Чуть началось цветенье,
Мной разом овладело
Сердечное влеченье.

В один прекрасный майский день
Звенело птичье пенье,
И я не скрыл от милой
Тоску и вожделенье.

2

Там, где я пролил слезы,
Цветы алеют с тех пор,
Звенят былые вздохи
Как соловьиный хор.

Дитя, коль меня ты любишь,
Вся пропасть цветов – твоя,
И пусть над своим окошком
Ты слышишь соловья.

3

Былинка, голубка, светило, цветочек,
Любил я вас раньше усерднее прочих,
Теперь позабыл я про вас, и причина
Старинна, картинна, невинна, едина,
Для всякого чувства она лишь источник,
Былинка, голубка, светило, цветочек.

4

Чуть различу твой нежный взгляд,
Терзанья больше не томят;
А чуть к устам прильнут уста,
И немочь как рукой снята.

Чуть припаду к твоей груди,
Провижу счастье впереди;
Но чуть шепнешь: «Люблю тебя!» –
Я сразу слезы лью скорбя.

5

Все та же ты, какая мне
Однажды виделась во сне,
Душою ангелам равна,
Но как бледна, как смерть бледна!

Покамест ал твой нежный рот,
Но и к нему ведь смерть прильнет, –
И вот безжизненно погас
Небесный свет смиренных глаз.

6

Щекой прижмись к моей щеке –
Вдвоем изойдем слезами,
И сердцем к сердцу припади –
Сольем воедино пламя.

Когда устремил бы слезный поток
В то пламя свое теченье,
И я б тебя обнял, – я б изнемог
От страстного влеченья.

7

Наполнив чашу до края,
Я лилии грудь изолью,
Пусть лилия, благоухая,
Поет про любовь мою.

И песня трепещет, будто
Тот поцелуй в тишине,
Что в сладостную минуту
Она подарила мне.

8

Хоть звезды друг на друга
Глядят уже века,
В их взорах не слабеет
Любовная тоска.

Красноречив и светел
Язык таких бесед,
Но разве понимает
Его языковед?

А я вот научился
Премудрости такой,
Грамматикой мне служит
Лицо моей дорогой.

9

Любимая, мы с песней
Умчим в чужие края,
Местечко других чудесней
Близ Ганга знаю я.

Сады, не отыщешь краше,
Луна залила до утра,
И рады лотоса чаши,
Что будет у них сестра.

Фиалки как бы случайно
На звезды бросают взгляд,
А розы нежно и тайно
Душистые сказки твердят.

По вольным лугам газели
Скачут, задора полны,

В священной реке зашумели
Всплески дальней волны.

Под пальмой там, дорогая,
И мы с тобой отдохнем,
Любовь и покой вкушая,
Задремлем блаженным сном.

10

Склонясь пред пышным солнцем,
Чуть занялся восход,
Благословенной ночи
Чаша лотоса ждет.

Ее любовник месяц,
Лучась, придет к ней во тьму,
Она свой облик невинный
Откроет только ему.

Цветет, горит, расточает
Благоуханья свои,
Плачет она и трепещет
От счастья и мук любви.

11

Струится Рейн привольно,
И в волнах видит взор
Крутые крыши Кёльна
И городской собор.

В соборе есть мадонна
На коже золотой,
Меня во тьме бездонной
Хранил ее свет святой.

Витают над ней ангелочки,
Цветут кругом цветы,
А глазоньки, губки и щечки –
Точь-в-точь, любимая, ты.

12

Опять объявишь: не люблю,
А мне заботы мало, –
Я равен счастьем королю,
Едва ты мне предстала.

«Отстань, противный!» – алый твой
Роток твердит повсюду,
Но поцелуешь, и с лихвой
Вознагражден я буду.

13

Ты не клянись, целуй сперва!
У женщин дешевы слова, –
Красны, но краше их любой
Мгновенный поцелуй с тобой,
Он – мой, а клятвы для меня
Одна пустая болтовня.

Клянись, клянись почаще мне.
Я верю на слово вполне!
К твоей груди припав на миг,
Я верю, что небес достиг,
Я верю, что с начала дней
И раньше – всех тебе родней.

14

У милой нежные оченки –
Из них я слагаю канцоны,
У милой губки очень тонки –
Из них я слагаю терцины,
У милой румяные щеченки –
Из них я слагаю стансы.
Вот жаль, что сердечка у милой нет,
А то бы сложил я дивный сонет.

15

Весь мир ослеп, весь мир стал глуп
И попросту вульгарен,

Коль он твердит, что нрав твой груб,
Капризен и даже коварен.

Весь мир ослеп, весь мир стал глуп
И время теряет все,
Не зная, как сладко срывать с твоих губ
Обжигающие поцелуи.

16

Жду я, милая, ответа,
Все понять я не могу –
От жары ли у поэта
Объявилась ты в мозгу?

Но твоё очарованье
И очей волшебный свет
Никогда, при всем желанье,
Не придумает поэт.

Воплощенье силы вражьей,
Василиск, вампир, дракон –
Вот каких он персонажей
Сочиняет испокон.

Но что грудь полна коварства,
А в глазах намёка нет,
Как бы сильно ни старался,
Не придумает поэт.

17

Как из пены вод рожденная,
Вся сияет страсть моя,
Дело, стало быть, решенное
Взять приезжего в мужья.

Сердце, полное страдания,
Не сердись, не помни зла,
И прости без колебания
Нашей дурочки дела.

18

Я не сержусь, хоть сердце гложет грусть,
Разбитая любовь, я не сержусь.
Пускай лучится на тебе алмаз,
В твоей душе последний луч погас.

Я это знал. Приснилось мне давно,
Что в сердце у тебя темным темно.
Я видел, что впилась в него змея,
И ты несчастна, бедная моя.

19

Нет, бедная моя, я не сержусь, –
Обоим нам положена беда.
Покуда живы, так и будет пусть
Обоим нам положена беда.

Я вижу, колкость рвется с губ вспорхнуть,
Я вижу, очи смотрят свысока,
Я вижу, гордость распирает грудь, –
Но ведь меня бедней ты, бедняка.

Ведь на губах трепещет боль, поди,
Слеза в глазах запрятана всегда,
Зияет рана у тебя в груди, –
Обоим нам положена беда.

20

Льется флейты журчанье,
Басом ревет тромбон,
Празднуется венчанье
Той, в кого я влюблен.

Литавры слышны и свирели,
Стоит гуденье и звон,
Но ангелы наши успели
Вставить на паузе стон.

21

Ты, значит, начисто забыла,
Что сердце мне свое дарила,
Прелестное, лживое сердце, – предмет,
Ни прелестней, ни лживей которого нет.

Ты, значит, любовь и тоску забыла,
Которыми сердце мне задавила.
Не знаю, что больше – любовь иль тоска,
Но знаю, что каждая велика.

22

Когда бы цветики знали,
Как сердце мое болит,
Со мной бы зарыдали,
Чтоб не было обид.

Когда про мои печали
Проведали бы соловьи,
Нежнее бы засвистали
Рулады мне свои.

Когда в недобрую ночь
До звезд моя боль дойдет,
Чтоб мне не стыть в одиночку,
Они сойдут с высот.

Но злую весть не доставить, –
Все знает она одна:
Мне сердце-то сама ведь
Разорвала она.

23

Зачем это нынче розы бледны?
Скажи, дорогая, зачем?
Зачем не прервать в лугах тишины
И стал колокольчик нем?

Зачем взмыл жаворонок в облака,
Тоску изливая вслух?

Зачем от душистого лепестка
Исходит гнилостный дух?

Зачем не греет солнце поля –
Ведь злобствует неспроста?
Зачем печальна стала земля
И, как могила, пуста?

Зачем я болен и сумрачен вновь,
Не зная светлого дня?
Скажи, единственная любовь,
Зачем ты ушла от меня?

24

Тебя наставляли бывало,
Спеша предостеречь;
Того, что мне душу терзало,
Отнюдь не касалась речь.

Кивали своим тирадам,
Худую подняв кутерьму,
Меня называли гадом,
И верила ты всему.

Но где им разобраться,
В чем самый дурной мой грех,
Он, самый мой дурацкий,
В груди запрятан от всех.

25

Деревья цвели, ликовал соловей,
И солнце смеялось опять и опять.
Целуясь, меня ты спешила скорей
К груди своей жаркой покрепче прижать.

Опала листва, каркнул ворон из тьмы,
И солнце в сердцах обошло небосклон.
«Прощай!» – на морозе промолвили мы,
И ты отдала мне любезный поклон.

26

Мы знали, что чувства связуют нас,
Но это нам ладить ничуть не мешало.
Мы в мужа с женой играли подчас,
Но обойтись могли без скандала.
Мы все чудили, вдвоем веселясь,
И целовались, как водится, всласть.
Мы в прятки играли в былые года,
Носясь, точно дети, от рощи до луга,
И так хорошо укрылись тогда,
Что никогда не отыщем друг друга.

27

Ты всех верней оказалась,
Всё надо мной хлопотала,
Хоть горя тогда хватало,
Утешить всегда старалась.

И досыта накормила,
И кучу денег достала,
И мне белье постирала,
И паспорт мне раздобыла.

Дай бог тебе жить без заботы
И долго, моя отрада,
Но в этом видеть не надо
Ответ на твои щедроты.

28

Земля скудна была сначала,
Но май привел свой пышный антураж,
Все расцвело, возликовало,
Лишь я – печальный персонаж.

Цвели цветы, болтали птицы хором,
У них, как в сказке, рос кураж;
Я недоволен был их разговором,
Не видя, в чем тут авантаж.

Толпа до чертиков мне надоела,
 Мне друг постыл – какой пассаж!
 Зовут «мадам» – ведь вот оно в чем дело! –
 Ту, с кем я рад в любой вояж.

29

И раз я все мешкаю, время тяну,
 Теперь закатился в чужую страну,
 Терпеть надоело за годом ей год,
 И платье она подвенечное шьет,
 И вот уже с парнем ее обвенчали,
 Глупее которого сыщешь едва ли.

Но я от милой моей не отвык,
 Все видится мне ее сладкий лик,
 И розочки щек и фиалки очей
 Сияют все ярче и жгут горячей.
 Дурацкий отъезд мой был много глупее
 Любой предыдущей дурацкой затей.

30

Фиалки синих-синих очей,
 Розы ланит, не сыскать алей,
 Лилии ручек, снега белей,
 Цветут, как издавна заведено,
 Лишь сердце высохло давно.

31

Парит над землей голубой небосвод,
 Весенним теплом ветерок обдает,
 Лужайка в росе и манит и зовет,
 Лучится она, и блестит, и цветет,
 Весь мир веселится, не зная забот,
 А я, между тем, все грежу могилой,
 Где я бы затих, прижавшись к милой.

32

Когда тебя, моя любовь,
 Сокрыла бы гробница,

В нее сошел бы я, чтобы вновь
Рядышком примоститься.

Притихшую, бледную обниму,
Прильну к охладевшему стану,
Обрадуюсь, вздрогну, слез не уйму,
И сам покойником стану.

Вовек мертвецы в полуночный час
Летучим роем кружили,
Но им никогда не дозваться нас,
Обнявшихся в могиле.

Встают мертвецы, ибо в день суда
Их кара ждет и награда,
А нам все равно, и никогда
Нам расставаться не надо.

33

На северной лысой вершине,
Весь в пологе ледяном,
Забытый ствол сосновый
Заснул одиноким сном.

Во сне он видит пальму,
Которая в южной земле
Безгласна и одинока
На выжженной солнцем скале.

34

Голова говорит:

Ах, мне скамеечкой бы стать
Для ног возлюбленной моей!
Она могла б меня топтать, —
И стон не выдал бы скорбей.

Сердце говорит:

Ах, кабы выпало мне стать
Подушкой для ее иглы!
Пускай колола бы опять,
Ее уколы мне милы.

Песня говорит:

Ах, бумажонкой стать бы мне
 И папильоткой ей служить!
 И ей шептать бы в тишине
 Все, что во мне привыкло жить.

35

Чуть лишился я любви,
 Позабыл смешки свои.
 Шутниками полон свет,
 Да смеяться мочи нет.

Чуть ушла любовь моя,
 Разучился плакать я.
 Сердце ломится от бед,
 А заплакать мочи нет.

36

Я из беды великой
 Малые песни слагаю
 И песен целую стаю
 Шлю к сердцу розоволикой.

Они приближались к цели,
 Да слезы, вернувшись, лили
 И лили, но не открыли,
 Что в сердце они узрели.

37

Мещане, одевшись богато,
 Идут прогуляться на луг
 И прыгают, словно козлята,
 Любуясь природой вокруг.

Трепещут их чуткие души
 От всех романтических красот,
 И слушают длинные уши,
 Когда воробей запоет.

Но черным платком в воскресенье
Закрyto окно у меня
Затем, что мои привиденья
Приходят средь бела дня.

Из царства мертвых былая
Любовь является в дом,
Садится рядом, рыдая,
И сердце исходит добром.

38

Расскажут картины былого,
Восстав из своих могил,
Как я с тобой по соседству
Давно когда-то жил.

Бродил по улицам, грезя,
Едва озарялась даль,
И люди кругом дивились –
С чего такая печаль?

Вот ночью было получше,
И в городе пустом
Мы с моей верной тенью
Молча плутали вдвоем.

Я шел через мост и слушал
Грохот своих шагов,
Луна на меня тоскливо
Взирала из облаков.

У дома, где с детства жила ты,
Мой взор шел в вышину, –
Как сердце ни щемило, –
Шел к твоему окну.

Я знаю, не однажды
Видала ты в окне,
Как я у самого дома
Столбом стоял при луне.

Юноша взял и влюбился,
А милой другой милей,
Другой полюбил другую
И повенчался с ней.

За первого, кто подвернулся,
Не вытерпев обид,
Выходит девушка замуж,
А юноша скорбит.

Стара история вроде,
А смотришь, – внове опять.
И с кем она приключилась,
Тому не сдобровать.

Чуть песня донесется,
Что пела мне она,
И грудь вот-вот разорвется,
Смятения полна.

Тоска, не зная границы,
Уводит в лес всегда,
Чтобы в слезах излиться
Могла моя беда.

Во сне я видал королевскую дочь,
Сидела она, рыдая,
Под липой мы провели всю ночь,
Друг к другу припадая.

«Оставлю я трон отцу твоему,
О скипетре не радею,
Златая корона мне ни к чему,
Ты, нежная, будь моею!»

«Тому не быть, – твердит она, –
Меня взяла могила,

К тебе ж хожу, коль ночь темна,
Затем, что полюбила».

42

Любимая, ночью безмолвной
Случилось отправиться нам,
Доверясь легкому челну,
В неведомый путь по волнам.

Прекрасные в лунном сиянье
Вставали вдали острова,
Там тени кружились в тумане
И сладко звучали слова.

Все ширилась песня ночная,
Шли тени, то долу, то ввысь,
А мы, утешенья не зная,
В открытое море неслись.

43

Рукою белоснежной
Призывно машет мне,
Пленяя сказкой прежней
О радостной стране,

Где в сказочную дрему
Цветы погружены
И льнут один к другому,
Как под венцом, нежны,

Где роща вековая
Лепечет и поет
И где родник, играя,
Скликает хоровод,

Нигде любовных песен
Не петь таких, как тут,
И так напев чудесен,
Что ведь с ума сведут.

Ах, если бы случилось
Сыскать туда пути,
Навек забыть немилость
И волно обрести!

Да край обетованный,
Открытый снам моим,
В лучах зари румяной
Расходится как дым.

44

Любил я тебя и влюбился опять!
Разбейся весь мир на части,
В руинах бы все продолжал пылать
Огонь моей давней страсти.

45

В чудесный сад по соседству
Бегу, как прежде, чуть свет.
Шушукаются цветочки,
А я ни слова в ответ.

Шушукаются цветочки,
Сочувствуя мне от души:
«Несчастный, ты уж обиды
На нашу сестру не держи!»

46

Таким лучится светом
Любовь моя во тьме,
Как грустная сказка, что летом
Была по ночам на уме.

«В чудесном саду сидела
Безгласная пара одна,
И песнь соловья звенела,
И свет струила луна.

Рыцарь потом на колени
Пред милой девой пал,

Пришел богатырь надменный,
И девы след пропал.

Рыцаря насмерть сразило,
Прочь богатырь убрался», –
Возьмет меня могила,
Тогда и сказка вся.

47

Они меня заели
И отняли покой,
Одни – безмерной любовью,
Другие – злобой тупой.

Давали мне хлеб с отравой,
Яд мне давали с водой,
Одни – безмерной любовью,
Другие – злобой тупой.

Она же всего больнее
Мне истерзала грудь,
Не злобствуя нимало
И не любя ничуть.

48

На щечках пышет лето
Венцом красы земной,
Зима одела сердечко
Морозной пленой.

Послушай, дорогая,
Настанет час иной:
Зима нагрет на щеки,
А на сердце летний зной.

49

Обычно в миг разлуки
Не могут слез унять,
Обнимутся, вздыхают
И слезы льют опять.

А мы не стали плакать,
 Когда прощались с ней.
 Страдания и слезы
 Пришли куда поздней.

50

Однажды за ужином где-то
 Взялись про любовь толковать,
 Мужчины всё были эстеты,
 И дамы собрались под стать.

«Да будет любовь платонична!» –
 Изрек сухопарый гофрат.
 Гофратша, вздыхая привычно,
 Скосила насмешливый взгляд.

Каноник учил громогласно:
 «Вульгарное чувство – червяк,
 Здоровье точащий напрасно!»
 Девушка шепнула: «Но как?»

Графиня, твердя отрешенно:
 «Какой-то в любви есть дурман!» -
 Дала господину барону
 Горячего чаю стакан.

Досадно, что ты не сумела,
 Мой ангел, туда заглянуть.
 Ведь ты бы со знанием дела
 Сказала про самую суть.

51

Полны мои песни яда,
 Иных не ведаю я,
 Ведь ты мне отравила
 Всю радость бытия.

Полны мои песни яда,
 Иных не ведаю я, –

Мне сердце гложут змеи
И ты, любовь моя.

52

Мне сон стародавний приснился один:
Дождавшись веселого мая,
Мы, крепко обнявшись, под липой сидим,
До гроба любить обещаю.

Ты клятву даешь, я клятву даю,
Целуемся мы и клянемся,
И вдруг укусила ты руку мою,
Чтоб памятно было знакомство.

Как чист был взор твоих очей!
Как ты оказалась лукава!
Любимая, клятвы в порядке вещей,
Кусаться не стоило, право.

53

Взошел я на гору крутую
И в сантиментах погряз:
«Ах, стать бы мне птичкой вольной!» –
Вздыхаю в который раз.

Ах, ласточкой стать бы, касаткой,
К тебе бы помчаться, что есть сил,
И я у тебя под окошком
Себе бы гнездышко свил.

Ах, стать бы соловушкой нежным,
К тебе бы помчаться, что есть сил,
Забрался бы я на липу
И трели всю ночь выводил.

Ах, стать снегирем бы глупым
И к сердцу помчаться напрямик,
Ты глупость извиняешь
И боль излечишь вмиг.

В карете еду лесом,
Потом выезжаю на луг,
Веселое солнце лучится,
И все цветет вокруг.

Я еду, тоскую и грежу –
Вот милой случиться бы тут!
И вдруг три огромные тени
В карету заглядывают.

Кружатся и строят мне рожи,
Наглеют, хоть сами дрожат,
И рея, подобно туману,
Со смехом уходят назад.

Я спал и горько плакал,
Мне снилось – хоронят твой прах.
Проснулся – жаркие слезы
Стыли еще на щеках.

Я спал и горько плакал,
Мне снилась измена твоя.
Проснулся – слезы обиды
Катились в три ручья.

Я спал и горько плакал,
Мне снилось, мы вместе с тобой.
Проснулся – слезы поныне
Текут безбрежной рекой.

Я каждую ночь тебя вижу во сне,
Ко мне ты благосклонна,
И сладко к стопам твоим никнуть мне,
Рыдая иступленно.

Ты мне сочувствуешь вполне,
Головкой русой качая,

И очи твои блестят, в тишине
Жемчужины расточая.

Мне тайное слово скажешь чуть свет,
Дашь ветвь кипариса простого, –
Но только проснусь – кипариса нет,
И я забываю слово.

57

Средь ночи ревет от злобы
Осенний порыв дождя.
Куда запропасть могло бы
Испуганное дитя?

Я вижу: одна средь ночи,
Припав к косяку окна,
Слезами полные очи
Во мглу обратила она.

58

Под ветром деревья гнутся,
Ненастье и тьма кругом,
Закутавшись в плащ свой серый,
Скачу я в бору глухом.

Куда ни скачу, навстречу
Былой возносится сон;
Я к дому моей любимой
Неслышно унесен..

Залаяли псы, и слуги
Со свечкой встречают меня;
По лесенке взлетаю,
Шпорами громко звеня.

В ее уютном покое,
Словно в душистом саду,
Она ведь ждет – не дождется, –
Я к ней в объятия паду.

Свистит меж стволами ветер,
И речи дерев слышны:
«К чему, безрассудный рыцарь,
Твои безрассудные сны??»

59

Звездочка падает с неба,
Искры роняя свои;
Знаю, это упала
Звезда моей любви.

С яблони облетает
Пожухнувшая листва,
Это ветра озорные
Вступают в свои права.

И с песней лебедь белый
Переплывает пруд,
И звуки, замирая,
За ним ко дну идут.

Кругом темно и тихо.
Осень листву размела.
Конец лебединой песне!
Звезда сгорела дотла.

60

В огромный замок сон занес меня,
Где в лабиринт ведет любая зала;
Гостей манили проблески огня,
И сладость духоты их одуряла.
Дрожа от страха и судьбу кляня,
Толпа наружу выхода искала.
И рыцари и девы были там;
Я следовал за ними по пятам.

Но вот они внезапно все пропали,
А я никак не мог понять куда.
Теперь один я продвигался дале,
И все вилась покоев череда.
Дрожу, – а ноги каменными стали,

Казалось, мне не выйти никогда,
И вдруг сыскал я выход, слава богу,
Шагнул – и кто мне преградил дорогу?

Любимая стояла у дверей,
В чертах лица читалась доля злая.
Идти назад велит она скорей,
Бог весть, губя иль предостерегая.
Но сладостный огонь ее очей
Горит, мне ум и сердце озаряя,
И взор ко мне суровый устремлен,
Но любящий – и тут прервался сон.

61

В ночи стояли тишь и хлад,
В слезах я лесом шел наугад;
И тряс я деревья, от сна пробуждая,
Кивали они, мне в беде сострадавая.

62

Зароют самоубийцу
На перекрестке дорог,
Растет для него, бедняги,
Там голубой цветок.

Вздыхая у перекрестка,
Я ночью совсем продрог.
Качался в лунном сиянье
Там голубой цветок.

63

Я стою во тьме крошечной,
Впереди еще темней.
Отняла ты, ангел нежный,
Мне сиявший свет очей.

Отгорела золотая
Звездочка моей любви.
Кличут пропасти без края,
Ночь предвечная, твои.

В очах стояла темень,
Свинец был на устах,
Недвижен и безгласен
Был погребен мой прах.

Не ведаю, как долго
Покоился во сне,
Проснулся и услышал:
Стучатся в гроб ко мне:

«Вставай скорее, Генрих,
Низвержен прежний гнет.
Пора вставать умершим,
Блаженство настает».

Не встать мне, дорогая,
Ведь я лишился глаз;
Пришлось так долго плакать,
Что взор навек погас.

«Я поцелую, Генрих,
И просветлеет взор.
Ты ангелов увидишь
И голубой простор».

Не встать мне, дорогая,
Доселе кровь течет
Там, где вонзились в сердце
Шипы твоих острот.

«Тебе ведь руку, Генрих,
Я на сердце кладу,
Сочиться кровь не будет,
Забудешь ты беду».

Не встать мне, дорогая,
Над бровью кровь бежит,
В себя пустил я пулю,
Не вытерпев обид.

«Сумею рану, Генрих,
Я локоном заткнуть,
И разом исцелятся
И голова и грудь».

Так ласково просила,
Что я не спорил с ней,
Попробовал подняться
И выйти поскорей.

Но тут отверзлись раны,
И кровь из ран моих
Потоком побежала –
И я проснулся вмиг.

65

Отчаянные песни,
Томительные сны,
Теперь бы гроб нам надо
Большой величины.

И надобно бы гробу, –
Чьему, – молчок пока, –
Быть гейдельбергской бочки
Крупней наверняка.

Покрепче да сколотят
Носилки из досок,
Да будут моста в Майнце
Длинней они чуток.

Двенадцать великанов
Да встанут передо мной,
Сильней, чем в Кёльнском храме
Сам Христофор святой.

И пусть сей гроб огромный
Опустят в море они, –
Под стать бывала гробу
Могила искони.

На что ж такой громадный,
Тяжелый гроб такой?
Затем, чтоб мне покончить
С любовью и тоской.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

1823 – 1824

1

В этой жизни непроглядной
Вспыхнул светлый облик твой,
Но видение пропало
И поник я головой.

Говорят, в потемках дети,
Сияясь страх преодолеть,
Если сердце защемило,
Начинают громко петь.

Как запуганный ребенок,
Песню я впотьмах пою;
Хоть веселого в ней мало,
Я робеть перестаю.

2

Не знаю, что нынче со мною
И чем я так удручен, –
Мне все не дает покою
Преданье былых времен.

Спускается вечер черный,
И воды Рейна спят.
Вдали, над вершиной горной,
Еще догорает закат.

Прекрасная дева с утеса
Глядит на бескрайний простор,
У ней золотые косы,
На ней золоченый убор.

И гребень беря золотистый,
И косу свою распустив,
Поет она песню на чистый,
Волшебный, властный мотив.

А лодочник в лодочке малой,
Заслышав дальний напев,
Забыл про подводные скалы,
Глаза к вершине воздев.

Я знаю: не сладив с теченьем,
Челнок пропадет средь зыбей, —
И это сделала пенъем
Прекрасная Лорелей.

3

Скорбит, скорбит мое сердце,
Хоть май веселый настал;
Стою я себе под липой,
Поднявшись на старый вал.

Внизу канал протекает,
И, синих касаясь вод,
Посвистывая, мальчишка
На лодке удить плывет.

На той стороне канала
Пестреют, вовсе мелки,
Садочки, дачки, людишки,
Телята, лужки, лески.

Девки белье стирают
И скачут от радости все;
Блещут, взлетая, алмазы
На мельничном колесе,

Стоит у башни будка,
Охрана там живет;
Высокий парень в красном
Шагает взад-вперед.

На солнце ружьем играет,
Сверкающим от огня,
Примерится, прицелит —
Эх, выстрелил бы в меня!

4

Я по лесу нынче блуждаю,
Сдержанье не умею слез.
«С чего бы печаль такая?» –
Поэт прелестный дрозд.

У ласточки ты, у сестрицы,
Выспрашивай лучше о том, –
Не зря ведь она гнездится
У милой моей под окном.

5

В полночной непогоде
Поди сыщи звезду;
В лесу деревья рокошуют,
А я безмолвно иду.

В охотничьей избушке
Горит одинокий свет;
Нечего обольщаться,
Ничего тут хорошего нет.

В кожаном кресле старуха,
Слепая, с постным лицом,
Как истукан недвижима,
Не удостоит словом.

Сынок лесничего рыжий,
Насмешник и сквернослов,
Ружье швыряет об стенку,
И всех проклинать готов.

Плачет прекрасная пряха, –
Лен от рыданий намок,
И, лаптясь, отцовская такса
Скулит у ее ног.

В дороге семью моей милой
Я встретил, свой жребий кляня;
Но мать, и отец, и сестренка
Любезно узнали меня.

Меня расспросив о здоровье,
Не лезли за словом в карман:
Сказали, что я все такой же,
Вот разве не слишком румян.

А я поспрошал про соседей,
Узнал о здоровье родни,
И справился, как нынче пёсик,
Приветливый в давние дни.

Спросил, между прочим, о милой,
Как замужем, дескать, живет;
И дружески мне сообщили,
Что матерью станет вот-вот.

Я пожелал ей счастья
И прошептал в тиши,
Что я прошу ее с этим
Поздравить от всей души.

И громко сказала сестрица:
«Заела пёсика злость!
Он вырос и словно взбесился.
Топить его в Рейне пришлось».

Малышка схожа с милой,
Улыбка у них одна,
И те же глаза, от которых
Жизнь моя стала страшна.

Мы у рыбачьей хибарки
Глядели на залив;
Вставал туман вечерний,
Простор заполонив.

И лампы мало-помалу
На маяке зажгли;
А все корабль какой-то
Был различим вдали.

Шла речь о кораблекрушениях,
О бурях и моряке,
Меж вод и небес висящем
И в радости и в тоске.

Шла речь про дальние страны,
Про север и про юг, –
Какие народы чудные
И нравы чудные вокруг!

На Ганге деревья гиганты
Льют дивный аромат,
Красивые, кроткие люди
Пред лотосом гимны твердят.

В Лапландии мелкий, чумазый
И широкоскулый народ;
К костру на корточках сядет,
Лопочет и рыбу печет.

Девушки чинно внимали,
И разговор наш иссяк;
Корабль пропал из вида,
Даль погрузилась во мрак.

8

Прекрасная рыбачка,
К берегу правь ладью,
Присядь, и давай, ласкаясь,
Вести беседу свою.

Склони мне на грудь головку
И смело прильни ко мне;
Ты ведь себя беззаботно
Вверяешь морской волне.

Грудь моя морю подобна,
 В ней волны крушат берега,
 А в самых ее глубинах
 Прекрасные жемчуга.

9

Луна свой свет струила
 На гребешок волны;
 Сидел я в обнимку с милой,
 И были сердца полны.

Заметил я впервые,
 Как жжет тебя тоска, –
 Что стоны тебе ветровые?
 С чего дрожит рука?

«Не стоны то ветровые, –
 Русалки поют на дне,
 Сестры мои родные,
 Погибшие в жадной волне».

10

Внезапный вихрь надел смерча
 Просторные штанины,
 Он лупит волны сгоряча,
 И страшен вой пучины.

Потоки с неба во всю прыть
 Бушуют на просторе;
 Иль ночь-старуха утопить
 Спешит седое море?

Чайка на мачтовый столб забралась
 И вопит, оглашая воды,
 И стонет, страху отдавшись во власть,
 И предрекает невзгоды.

11

Ревет и плачет буря,
 Высвистывая свой пляс,

И весело скачет кораблик
В грозный полночный час.

Вот на грохочущем море
Горы во мгле родились:
Меж черных зияет пропасть,
А белые лезут ввысь.

В каюте сквернословят,
Блюют, о спасеньи моля,
А я схватился за мачту
В мечтах о тебе, земля!

12

Пришла пора ночная,
Над морем туман, как фата,
И, добела закипая,
Волна шумит непроста.

Русалка на берег села,
Ко мне торопясь прильнуть;
Под покрывалом белела
Ее высокая грудь.

До боли обхватила
И мне впилась в уста; —
И что в тебе за сила,
Ундина-красота!

«Всей силой без предела —
К тебе я припасть должна,
Сердце бы я отогрела.
А то ведь ночь холодна».

Луна бледна средь ночи,
Вся в тучах высота; —
Грустны твои влажные очи,
Ундина-красота!

«Не влажнели и не грустнели,
Хоть и влажны и грустны,

Я в них берегу доселе
Капельки из глубины».

Горланят чайки рьяно,
Над морем буря люта; –
Жди в сердце урагана,
Ундина-красота!

«Жду я в душе урагана,
Там ураган вовек,
Ибо ты несказанно
Полюбился мне, человек!»

13

Если иду спозаранку,
Минуя твой тихий дом,
Радостно мне, малышка,
Тебя различить за окном.

Глазки твои пыгливо
Глядят, позабыв про сон:
«Бедный, больной чужеземец,
Кто ты, чего ты лишен?»

Что я – немецкий писатель,
Знает немецкий народ;
Кто вспомнит самых достойных,
Меня меж них помянет.

Лишен я того, чего ныне
Лишен немецкий народ;
Кто вспомнит тягчайшие беды,
Мою меж них помянет.

14

Сверкало море под лучом
Заката золотого;
На берегу мы сидели вдвоем,
Не проронив ни слова.

Вставал туман, волна росла,
И чайка, вопя, кружилась;
Струились слезы без числа
Из глаз, мне суливших милость.

Они коснулись твоей руки,
Я преклонил колена,
И слезы с белой твоей руки
Стал пить самозабвенно.

Всего меня ломит с этого дня,
Мне ничего не мило,
Ведь эта женщина меня
Слезами отравила.

15

Стоит на горе высокой
Недурственный дворец,
Живут в нем три славных девицы,
И я – властелин их сердец.

Иетта целует в субботу,
Юлия в праздник мила,
И в понедельник дивно
Идут с Кунигундой дела.

Однако во вторник пирушка
Была во дворце у девиц,
В каретах понакатило
Немало почтенных лиц.

Меня туда не позвали,
Сваляли они дурака,
И кумушки, все заприметив,
Смеялись, держась за бока.

16

Как сон на горизонте
Город встает предо мной,
И три громадные башни
Одеты вечерней мглой.

Ярится влажный ветер,
Взбивая лоно вод;
Понуро и монотонно
Мой лодочник гребет.

Снова солнце восходит,
Лучи на землю струя,
И указывает место,
Где милой лишился я.

17

Поклон тебе, огромный
Объятый тайной град.
Любимая жила здесь
Еще полгода назад.

Врата и башни, скажите,
Теперь-то где она?
Ведь я ее вам доверил,
И здесь она быть должна.

Пусть неповинны башни,
Не сдвинуться было им,
Когда отсюда любимая
Ушла с багажом своим.

Но как она умудрилась
Улепетнуть из ворот?
Ах, женщина повсюду
Отыщет изворот.

18

Снова ступил я на прежний путь,
Улица мне знакома;
Да только в доме милой моей
Нет никого больше дома.

Улицы нынче стали тесны!
Разбита мостовая!

Валятся стены домов на меня!
Бегу, едва поспевая!

19

Иду туда, где она мне
Посулила верность навеки;
Ее слезы пали на камни,
И теперь в них гнездятся змейки.

20

Полночная улица. В этом вот месте
Жила моя милая в прежние дни.
Давно уже в городе нет о ней вести,
А дом все стоит, где стоял искони.

Стоит человек, не пряча страданье
И руки ломает, стремясь к небесам.
Его различаю в лунном сиянье, –
И страшно подумать, что это я сам.

О, мой двойник, глумиться не надо
Над тем, что горькой любви полна
Ночами душа моя муки ада
Знавала тут в давние времена.

21

Я жив, ты это знаешь,
А сладко спишь меж тем.
Но гнев былой воротится,
И я стряхну свой ярем.

Помнишь старую песню:
Как мертвый паренек
Средь ночи к себе в могилу
Невесту уволок.

Послушай, чаровница,
Прелестная, внемли:
Я жив и куда сильнее
Всех мертвецов земли.

Девушка в доме дремала,
Месяц заглядывал в дом;
И звуки звонкого вальса
Слышались за окном.

«Глянула я бы в окошко,
Кто не дает мне заснуть».
А там покойник со скрипкой
Поет, надрывая грудь:

«Ты танец мне обещала,
Но это была ложь,
Сегодня бал на погосте,
Со мной ты нынче пойдешь».

Юную девушку властно
Вывел из дома скелет;
Пел он, со скрипкой шагая,
Она шла покорно вслед.

Он прыгал, играя на скрипке,
Костями дребезжал,
И обращал его череп
К месяцу злобный оскал.

Весь охваченный смутой,
Я вглядывался в портрет,
И на лице ненаглядной
Ожил подспудный свет.

Губы ее расплылись
В улыбку всех милей,
И словно бы от рыданий
Вспыхивал блеск очей.

И у меня непрестанно
Слезы текли по щекам, —
Что ты для меня пропала,
Я все не верю сам.

24

Я страстотерпец Атлас! Мир скорбей,
Огромный мир скорбей нести мне надо,
Несу невыносимое, и рвется,
Пылая страстью, сердце.

Ты, сердце гордое, хотело так!
Хотело счастья ты, большого счастья
Или большого горя – от гордыни,
И вот настало горе.

25

Идут года, и в могилу
Сходит за родом род.
Только любовь в моем сердце
Вовеки не умрет.

Мне пред тобой на колени
Пасть бы еще хоть раз
И прошептать умирая:
«Madame, я люблю вас!»

26

Мне снилось мерцанье унылых звезд
И месяц, мерцавший уныло,
И к милой меня за тысячу верст
Несла незримая сила.

И я, прибывший издалека,
Губами припал к ступеньке,
Которой касалась ее нога
И шлейф касался частенько.

Долгая ночь была холодна,
Звезда за звездой холодела,
В лунном сиянии из окна
Бескровная тень глядела.

С чего слеза набежала
И застилает взор?
Она мне от былого
Осталась до сих пор.

Нынче ее сестрицы
Пропали все до одной,
Как мука моя и счастье,
Пропали во мгле ночной.

И звездочки голубые
Пропали средь бела дня,
А прежде счастьем и мукой
Заполняли меня.

Ах, точно вздох мимолетный
Пропала былая страсть!
Пора бы, слеза пустая,
Уже и тебе пропасть.

Восходит месяц осенний,
Свет свой неверный струя;
Живет у ворот погоста
Пасторская семья.

Мать читает писанье,
Сын уныл и угрюм,
Старшая дочка зевает,
А младшей пришло на ум:

«У нас, господь милосердный,
Скука такая, что страх,
Может, чего повидеешь
Только на похоронах».

Не отрываясь от чтенья,
Мать отвечает: «Нет!
Лишь четверых схоронили
За батюшкой вашим вслед».

Зевнула старшая дочка:
«Мне бы хоть вдоволь поесть;
Пойду к влюбленному графу,
И денег будет не счесть».

А сын говорит глумливо:
«Егеря гуляют всю ночь,
Они свой путь к богатству
И мне открыть не прочь».

В лицо отощавшему сыну
Писанье швырнула мать:
«Ты что, проклятый, вздумал
Головорезом стать?»

Снаружи стучит в окошко
Рука с поднятым перстом,
Стоит в облачении черном
Покойный отец за окном.

29

Погода совсем худая,
Дождь стучит по стеклу,
Сижу я у окошка
И вглядываюсь во мглу.

Во мгле огонек мерцает,
И вот его не видать;
С фонариком по дороге
Плетется старуха мать.

Купить бы маслица надо,
Яиц да белой муки,
Хочется доченьке взрослой
Нынче испечь пирожки.

А дочка, щурясь лениво,
В кресло дома легла,
И локоны золотые
Прелестны вокруг чела.

Любовь меня сгубила –
Таков был общий глас,
И, поразмыслив, я тоже
Так думаю сейчас.

Девочка большеглазая, –
Говорил и сказал бы вновь:
Люблю тебя несказанно,
Мне сгрызла сердце любовь.

Но только в своей каморке
Я корчил храбреца,
А если ты появлялась,
Не смел промолвить словца.

Должно быть, злые духи
Все затыкали мне рот,
Увы! Эти злые духи –
Причина моих невзгод.

Мне к твоим лилейным пальцам
Припадать бы вновь губами,
Снова к сердцу их прижать,
Исходя в слезах беззвучных.

Мне фиалковые очи
Днем и ночью предстают,
Вот и мучусь – где разгадка
Голубых головоломок?

«Разве страсть твоя шальная
И поныне безответна?
И взаимность в каждом взгляде
Неужели не заметна?

Душу выдавшего взгляда
Не читал ты, неужели?

А ведь ты же, друг любезный,
Не дурак в подобном деле».

33

Они полюбили, но оба
Скрывали чувства свои;
Они глядели врагами,
Сгорая дотла от любви.

Расстались они, но друг другу
Во сне являлись опять;
Давно они умерли оба,
И в толк не могли это взять.

34

Когда я вам боль свою изливал,
Кто тихо молчал, кто громко зевал,
Когда же в стихах я ее воспевал,
Восторженных вы не жалели похвал.

35

Я черта помянул, и он
Сразу пришел, и, на диво мне,
Сложен был отлично, лицом недурен,
Толковый мужчина, приятный вполне,
Воистину, в самом расцвете малый,
Любезный и очень, как видно, бывалый.
Большой дипломат, он обычно прав,
Касаясь порядков церквей и держав,
А в том, что он бледноват немножко,
Повинны Гегель, санскрит и зубрежка.
Фуке ему прочих поэтов милей,
А с критикой впредь не заводит он дела,
Поскольку ее отныне всецело
Доверил Гекате, бабке своей.
Одобрил, что статья я хочу правоведам,
Когда-то и сам помышлял он об этом,
И выказал радость свою, что знаком
Со мной, – подтверждая слова кивком.
Спросил, не случилось ли встретиться нам

В испанском посольстве во время приема,
И я, приглядевшись к его чертам,
Признал, что наружность его мне знакома.

36

Не дразни чертей, любезный,
Ибо краток жизни путь,
А проклятие навеки –
Не фантазия отнюдь.

Возвращай долги, любезный,
Ибо долог жизни путь,
И еще тебе придется
Занимать когда-нибудь.

37

Шли три короля из восточных краев,
Справляясь в любом городишке:
«Скажите, где путь на Вифлеем,
Девчонки и мальчишки?».

Ни млад, ни стар, пути не знал,
И шли короли все дале,
Горела в ночи золотая звезда,
Они за ней попевали.

Светила звезда на плотников дом,
Они стояли у цели,
Бычок мычал, ребенок вопил,
И три короля запели.

38

Дитя, мы были дети
И забавлялись властью;
Любили залезть в курятник,
В соломе притаясь;

Кричали петухами,
Людской смущая слух;

«Кукареку!» – казалось,
 Это и впрямь петух.

Сундук на дворе сыскали,
 Вселились туда вдвоем,
 Прибрав его и оклеив,
 И вышел уютный дом.

Облезлая кошка соседей
 В гостях бывала у нас,
 И кланялись мы, изливая
 Поток любезнейших фраз.

Справлялись, как нынче здоровье,
 Внимательны были, добры,
 Немало облезлых кошек
 Мы приняли с той поры.

Вели мы беседы нередко,
 Премудрые, как старики,
 Досадуя, что миновали
 Чудесные наши деньки;

Любви, постоянства и веры
 Не знает нынешний свет;
 Ужасно дорог стал кофе,
 А денег и вовсе нет...

Минули детские игры,
 И пронеслись навсегда
 Любовь, постоянство и вера,
 И деньги, и мир, и года.

39

Душа скорбит, и одолели
 Воспоминанья давних лет;
 Мы жили лучше, в самом деле,
 И был уютней белый свет.

Но вихри дней быстротекущих
 На нас накликали беду:

Господь скончался в райских кущах,
И дьявол околел в аду.

Мороз, и мгла, и виды плохи,
Повсюду гниль, пропал покой,
Нам хоть любви остались крохи,
А то – опоры никакой.

40

Словно месяц, протупая
Сквозь седые облака,
Предо мной встает картина
Той поры, что далека.

На кораблике по Рейну
Мы плывем среди горных круч,
И горит над берегами
Золотой закатный луч.

Я к ногам прелестной дамы
Сел, мечтаньями объят;
На лице ее бескровном
Разрумянился закат.

Гул несется, песня льется,
Жизнь безмерно хороша!
Синева небес густеет,
И блаженствует душа.

Проплывает, словно в сказке,
Край нагорный и лесной
И в очах прекрасной дамы
Предстает передо мной.

41

Мне нынче милая снилась,
Поблекли ее черты,
Она исхудала, устала,
И нет былой красоты.

Она держала ребенка,
 За ручку держался другой,
 И взор, и походка, и платье
 Дышали нуждой и тоской.

Плелась она через площадь
 И повстречала меня,
 Взглянула в глаза мне, – и молвил
 Я, участь свою кляня:

Пойдем со мной! Ты больная,
 Совсем осталась без сил,
 А я бы, трудясь прилежно,
 Тебя кормил и поил.

Смогу я помочь твоим детям,
 Пестуя их и растя,
 Но прежде тебя обихожу,
 Не знавшее счастья дитя.

Тебе твердить я не стану,
 Что любил лишь тебя одну,
 А, если умрешь, над могилой
 Горько рыдать начну.

42

«Друг любезный! В канители
 Старых песен мало толку.
 Что ж высиживать без цели
 Яйца старых чувств так долго?»

Ах, всегда тут виновата
 Страсть того дожидаться мига,
 Как пиццать начнут цыплята, –
 И, глядишь, готова книга».

43

Наберитесь вы терпенья,
 Если горькие мотивы
 Кое-где и в новых песнях
 У меня покамест живы.

Дайте время эху горя
Замереть последним стоном,
И весенние напевы
Грянут в сердце исцеленном.

44

Пора учинить над собой мне суд
И с дурью своей распрощаться,
Слишком я долго, как жалкий шут,
Играл с тобой в пьесе дурацкой.

Кулисы роскошные были вполне
Под стать романтической моде,
И рыцарский плащ недурен был на мне,
И чувства возвышенны вроде.

Поныне себя, хоть с пустой мишурой
Как будто успел распрощаться,
Я жалким шутком ощущаю порой,
Играющим в пьесе дурацкой.

О боже, развлечь я старался зал,
А боль была неподдельна;
Мертвец, гладиатора я играл,
Раненного смертельно.

45

Властитель Висвамитра
Не взвидел жизни земной,
Взять вздумав корову Васишты
Выкупом и войной.

Властитель Висвамитра,
Ну, что ты за бык шальной, -
Так долго воюешь и платишь
Ради коровы одной!

46

Сердце, сердце, брось унылость,
Не пеняй, что доля зла!
Что зима отобрала,
По весне ведь воротилось.

И бывшее уцелело!
И хорош земной простор!
Сердце, все, что ловит взор,
Все любить ты можешь смело!

47

Ты, словно цветик ясный,
Чиста, добра, мила;
Чуть я тебя приметил,
Тоска меня взяла.

Тебе на головку руки
Мне возложить пора,
Молясь, чтобы ты осталась
Мила, чиста, добра.

48

Девочка, себя погубишь!
Вот и трачу я старанья,
Чтобы в девичьем сердечке
Не посеять обожанья.

В этом я преуспеваю,
Но порой берет унылость;
А ведь было бы неплохо,
Кабы ты в меня влюбилась.

49

Когда я лежу в постели,
Укутанный тьмой ночной
Черты моей желанной
Витают предо мной.

Едва мои ресницы
Дремотой смежены,
Безгласный облик милой
В мои вступает сны.

Но он и на рассвете
Не тает, словно сон,
Моим несчастным сердцем
Весь день владеет он.

50

У тебя уста алеют
И лучится нежный взор,
О тебе, моя малышка,
Не забыть мне с давних пор.

Нынче вечер очень длинный,
Так с тобой, рука в руке,
Посидеть да поболтать бы
Нам в укромном уголке.

Припадать бы мне губами
К белой рученьке твоей,
И слезой коснуться жгучей
Белой рученьки твоей.

51

Если бури налетели,
Лупит град, свистят метели,
И окошко льдом сковало,
Я не сетую нисколько,
Ибо в сердце не потух
Милый лик и вешний дух.

52

Те Мадонне шлют молебны
И Петру и Павлу эти,
А вот я молюсь о свете
Красоты твоей волшебной.

Жребий мой – в твоём ответе,
 Так целуй, моя отрада,
 Свет меж дев земного града,
 Дева, краше всех на свете.

53

Не выдал разве бледный лик
 Моей сердечной боли?
 От гордых губ ты ждешь мольбы
 О милостыне, что ли?

Слишком губы мои горды,
 Целуют, шутят поныне,
 И не преминут хлестко сострить
 И при моей кончине.

54

Друг любезный, ты влюблен,
 Никуда теперь не деться;
 Потемнело в голове
 И светлее стало в сердце.

Друг любезный, ты влюблен,
 И, хотя молчишь про это,
 Прожигает жар души
 Ткань изящного жилета.

55

Думал – с тобой побуду,
 Душа покой обретет,
 А ты торопилась – всюду
 Забот невпроворот.

Нес тебе всякую малость,
 Спешил сказать обо всем,
 А ты надо мной смеялась
 И приседала при сем.

Мои бедрила муки,
 Страсть распалив опять,

А даже и в миг разлуки
Не хотела поцеловать.

Но маху ты дашь, полагая,
Что в петлю толкнет твой отказ!
Такое, дорогая,
Со мной не в первый раз.

56

Сапфиры – вот твои глаза,
На свете слаще нету;
О, трижды счастлив человек
Их нежному привету.

А сердце у тебя – брильянт,
Светильник благородства;
О, трижды счастлив человек,
Коль там любовь займется.

Рубины – у тебя уста,
Нет краше в мирозданье;
О, трижды счастлив человек,
Услышав их признание.

О, кабы мне счастливца того
Увидеть средь лесочка!
Встретимся мы лицом к лицу, –
Счастью его и точка.

57

Про любовь болтая что-то,
Я прельщал тебя, дитя,
Но в свои попал тенета –
Сам влюбился не шутя.

Ты уйдешь и будешь правой,
Видя в этом лишь курьез,
Но, боюсь, велит лукавый
Застрелиться мне всерьез.

58

Не стало на свете ни склада, ни лада!
К профессору-немцу сходить бы мне надо.
Весь век свой копил он обильные знания
И выявил жизни осмысленный ход;
Не дрогнув, он всякую брешь мироздания
Своим колпаком и халатом заткнет.

59

Я голову ломал немало,
Да что-то все попадал впросак,
Только глаза твои благосклонные,
Как быть мне теперь, подали знак.

Там поселось, где лунным сияньем
Они рассеивают мрак, –
Что вновь случится мне влюбиться,
Я не подумал бы никак.

60

Сегодня к вам съедутся гости,
И в доме повсюду свет,
Вверху, в освещенном окошке,
Шевелится силуэт.

Меня ты не видишь, – в потемках
Меня различить мудрено,
И еще менее видишь,
Как в сердце моем темно.

Тебя мое сердце любит,
И губит его судьба,
Кровью оно истекает,
Но к этому ты слепа.

61

Хотелось бы все мое горе
Мне выразить в слове одном,

Чтоб вольные ветры умчали
Печаль, звучащую в нем

Сыщет горчайшее слово
Тебя, любовь мою, –
Услышишь в любое время,
Услышишь в любом краю.

И хоть поборет дремота
В полуночной тишине,
Настигнет тебя мое слово
И в глубочайшем сне.

62

В алмаз ты и в жемчуг одета
На зависть нагой голытьбе,
И очи твои лучатся –
Еще что угодно тебе?

Тебе я отправил навстречу,
С твоими очами в борьбе,
Войска моих песен бессмертных –
Еще что угодно тебе?

Вела ты очами своими
К моей злополучной судьбе
И нынче меня доконала –
Еще что угодно тебе?

63

Кто влюблен впервые в жизни,
Хоть несчастливо, – тот бог,
Кто несчастливо влюбился
Во второй раз, – тот болван.

Я такой болван. Я снова
Без взаимности влюблен,
Солнце, звезды, месяц, смейтесь!
Сам смеюсь я, – и кончаюсь.

64

Люди участие во мне принимали,
Мне золотые советы давали,
И призывали терпенье иметь,
И помогать обещали мне впредь.

Долго пеклись обо мне в этом духе,
Только загнулся бы я с голодухи,
Не окажись в ту пору знаком
С одним весьма деловым пареньком.

Кормить и поить взялся меня парень,
Вечно я буду ему благодарен,
Крепко его бы прижал я к устам,
Если бы не был тот парень – я сам.

65

Я об этом славном парне
Говорю благоговейно:
То предложит он мне устриц,
То ликера, то рейнвейна.

Фрак сидит на нем чудесно,
Галстук выглажен отменно,
Как я ночь провел, – он лично
Утром спросит непременно.

Славит он мои остроты,
Обаяние, заслуги;
Он мне рад служить, он счастлив
Мне оказывать услуги.

Он стихи мои читает
На пирушках вечерами,
Чтобы дар мой бесподобный
Был известен каждой даме.

Хорошо сыскать такого,
Коль судьба его послала
В дни, когда на белом свете
Благородных душ так мало.

Приснилось мне, что я – господь;
Сижу под сенью рая,
И ангелы стоят вокруг
Мой гений восхваляя.

Я сласти ем, печенья ем,
Пью лучшие ликеры,
А, между тем, платить долги
Не просят кредиторы.

Но мне, признаться, надоест,
Что все течет мне в руки,
В раю, не будь я сам господь,
Осатанеть от скуки!

Эй, долговязый Гавриил,
Давай без промедленья
Эугена, верного дружка,
Тащи в мои владенья!

Он не на лекции сидит,
А где стакан токая,
Не в храм Гедвиги он пошел,
А есть мамзель такая!

Архангел крылья распростер,
И минула минута,
Как он взялся, – на небеса
Доставил шалопута.

Гляди, малыш, я богом стал,
Я царь души и плоти,
Тебе не раз я говорил,
Что буду я в почете.

Весь день творю я чудеса
И сам всему причина.
Сегодня чудо сотворим
Для города Берлина.

Вот на столичных площадях,
 Порушив мостовую,
 В любой бульжник заложу
 Я устрицу живую.

Пущу дождем лимонный сок, –
 Чудесную приправу,
 Налью рейнвейну до краев
 В широкую канаву.

И весь Берлин, конечно, рад
 Сожрать бесплатный ужин,
 Чины верховного суда
 Припали к сладким лужам.

Поэты радуются вслух,
 Что задарма поели,
 Поручики и юнкера
 Давай лизать панели.

Военные – не дураки,
 Им ведомо отлично,
 Что в наши дни таких чудес
 Не делают обычно.

67

Ушел я – июль был в самом разгаре –
 И вот в январе у вас я опять;
 Вы летом воистину сердцем пылали,
 А нынче мороз и пришлось холодать.

Опять я уйду и снова прибуду,
 Но будет ни жарко, ни холодно вам,
 И я ступаю по вашим могилам,
 Беден и сердцем немощен сам.

68

От милых губ отодран без отсрочек,
 Исторгнут грубо из объятий милых!
 Побывать бы мне с тобой еще денечек,
 Но дожидаться нас ямщик не в силах.

Вот что такое жизнь! Всегда унылость,
Всегда разлука и прощаться надо.
Что ж сердцем ты мне в сердце не вцепилась,
Не удержала прежней властью взгляда?

69

В почтовом возке мы катили
Вдвоем под покровом тьмы.
Сердца обратив друг к другу,
Слегка балагурили мы.

А утром оказалось, –
Гляди, какой пострел! –
Что с нами ехал заяц:
В возке Амур сидел.

70

Сумасбродная девчонка
Запропастилась опять,
И пришлось мне в дождь и слякоть
Целый город обыскать.

Все гостиницы обегал,
Совершенно сбился с ног,
И нахальные лакеи
Мне грубили кто как мог.

Вдруг со смехом из окошка
Подает она мне знак,
Вот не знал, что ты попала
В столь роскошный особняк.

71

Дома, как привиденья,
Застыли в длинном ряду,
В широкий плащ завернувшись,
Я молча мимо иду.

Били уже двенадцать
 Соборные колокола.
 Ждут меня поцелуи
 Той, что давно мне мила.

Сияет месяц ясный,
 Меня провожая сквозь тьму,
 И вот у порога милой
 Я говорю ему:

Спасибо, старый дружище,
 Что осветил в пути,
 Теперь я тебя покину,
 Прочему миру свети!

А попадется влюбленный,
 Клянущий свой удел,
 Утешь его, как бывало,
 Меня утешить умел.

72

Коль замуж за меня пойдешь,
 На зависть всей столице,
 Почувствуешь ты, как мир хорош,
 И сможешь повеселиться.

Я буду ласков, буду тих,
 Стань хоть свирепей львицы,
 Но, коль не похвалишь каждый мой стих,
 Придется разводиться.

73

К твоим плечам белоснежным
 Спешу головой припасть,
 И вдруг в груди твоей слышу,
 О чем лепечет страсть.

Трубят голубые гусары
 У самых наших ворот,
 И от меня уже завтра
 Возлюбленная уйдет.

Ты завтра со мной распростишься,
 Зато ты сегодня со мной,
 И в нежных объятьях млею
 Я от услады двойной.

74

Трубят голубые гусары,
 Уходят они от нас,
 И я для моей ненаглядной
 Букетик роз припас.

Пора стояла лихая!
 Где армия, там ад!
 К тебе самой в сердечко
 Вселился полк солдат.

75

В годы юности, бывало,
 От любви душа сгорала,
 Я любил, как ты.
 Но дрова теперь дороже,
 И огонь погас – ну, что же,
 Ma foi! - в том нет беды.

Ты сама уразумела:
 Слезы лить – пустое дело.
 Ты не плачь, судьбу кляня.
 Ты жива, мой ангел нежный,
 Так прости с любовью прежней,
 Ma foi! – обняв меня.

76

Ты, действительно, сердита?
 Ты и впрямь ко мне остыла?
 Я всему открою свету,
 Как ты плохо поступила.

Губки полные коварства,
 Где слова нашли вы злые

Для того, кто так ласкался,
Вас целуя в дни былые?

77

Те же глазки, что, бывало,
Улыбались мне украдкой,
Те же губки, что, бывало,
Долно делали мне сладкой.

Тот же голос, что, бывало,
Слышал я с восторгом нежным,
Да не тот я, что, бывало,
Воротился я не прежним.

И хоть ласковые руки
К сердцу жмут со страстью томной,
Я лежу в ее объятьях
Полон скуки неумемной.

78

Понимал я вас превратно,
Был для вас непостижим,
А отныне все понятно –
Оба в мусоре лежим.

79

Корят меня кастраты,
Чуть песенку затыну;
Что песни грубоваты,
Мне ставится в вину.

А после струят они сами
Потоки своих рулад,
Тонюсенькими голосами
Они, как хрусталь, звенят.

Поют про пылкие взгляды,
И страсть, и глубинную связь,
И дамы поплакать рады,
Искусством наслаждаясь.

Над стенами Саламанки
Воздух полон аромата;
Рады мы с любезной донной
Там гулять после заката.

Гибкий стан моей красотки
Я к себе склоняю смело,
И блаженным пальцем чую:
Грудь надменная замлела.

Но пугливое шептанье
Вдруг охватывает липы,
И ручей возносит снизу
Прорицания и всхлипы.

«Ах, сеньора, мне сдается,
Я отчислен буду днями,
И на стены Саламанки
Не ходить нам больше с вами!»

Дон Энрике, что красавцем
Именуется частенько,
Проживает по соседству:
Между нами только стенка.

Млеют дамы в Саламанке
От завязтого гуляки:
Шпорой звякнет, ус подкрутит,
И при нем еще собаки.

Он, однако, час вечерний
В одиночку тратит дома,
У него в руках – гитара,
В сердце – сладостная дрема.

Задрожав, рванет он струны
И зальется, – боже правый!

Доконал меня, признаться,
Перебор его картавый!

82

Что ты благосклонность дарить мне готова,
Я сразу приметил по отблеску глаз;
Не будь тут мамыши, глядящей сурово,
Мы целоваться бы стали тотчас.

А я поутру этот город покину,
И, нежным лицом припадая к окну,
Блондинка моя мне глядеть будет в спину,
И я ей рукой на прощанье махну.

83

Солнце встает над горами сверкая,
И веселее брести стадам;
Ягненок мой, моя дорогая,
Еще бы разок повидаться нам!

Бросаю в окно пытливые взоры.
Прощай, мне ведь странствовать с этого дня!
Напрасны труды. Не шелохнутся шторы.
Ты спишь, – так во сне, может, видишь меня?

84

Стоят на рынке в Галле
Рядком два льва огромных,
О давешний львиный норов,
И впрямь тебя скрутили.

Стоит на рынке в Галле
С мечем огромный рыцарь,
И пальцем он не шевельнет,
Окаменев от страха.

Стоит на рынке в Галле
Огромный храм господень,
Студенты и горожане
Могут богу молиться.

85

Над кустами и поляной
Распластался вечер летний;
В небесах луна золотая
Воздух пьет благоуханный.

Раздается стрекотанье,
И вода в ручье трепещет,
В тишине вдруг слышит путник
Плеск и жаркое дыханье.

В полуночную годину
Там купается русалка,
И внезапно в лунном свете
Видишь руку или спину.

86

Пилигриму ночь нехстати,
Стынет сердце, ломит плечи,
Но, подобно благодати,
Месяц льет свой свет далече.

Месяц ясный, средь сиянья
Можно ночи не страшиться;
Тают в нем мои страданья,
Орошаются ресницы.

87

Смерть – это ледяная ночь,
Жизнь – это раскаленный день,
Во тьме находит дрема,
А день выносить невмочь.

Встает над моей постелью клен,
И запекает соловей;
Полон любви его голос,
Я это слышу сквозь сон.

«Отвечай, куда девалась
 Та, о ком ты пел, бывало,
 Точно пламя колдовское
 В сердце кровь разогревало?»

Пламя прежнее погасло,
 В сердце – горечь от напасти,
 Эта книжка – только урна
 С пеплом отгоревшей страсти.

Сумерки богов

Май наступил, и свет стал золотистым,
 И воздух шелковым, и дух пьянящим,
 И маргаритки белые пленяют,
 И дарят взоры синие фиалки,
 И весь в цветах лежит ковер зеленый,
 Прошитый солнцем и росой рассветной, –
 Сюда сзывают человежье племя.
 Убогий люд бежит на первый зов.
 Мужчины вышли в нанковых штанах,
 И пуговицы сюртучные сверкают;
 В невинно-белое оделись дамы;
 Усы завили молодые люди;
 У девушек пришли в движенье груди;
 Поэты местные берут бумагу,
 Карандаши, лорнетки; – и, ликуя,
 Толпа валит из городских ворот,
 Валяется на мураве зеленой,
 Дивится росту буйному деревьев,
 И с цветиками нежными играет,
 И голосам веселых птах внимает,
 И радость изливает небесам.

Май и ко мне явился. Постучался
 Подряд три раза и сказал: «Здесь май.
 Мечтатель, дай тебя я расцелую!»
 Но я не отворил и говорю:
 Не искушай напрасно, гость незванный,
 Ты виден мне насквозь, насквозь я вижу,
 Как мир устроен, вижу слишком долго

И слишком ясно, радостей не стало,
И муки вечные не гложут грудь.
Я проникаю сквозь покров из камня
В дом к человеку, в сердце к человеку,
И вижу только ложь и нищету.
На лицах я прочитываю мысли
Подлейшие. Сквозь девичью стыдливость
Я вижу трепет вожелений тайных,
На юношах, объятых вдохновеньем,
Я вижу шутовские колпаки,
Лишь тени хилые да лица злые
Я вижу на земле и не пойму –
Тут сумасшедший дом или больница.
Сквозь почву стародедовской земли,
Как сквозь хрусталь, я вижу мир зловещий,
Прикрыть который зеленью веселой
Напрасно тщится май. Я вижу мертвых,
Лежащих в тесноте своих гробов,
Их руки скрещены, глаза раскрыты,
Белы их саваны, белы их лица,
И проползают черви по устам.
Я вижу, на отцовскую могилу
Садится сын, – любовницу потешить;
Глумливо соловьи заводят песню;
Ехидствуют цветочки полевые;
И вот шевелится отец-покойник,
И вздрогнула от боли мать-земля.

Несчастливая земля, я внемлю боли!
Я вижу пламень, грудь твою палящий,
И кровь, из каждой жилы пролитую,
И вижу, раны у тебя разверзлись
И хлынули огонь, и дым, и кровь.
Я вижу, как сыны твои, титаны,
Старинный род, встают из бездны темной,
И рдеющими факелами машут,
И лестницы железные вздымают,
И в исступлении штурмуют небо, –
Вслед лезут гномы черные и топчут
Кроша, как могут, звезды золотые.
Рукой бесстрашной завесу содрали
С господнего шатра, и, причитая,
Хор кротких ангелов с высот низвергся.

Сидит на троне побледневший бог,
 Рвет на себе волосы, корону скинув,
 А буйная ватага напирает,
 Титаны мечут факелы, бушует
 Пожар в небесном царстве, херувимов
 Бичами огненными хлещут гномы, –
 И херувимы корчатся от боли,
 А их бросают за волосы сверху.
 Я собственного ангела увидел,
 Хорошенького, с белыми кудрями,
 И на устах нетленная любовь,
 И в синем взоре вечное блаженство, –
 И черный, безобразный, мерзкий кобольд
 Испуганного ангела хватает,
 Оглядывает облик благородный
 И стискивает в ласковых объятьях, –
 И звонкий крик пронзает мирозданье,
 Колонны рушатся, земле и небу
 Конец, настала власть извечной ночи.

Ратклиф

Бог сновидений внес меня в пространство,
 Где протянулись мне навстречу руки
 Плакучих ив, где мудрые цветы
 Притихли, на меня по-братски глядя,
 Где дружески чирикать стали птицы,
 Где и собачий лай я счел знакомым;
 Я встречен был многоголосым хором,
 Как старый друг, но все кругом казалось
 Чужим, на удивление чужим.
 Я постоял пред деревенским домом,
 Дрожала грудь, однако был спокоен
 Рассудок мой, спокойно отряхнул
 Я запыленное в дороге платье,
 Звонок задребезжал, и дверь открылась.

Предстали мне знакомые все лица
 Мужчин и женщин. Видел я унылость
 И тайный страх. В растерянности странной
 Они с участием на меня взирали,
 И сам я тоже сердцем содрогался,
 Как бы от предвкушения несчастья.

Я различил старуху Маргариту,
Гляжу ей в очи, но она ни слова,
«А где Мария?» – но она ни слова,
Лишь за руку хватает и ведет
По длинной лучезарной анфиладе
Парадных комнат в мертвой тишине
К убого освещенному покою
И мне показывает, глядя в пол,
Понурую сидящую фигуру.
«Так вы – Мария?» - спрашиваю. Втайне
Сам подивившись твердости, с которой
Заговорил. И голос безучастный
Мне отвечал: «Так называют люди».
Меня пронзила режущая боль:
Глухой, холодный звук в былые годы
Был все же нежным голосом Марии!
И эта женщина в потертом платье,
Неряшливая, с потускневшим взором,
С обвислой грудью, с вялой, дряблой кожей
На выбеленных временем ланитах, –
Ах, эта женщина была прелестной
И ласковой красавицей Марией!
«Объездили весь свет? – она спросила
С бесцеремонным нерасположеньем, –
Пропала ваша чахлость, друг любезный.
Пришло здоровье и видна солидность
В упругих ляжках». Сладкая улыбка
Скривила бледно-желтые уста.
В растерянности я проговорил,
«Вы, если верь слухам, замуж вышли?»
«Обзавелась чурбаном деревянным,
Обтянут кожей он и мужем назван, –
Ответила она, – да ведь чурбан
Чурбан и есть!» – и скверно засмеялась.
И тут меня объял холодный страх,
Не узнавал я прежних непорочных,
Как лепесток весенний, уст Марии.
Но поднялась она, и торопливо
В шаль кашемировую завернулась,
И подхватила под руку меня,
И повлекла в распахнутые двери,
Через поля, кустарники, луга.
Паривший в небе солнца диск багряный

Уже клонился вниз, и багровели
 Деревья, и цветы, и, чуть поодаль,
 Река, струившаяся величаво.
 Мария вскрикнула: «Вы поглядите –
 В лазурных водах золотое око»!
 «Молчи, убогая!» – в сердцах я бросил,
 Стараясь в сумрак сказочный взглядеться.
 Вставали тени в дымке над лугами,
 Друг к другу пылко простирая руки,
 Фиалки глазки строили, и томно
 Одна к другой клонились чаши лилий.
 И сладострастно распаялись розы,
 И жар струили пышные гвоздики
 Цветы благоуханью предавались,
 И плакали от сладкого блаженства
 И ахали: «Любовь! Любовь! Любовь!»
 Порхали мотыльки, и, словно эльфы,
 Кругом жуки жужжали золотые,
 Вечерний ветер лепетал, шумели
 Дубы, и соловей изнемогал, –
 И в эти шорохи, шептанье, пенье
 Вмешался жестяной беззвучный голос
 Поблекшей женщины, стоявшей рядом:
 «Я знаю, вы ночами рветесь в замок,
 А долговязый призрак – добрый малый,
 На все он согласится, что захочешь;
 Тот, в синем, – ангел; а который в красном,
 С мечем блестящим, – тот вас ненавидит».
 И так она без видимого смысла
 Молола языком, а утомившись,
 Присела на замшелую скамью,
 Поставленную под старинным дубом.

Мы с ней сидели горестно и тихо,
 Глядели друг на друга и мрачнели.
 В шуршанье дуба был предсмертный вздох,
 Пел соловей о беспредельной боли.
 Но сквозь листву шли алые лучи,
 И бледный лик Марии озарили,
 И пламя разожгли в очах померкших,
 И услышал я прежний нежный голос:
 «Как ты проведал про мои страданья?
 О них твои неистовые песни».

Я весь похолодел, я содрогнулся
От мысли, что в безумье прозреваю
Грядущее, мне тьма застлала разум,
И от испуга пробудился я.

Донна Клара

На ночь глядя дочь алькальда
Долго по саду ходила;
Долго трубы и литавры
Из дворца к ней доносились.

«Опостылили мне танцы,
И наскучил говор льстивый
И меня безвкусно к солнцу
Приравнявшие мужчины.

Надоело мне все это
С той поры, как рыцарь милый
Лунной ночью звоном лютни
Побудил меня прельститься.

Был отважен он и строен,
Дерзкий взор его светился,
И, точь-в-точь святой Георгий,
Был он горд и бледен ликом».

Размечталась донна Клара,
Очи долу опустила,
А взглянула – вот он , рядом,
Незнакомый прежде рыцарь.

О любви они лепечут,
Руки сжав со страстной силой,
И шалит зефир лукавый,
Розы кланяются низко.

Розы кланяются низко
Знаменем любви счастливой.
«Но скажи мне, дорогая,
Отчего ты огорчилась?»

«Мошкара меня заела, –
 Этих мошек, мой любимый,
 Как евреев длинноносых,
 Я смертельно ненавижу».

«Что тут мошки, что евреи...» –
 Шепчет рыцарь ей чуть слышно,
 А уже с дерев миндальных
 Белые летят пушинки.

Белые летят пушинки,
 И струится дивный запах.
 «Но скажи мне, дорогая,
 Что ты впрямь в меня влюбилась».

«Я твоя, мой ненаглядный,
 В том порука мне Спаситель,
 Тот, кого евреи подло
 И безжалостно сгубили».

«Что Спаситель, что евреи...» –
 Шепчет рыцарь ей чуть слышно,
 А в дремотном колыханье
 Льется свет от белых лилий.

Льется свет от белых лилий,
 Очи к звездам устремивших.
 «Но скажи мне, дорогая,
 Что клянешься ты не лживо».

«Лжи во мне, мой ненаглядный,
 Ты и капельки не сыщешь,
 Как не сыщешь крови мавров
 И евреев нечестивых».

«Что тут мавры, что евреи...» –
 Шепчет рыцарь ей чуть слышно
 И заводит дочь алькальда
 Под покров зеленых миртов.

Он ее любовным зельем
 Одурманить исхитрился,

Долго длятся поцелуи,
И сердца дрожат умильно.

Соловей как разольется,
Их встречая брачным гимном.
Точно с факелами гости,
Светляки плясать пустились.

Тут мгновенно все стихает,
Иногда лишь различимы
Вздохи цветиков смущенных
Или шепот мудрых миртов.

Только трубы и литавры
Во дворце взревели трижды,
И у рыцаря в объятьях
Донна Клара пробудилась.

«Мне пора, мой ненаглядный,
Но пред тем, как разлучиться,
Наконец, открой мне – кто ты?
Сладкое скажи мне имя».

И спокойно улыбаясь,
Рыцарь ей целует пальцы,
И в уста ее целует,
Напоследок бросив тихо:

«Ваш возлюбленный, сеньера,
Не намерен я таиться:
Мой отец – раввин Израиль,
В Сарагосе всеми чтимый».

Альмансор

I

В славном Кордовском соборе
Всех колонн – тринадцать сотен;
Исполинские колонны
Подпирают гордый купол.

Изречения из Корана,
Выписанные любовно,
Сверху донизу покрыли
Дивный купол и колонны.

Был Аллаху к вящей славе
Храм арабами построен;
Но столь многое сменили
Времени круговороты.

Там, откуда правоверных
Призывал к молитве голос,
Дребезжит меланхолично
Звон христовой колокольни.

На ступенях, где молебны
Вторили словам пророка,
Ныне правит лысый попик
Чудом худосочной мессы.

Пестро выкрашенным куклам
Прихожане бьют поклоны,
Шумно, дымно, многолюдно,
Глупых свечек чуть не сотни.

И Альмансор бен Абдулла
Тоже топчется в соборе,
Он колонны озирает
И вполголоса бормочет:

«Вы Аллаху к вящей славе
Встали, мощные колонны,
Прославленье христианства
Нынче долг ваш непреклонный.

Вы к нему приноровились,
Притерпелись к новой ноше, —
Что же людям слабосильным
Жить, не ведая покоя?»

И Альмансор бен Абдулла
Голову легко и бодро

Перед вычурной купелью
Клонит в Кордовском соборе.

II

Выбегая из собора,
Вороного он седлает,
Треплет ветер перья шляпы,
Развевает локон влажный.

По брегам Гвадалквивира
В Альколею рыцарь скачет,
Скачет рощей апельсиновой,
Скачет мимо рощ миндальных.

Он охотится дорогой,
И свистеть ему не в тягость,
С ним в ладу и пенье птичьё
И речной воды журчанье.

В Альколее обитает
Донна Клара де Альварес,
Ей привольно жить – родитель
Воевать ушел в Наварру.

Вдруг и трубы и литавры
Слышит издали Альмансор,
И встает из-за деревьев
Замок, блещущий огнями.

Нынче танцы в старом замке –
Веселится дам двенадцать
И двенадцать кавалеров,
И Альмансор – первый в танцах.

За спиной почуяв крылья,
Так и носится по залу
И умело каждой даме
Комплименты отпускает.

К нежным ручкам Изабеллы
Быстро припадет губами

И присядет пред Эльвирой,
На нее в упор уставясь.

Или спросит Леонуру:
«Я сегодня вам по нраву?» –
Показав ей крест, нашитый
На плаще своем нарядном.

Про любовь свою до гроба
Говорит он каждой даме,
И сто раз Христом клянется
В подтверждение признанья.

III

Но веселье отзвучало
В старом замке в Альколее,
Скрылись рыцари и дамы,
Догорели в зале свечи.

Донна Клара и Альмансор
Обрели уединенье,
И ложится им на лица
Пламя свеченьки последней.

Дама в кресле разместилась, –
Рыцарь голову пристроил
На возлюбленных коленях,
На скамеечке прилядая.

Маслом розовым помажет
Кудри рыцаря густые
Дама, плача безутешно,
И вздыхает он всем сердцем.

С нежной сладостью целует
Кудри рыцаря густые
Дама, плача безутешно,
И чело его мрачнеет.

Оросит слезами щедро
Кудри рыцаря густые

Дама, плача безутешно,
И он весь вдруг встрепенется.

Рыцарь спит, во сне склоняя
Голову перед купелью
В старом Кордовском соборе,
И ночным звучаньям внемлет.

Исполинские колонны
Шепчутся в ожесточенье,
Не желают ноши тяжкой,
И трепещут разъяренно, -

Рушатся колонны в гнев,
Никнет паства и священник,
С шумом упадет купол,
Боги христиан робеют.

Паломничество в Кевлар

I

Прильнула мать к окошку,
Сын лег и не встает.
«Ты все же встал бы, Вильгельм,
Взглянуть на крестный ход!»

«Я ничего не вижу,
Невмоготу мне, мать.
С тех пор, как не стало Гретхен,
Мне боли не унять»

“Держи писанье и четки,
Направим в Кевлар путь;
Сумеет божья мать
Покой тебе вернуть».

Кольшатся хоругви,
Молебны хор поет,
Чрез город Кёльн над Рейном
Проходит крестный ход.

Мать за толпой пустилась
И сына повела,
И подпевают оба:
«Тебе, Мария, хвала!»

II

Сегодня божья мать
Нарядно убрана,
Приходят к ней больные,
Спасенье даст она.

Каждый больной с молитвой
Несет подарок свой –
Недужной части тела
Слепок восковой.

Руку из воска приносит –
И, глядь, рука не болит,
Ногу из воска приносит –
Бросил хромать инвалид.

На костылях добирался –
Пошел по канату в пляс,
Не мог шевельнуть и пальцем –
На скрипке играет сейчас.

Взяла свечу восковую,
Слепила сердечко мать.
«Снеси его матери божьей
И боли не будешь знать».

Сын снес восковое сердце,
Склонился с ним до земли,
Текли из глаз его слезы,
Слова из сердца текли:

«Небесная царица,
Чистейшая меж дев,
Тебе я, всеблагая,
Откроюсь, присмирив.

Мы с матерью из Кёльна,
И славен этот град,
Соборы и часовни
Там сотнями стоят.

Жила напротив Гретхен,
Прибрал ее господь, –
Прими восковое сердце,
Дай в сердце боль побороть.

Ты исцели мне сердце,
И с этого числа
Я повторять не устану:
«Тебе, Мария, хвала!»

III

И сын и мать задремали,
Сломлены горем своим.
Бесшумно божья мать
Вошла в комнатенку к ним.

Над спящим наклоняясь,
Притронулась она
Рукой к больному сердцу
И скрылась, любви полна.

А мать во сне увидала,
Что это было так;
Извлек ее из дремы
Яростный лай собак.

Сынок не шевельнется,
Почил он вечным сном;
Алеют бледные щеки
От зорьки за окном.

Сложила мать ладони,
Сама не своя была,
И, веруя, запела:
«Тебе, Мария, хвала!»

ИЗ «ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ГАРЦУ» 1824

Пролог

Сюртуки, чулки, манжеты
Из отменно-белых кружев,
Уверенья, поцелуи, –
Лишь сердец не обнаружим.

Вам нужны сердца, и надо,
Чтобы их любовь согрела, –
Вы в любовных излиньях
Изолгались до предела.

Я хочу стоять на кручах,
Там, где люди незлобивы,
Где вдыхаешь полной грудью
Ветра вольного порывы.

Я хочу стоять на кручах,
Где возносятся деревья,
Бьют ключи, щебечут птахи
И дымятся туч кочевья.

Оставайся в скользком зале,
Скользкий люд, безмерно гибкий!
Я хочу стоять на кручах
И на вас взирать с улыбкой.

Горная идиллия

I

На горе в своем домишке
Рудокоп седой живет.
Ели там шуршат ветвями,
Месяц свет струит с высот.

В доме есть большое кресло,
Кто сумел в то кресло сесть,

Тот счастливей всех на свете, –
Это, значит, я и есть.

У приникшей мне к коленям
Милой девочки моей
Глазки – звезды голубые,
Губки – алых роз алей.

Словно небо неоглядны
Глазки девочки моей,
И прижат лилейный пальчик
К губкам, алых роз алей.

Но ведь матушка от прялки
Отрывать не станет взгляд,
А отец взялся за цитру
И поет на старый лад.

И любимая чуть слышно
Зашептала в тишине,
Очень важные секреты
Порешив доверить мне.

«После теткиной кончины
В Гослар мы не ходоки
В дни стрелковых состязаний.
Что ведь были за деньки!

А в горах у нас, напротив,
И тоска и холода,
Словно зимы нас под снегом
Схоронили навсегда.

Я – несчастная девчонка,
Неуютно мне одной,
Я пугаюсь горных духов,
Приходящих в час ночной!»

И внезапно замолчала,
Устрашась своих речей,
И ручонками прикрыла
Беспокойный блеск очей.

И шуршат все громче ели,
И жужжит веретено.
Льется песня в звуках цитры,
Как давно заведено:

«О дитя, от духа злого
Не должна ты ждать обид,
Потому что ангел божий
День и ночь тебя хранит».

II

Елка палец свой зеленый
К нам в окно внезапно ткнет,
Месяц, тихий соглядатай,
Свет златой прольет с высот.

Мать с отцом уже за стенкой
Захрапели в сладком сне,
Мы же оба, ободрившись,
Предаемся болтовне.

«В то, что молишься ты богу,
Вера у меня слаба.
У того, кто помолился,
Не дрожит потом губа.

Этой злой, холодной дрожи
Я пугаюсь всякий раз,
Хоть мои смягчает страхи
Свет твоих блаженных глаз.

Но берет меня сомненье,
Что ты предан вере той,
Где в чести отец небесный,
Божий сын и дух святой».

Ах, за мать еще цепляясь,
Я, совсем еще юнец,
Верил в то, что благодатно
Правит миром бог-отец.

Сотворил он нашу землю,
И людской он создал род,
Солнцу, месяцу и звездам
Предуказан был им ход.

А когда я стал постарше
И ума понабрался,
Понял я, что в бога сына
Не уверовать нельзя.

В бога-сына, что любовно
Жить в любви людей зовет,
И которого за это,
Как всегда, распял народ.

А теперь, как подучился
Да увидел край чужой,
Неспроста святому духу
Я поверил всей душой.

Он чудес явил немало,
И сулит их вновь судьба,
Он крушил дворец тирана,
Он сорвал ярмо с раба.

Он и раны исцеляет
И права нам отдает.
Мы ведь, люди, по рождению
Все – единый славный род.

Разгоняет он туманы
И спасает от химер,
Что хотят любовь и радость
Затруднить сверх всяких мер.

Много рыцарей избрал он,
При мечях и полных сил;
Чтоб свою исполнить волю,
Их отвагой наделил;

И колышутся их флаги,
И мечи у них блестят, –

Ты на рыцаря такого
Не желаешь бросить взгляд?

На меня гляди, малышка!
И обнять меня не грех!
Потому что я ведь тоже
Рыцарь духа, вроде тех.

III

За большой зеленой елкой
Месяц спрятался во мгле,
Затухая и тускнея
Светит лампа на столе.

Только звезды голубые
Все равно полны огня,
Розы алые раскрылись,
И доходит до меня:

«Гномы тащат хлеб и сало,
Просто сладу с ними нет:
Вечерком в шкафу оставишь,
А к утру простыл и след.

Пенки кобольды снимают
С молока, и не покрыт,
Глядь, бидон потом, и кошка
Съесть остаток норовит.

А ведь кошка это ведьма,
Ведь она в полночный час
К горным духам на свиданье
Шла в развалины не раз.

Пышущий весельем замок
Возвышался прежде там,
Там при факелах кружили
Рыцари прекрасных дам.

Прокляла колдунья злая
Замок тот и весь тот люд,

И меж тамошних развалин
Нынче совы гнезда вьют.

Только тетка говорила,
Что такое слово есть –
Коль его в урочном месте
В час урочный произнести,

Из развалин старый замок
Возродился бы тотчас,
Дамы с рыцарями снова
Завели бы прежний пляс,

А к сказавшему то слово
Власть бы в замке перешла.
Грянут горны и литавры,
И пойдет ему хвала!»

Расцветают с этой сказкой
Губки милой, роз алей,
И сиянье голубое
Тихо льется из очей.

Станет локоны на пальцы
Мне любимая низать,
Улыбнется, поцелует
И молчит себе опять.

Все в притихшей комнатенке
Благосклонности полно,
Стол и шкаф, сдается, где-то
Я видал давным-давно.

То часов услышу лепет,
То внезапно цитры звон
Различу невесть откуда,
И меня дурманит сон.

Мы теперь в урочном месте,
Час урочный настает,
И я чувствую, что слово
С губ моих слетит вот-вот.

Ты увидишь – прояснится
Полуночная пора,
Ели зашумят сильнее,
Дрогнет старая гора.

Цитры звон и пенье гномов
Из расселин грянут вдруг,
Буйством вешнего цветенья
Лес оденется вокруг,

И совсем цветы и листья
Заберут над нами власть
Пестротой своей и пылом,
Точно их вскормила страсть.

Розы алые, как пламя,
Дерзко выйдут из толпы,
К небу лилии взвоятся,
Как хрустальные столбы,

И огромные, как солнце,
Станут звезды жар души,
Перешедший в свет лучистый,
Лить в лилейные ковши.

Да и мы совсем иными,
Друг мой нежный, станем впредь,
Заблестят шелка и злато,
Будут факелы гореть.

Ты окажешься принцессой,
Замком обратится дом,
Встанут рыцари и дамы,
И мы танец заведем.

Быть моими – людям, замку
И тебе пора пришла;
Грянут горны и литавры,
И раздастся мне хвала!

Пастушок

Здесь король – пастух безусый,
Трон его – зеленый холм,
Королевская корона –
Солнце в небе голубом.

Льнут к стопам его барашки,
Как придворные льстецы,
А телята – кавалеры
И большие гордецы.

В королевские актеры
Понаставили козлят,
А коровы с бубенцами
В музыкантах состоят.

И так нежно плашек пенье,
И так ласков тихий гул
Водопадов и деревьев,
Что король на миг вздремнул.

Как министр, бразды правленья
Верный пес теперь берет,
Тявканьем своим брюзгливым
Оглашая небосвод.

И со сна король бормочет:
«Нелегко быть королем.
Ах, сидеть бы с королевой
В доме мне теперь своем!

Головой своей монаршей
К королеве я прильну,
И в очах ее прекрасных
Различу свою страну».

На Брокене

Посветлело на востоке,
То есть, солнце выйдет вскоре,
Только горные вершины
Плавают в туманном море.

Сапоги бы скороходы
 Мне надеть и, вверяясь ветру,
 Через горные вершины
 К дому милой мчать по свету.

Молча сдвинуть у постельки
 Полог, там нависший пышно,
 Целовать чело тихонько,
 Целовать уста чуть слышно.

И ушам ее лилейным
 Нашептать почти без звука
 Сон, где мы друг друга любим
 И где нас не ждет разлука.

Ильза

Знай: я – принцесса Ильза,
 А Ильзенштейн – мой дом,
 Пойдем ко мне в обитель, –
 Мы счастье обретем.

Волной своей прозрачной
 Главы коснись твоей,
 И ты, страдалец унылый,
 Не вспомнишь своих скорбей.

Припав к груди моей белой,
 Попав ко мне в полон,
 Ты сразу вспомнишь преданье
 О страсти былых времен.

Как целовать я стану,
 Тискать в объятьях своих,
 Знал император Генрих,
 Которого нет в живых.

Мертвый пребудет мертвым,
 Только живущий жив,
 А я – юна и прекрасна,
 И жарок сердца порыв.

Спустись в мой замок хрустальный,
Войди в мой дивный приют,
Там дамы и рыцари пляшут
И оруженосцы поют.

Кольшутся шлейфы из шелка,
И звякают шпоры сапог,
А карлики бьют в литавры,
Визжат и дудят в рог.

Как императора Генриха,
Дай обниму тебя всласть, –
Я уши ему закрыла,
Когда труба раздалась.

СЕВЕРНОЕ МОРЕ

1825 – 1826

ЦИКЛ ПЕРВЫЙ*1. Коронование*

Песни, милые вы мои песни!
Вставайте! Вставайте! К оружию!
Вставайте, в трубы трубите!
И поднимите на щите
Молодую девушку,
Которая моим сердцем
Отныне властвует как царица.

Слава тебе, молодая царица!

У высокого солнца
Возьму я лучистого золота
И сплету диадему
Для гордой твоей головы.
От лазурного шелка небес,
Где сверкают ночные алмазы,
Оторву я кусок
И накину его, как порфиру,
На царственные твои плечи.
Я свиту твою составлю
Из чопорно разодетых сонетов,
Надменных терцин и любезнейших стансов.
К тебе в скороходы поступит мое остроумье,
Дворцовым шутом фантазия станет моя,
Герольдом с веселой слезой на гербе
Пусть будет мой юмор.
А сам я, царица,
Паду пред тобой на колени
И молча на бархатной красной подушке
Тебе поднесу
Частицу рассудка,
Оставленную мне из сострадания
Той, которая царила до тебя.

2. Сумерки

На пустынном берегу моря,
Сидел я в одиночестве, печально задумавшись.
Солнце садилось и бросало на воду
Пылающие красные полосы,
И белые дальние волны,
Гонимые приливом,
Пенились и пели все ближе и ближе, –
Необычный шорох, шепот и свист,
Смех и бормотанье, журчанье и вздохи,
И среди них тихая колыбельная песня, –
Мне казалось, я слышу забытые сказания,
Старые чудесные сказки,
Которые я еще мальчишкой
Слышал от соседских детей,
Когда мы летним вечером
Сидели на каменных ступеньках
И от тихих рассказов загорались
Маленькие чуткие сердца
И глаза, разумно-пытливые.
А взрослые девушки
Сидели напротив у окна,
Уставленного душистыми цветами.
И розовые их лица
Улыбались, озаренные луной.

3. Солнечный закат

Пылающее солнце опускается
В широко раскинувшееся
Серебристо-серое море,
Следом плывет
Розовеющий воздух, а вверху
Из-за осенне-мрачной облачной завесы
Печальная и смертельно бледная
Рвется вперед луна,
И за ней, как искорки,
В тумане мерцают звезды.

Когда-то на небе вместе
Сияли супруги,
Луна-богиня и солнце-бог,

А подле них копошились звезды,
Малые невинные дети.

Но злые языки их рассорили,
Рассталась враждебно
Высокая сияющая чета.

И теперь один, в одиноком величье,
Бог-солнце ходит там наверху,
Его великолепие
Восхваляют в молитвах и гимнах
Гордые, закаленные счастьем люди.
А ночью
По небу бродит луна,
Бедная мать
Со своими сиротками-звездами;
Она сияет в безмолвной тоске,
И влюбленные девушки и нежные поэты
Посвящают ей слезы и песни.

Нежная луна! Она, как женщина,
И все еще любит прекрасного супруга,
И под вечер, дрожа и бледнея,
Глядит она из легких облаков,
И, скорбная, следит за уходящим,
И боится, и хочет крикнуть ему: «Вернись,
Вернись, дети соскучились по тебе!»
Но упрямый солнечный бог
От взгляда богини вспыхнет,
И загорается румянцем двойным
От гнева и горя
И, неумолимый, торопится вниз,
В свою влажную и холодную постель дворца.

***

Злые, шипящие языки
Приносят горе и гибель
Даже великим богам,
И несчастные боги, там, наверху,
Странствуют, вечно страдая,
По бесконечным дорогам,
И не могут они умереть,

И тащат с собой
 Свое лучезарное горе.
 Но я человек,
 Я мелкая сошка, я, к счастью, смертен,
 И нечего мне роптать.

4. Ночь на берегу

Беззвездна и холодна ночь,
 Волнуется море.
 А над морем лежит на брюхе
 Неуклюжий северный ветер,
 И украдкой, срывающимся глуховатым голосом,
 Как внезапно размякший брюзга,
 Он болтает с водой.
 Он рассказывает нелепые истории,
 Страшные сказки о великанах
 И древние саги Норвегии;
 То он громко хохочет и воет,
 То поет заклинания Эдды
 И старинные руны,
 Сумрачно своенравные и властно колдующие,
 И белые дети моря
 Весело подпрыгивают и радуются,
 Упоенно раззадоренные.

В это время по плоскому берегу,
 По волноомытому песку,
 Шагает чужеземец, сердце которого
 Мятежнее ветра и волн.
 Куда он ни ступит –
 Блещут искры и хрустят раковины,
 А он, закутавшись в свой серый плащ,
 Быстро идет сквозь ветреную ночь
 На нежно мерцающий
 Манящий огонек
 Одиноким избу рыбака.

Отец и братья ушли в море,
 И одна-одинешенька
 Осталась дома дочь рыбака,
 Прекрасная дочь рыбака.
 Сидит она у очага

И слушает бормотанье воды в котле,
 Полное радостно-вещих предчувствий,
 И бросает в огонь хрустящий хворост,
 И дует на пламя,
 И вспыхивающие огни
 Озаряют волшебно-ласковым светом
 Ее цветущее лицо,
 И нежные белые плечи,
 Робко выглядывающие
 Из под грубой серой рубахи,
 И маленькую заботливую ручку,
 Поправляющую нижнюю юбочку
 На стройных бедрах.

И вдруг распахивается дверь,
 В дом входит ночной пришелец,
 Влюбленными глазами
 Он глядит на прекрасную девушку,
 Стоящую перед ним
 Подобно испуганной лилии,
 И сбрасывает плащ на пол,
 И смеется, и говорит:

«Дитя, ты видишь, я держу слово
 И прихожу, и со мной приходит
 Старое время, когда боги с небес
 Спускались к дочерям человеческим,
 И они зачинали
 Скипетроносных царей
 И героев, изумлявших мир.
 Но, дитя, удивляться не следует долго
 Моему божеству.
 Я прошу: завари-ка мне чаю, дай рому,
 Потому что на улице холодно,
 А в холодные ночи
 Мерзнем и мы, бессмертные боги,
 И запросто можем схватить божественный насморк
 И бессмертный кашель».

5. Посейдон

Солнечные лучи играли
 Над морем, катящим волны.

Далеко на рейде блестел корабль,
Готовый увезти меня на родину.
Но ждали доброго попутного ветра;
И я спокойно сидел на белом песке
На пустом берегу.
Я читал песнь об Одиссее,
Старую, вечно молодую песнь.
С ее морешумных страниц
Ко мне поднималось, ликуя,
Дыханье богов,
И светозарная весна человечества,
И цветущее небо Эллады.

Благородное сердце мое
Шло в скитаньях за сыном Лаэрта,
Вместе с ним оно приходило
К приветливому очагу,
Где пурпур ткали царицы,
Оно было с ним, когда он лгал и когда спасался
Из пещер великанов и объятий нимф,
Оно шло за ним в киммерийскую ночь,
Шло в бурю, терпело кораблекрушение,
И горькие беды вынесло вместе с ним.

Вздыхнув, я воскликнул: «Ты зол, Посейдон,
Ужасен твой гнев,
И сам я боюсь и не знаю,
Вернусь ли домой».

Только словечко я молвил,
Вспенилось море,
На белых волнах поднялась
Обвитая камышом голова бога морей,
И он, усмехаясь, сказал:

«Ты не робей, виршеплет,
Я не намерен тревожить
Твой бедный кораблик
И слишком жестокой качкой тебя не заставлю
За жизнь свою опасаться.
Ведь ты, виршеплет, меня не гневишь,
Не тронул ты ни единой башни
В священном граде Приама,

Не опалил ни единой ресницы
 Сыну моему Полифему,
 Не спасали тебя благие советы
 Богини рассудка Афины-Паллады».

Так сказал Посейдон
 И опять погрузился в море,
 И грубой боцманской шутке
 Под водой посмеялись
 Амфитрита, нескладная торговка рыбой,
 И глупые дочери Нерея.

6. Признание

В сумраке начинался вечер,
 Неистойвой шумел прилив,
 Я сидел у моря и следил
 За белыми плясками волн.
 А душа у меня трепетала, как море.
 Бездонная мной овладела тоска
 По тебе, светлый лик.
 Ты везде озаряешь меня,
 Везде окликаешь меня,
 Ты везде, ты везде –
 В завывании ветра, в колыхании моря
 И в моих собственных рыданиях.

Тростинкой написал я на песке:
 «Агнесса, я тебя люблю!»
 Но злые волны залили
 Нежное признание
 И смыли его.

Разламывающийся тростник, рассеивающийся песок,
 Растекающиеся волны, вам я больше не верю!
 Темнеет небо, распаляется мое сердце.
 И я вырываю сильной рукой из норвежских лесов
 Самую высокую ель,
 Окунаю ее
 В горло плавающей Этны и этим,
 Огнем напоенным, огромным пером
 Я пишу на темном небосклоне:
 «Агнесса, я тебя люблю!»

Каждую ночь будут пламенеть
 Там, наверху, огненные письма,
 И поколения внуков и правнуков
 Радостно прочтут небесные слова:
 «Агнесса, я тебя люблю!»

7. Ночью в каюте

В море есть свой жемчуг,
 В небе есть свои звезды,
 А в сердце, в моем сердце,
 В сердце своя любовь.

И море, и небо огромны,
 Но сердце мое – еще больше,
 И краше, чем жемчуг и звезды,
 Сияет и светит любовь.

Крепче прижмись, малышка,
 К моему огромному сердцу,
 Мое сердце, и море, и небо
 Единой любовью полны.

***

К голубому небосводу,
 Где поблескивают звезды,
 Я хочу припасть устами,
 И расплакаться, и плакать.

Эти звезды – это очи
 Девушки моей любимой,
 Их мерцание – улыбка
 С голубого небосвода.

К голубому небосводу
 И к очам моей любимой
 Я тяну смиренно руки,
 И прошу, и умоляю.

Милый взор! Ну, сделай милость,
 Сердце бедное порадуй –

Дай мне смерть, дай обрести мне
И тебя и твое небо.

***

Падая из глаз небесных,
Искры полночь озаряют,
И душа моя все шире,
Все огромней, все безмерней.

О, пускай из глаз небесных
В душу мне струятся слезы,
Чтобы этими слезами
Переполнилась душа.

***

Убаюканный волнами
И мечтами золотыми,
Тихо я лежу в каюте,
В темном уголке, на койке.

Вижу через люк открытый,
Как вверху сияют звезды –
Милые, родные очи
Девушки моей любимой.

Милые, родные очи,
Надо мной они не дремлют,
И мерцают, и мигают
С голубого небосвода.

С голубого небосвода
Не свожу я глаз часами.
Счастлив я, но шлейф тумана
Заслоняет очи милой.

***

О дощатый корабль,
Где, в мечтах, я к борту склоняю главу,
Расшибаются волны, дикие волны.
Они шумят, и бормочут
И таинственно шепчут мне на ухо:
«Ты глупый малый,
Руки коротки, а небо далеко,

И звезды крепко к нему прибиты
 Золотыми гвоздями.
 Не стоит страдать, не стоит вздыхать,
 Лучше всего бы тебе заснуть».

***

Приснилась мне далекая равнина,
 Покрытая пушистым белым снегом;
 И я лежал под снегом погребенный,
 И крепко спал холодным, смертным сном.
 Но сверху, с неба темного смотрели
 Вниз, на мою могилу, звезды-очи.
 Твои глаза! В них отблеск торжества,
 Они спокойны, но полны любовью.

8. Буря

Безумствует буря!
 Бичует волны!
 И волны, озлобленные, неистовые,
 Лезут упрямо вверх, и, точно живые,
 Качаются белые горы воды.
 Кораблик с трудом
 Влезает на них,
 Чтобы внезапно сорваться
 В черную бездну моря.

О море!
 Мать красоты, рожденной из пены,
 Праматерь любви, пощади меня!
 Уже кружит, почуяв мертвое тело,
 Как привидение, белая чайка,
 И клюв уже точит о мачту,
 И жаждет добраться до сердца,
 Которое дочь твою славит,
 Которое внучек твой озорной
 Выбрал себе игрушкой.

Напрасны моления и просьбы!
 Мой крик умирает в грохочущей буре,
 В ревуших ветрах.
 Клокочет и воет, свистит и трещит,
 Как в желтом доме звучаний!

И внемлю я среди них
 Манящим звучаньям арфы,
 Ее неумолчным рыданиям.
 Томят они душу, рвут они душу,
 Но голос я различаю.

Далеко, у шотландских скал,
 Встал над бунтующим морем
 Маленький серый замок.
 Там у стрельчатого окна
 Стоит прекрасная больная женщина.
 Нежна, как призрак, и бледна, как мрамор,
 Она поет, играя на арфе,
 И ветер треплет ее длинные волосы,
 И разносит сумрачную песню
 Над огромным клочующим морем.

9. Штиль

Полный штиль! Сияет солнце,
 На воду лучи бросая,
 И корабль в алмазных блесках
 Оставляет след зеленый.

У штурвала старый боцман
 Мирно спит, на брюхе лежа,
 Возле мачты чинит парус
 Перемазавшийся юнга.

На щеках сквозь грязь румянец
 Проступил, со страха губы
 Вздрагивают, и тоскливо
 Смотрят вниз глаза большие.

Капитан над ним бушует,
 Бесится, бранится: «Жулик,
 Жулик, ты вчера селедку
 У меня украл из бочки!»

Полный штиль! Со дна морского
 Умная всплывает рыбка,
 Греет голову на солнце,
 Весело хвостом играет.

Но серебряная чайка
 Камнем падает на рыбку
 И, держа добычу в клюве,
 Исчезает в синеве.

10. *Морское видение*

А я лежал у самого борта
 И мечтательными глазами смотрел
 Вниз, в зеркально прозрачную воду.
 Мой взор уходил все глубже и глубже,
 На самое дно морское.
 Сначала как бы в тумане,
 Потом отчетливее и ярче
 Поднимались башни и купола церквей,
 И, наконец, светлый как солнце, огромный город,
 Старый голландский город,
 Богатый и многолюдный.
 Степенные мужи, одетые в черное,
 С белыми брыжами и почетными цепями,
 С длинными шпагами и вытянутыми лицами,
 Пробиваются сквозь шумную рыночную толпу
 К парадной лестнице ратуши,
 Где каменные статуи императоров
 Стоят на страже со скипетром и мечом.
 А неподалеку, по длинной улице,
 Мимо зеркальных окон
 И пирамидально подстриженных лип,
 Шелестя шелками, гуляют девушки
 В узких корсажах; черные шапочки
 И выбивающиеся из-под них золотые волосы
 Обрамляют цветущие лица.
 Пестрые франты в испанских костюмах
 Важно плывут, отдавая поклоны,
 Пожилые дамы,
 В самых скромных коричневых платьях,
 Молитвенник держат и четки
 И семят, торопясь,
 К большому собору,
 Подгоняемые колокольным звоном
 И строгим гулом органа.
 Меня самого колокольный звон
 Томит и приводит в ужас!

Безмерное горе, глубокая грусть
Подкрадываются к сердцу, –
К моему едва зажившему сердцу, –
Мне кажется, нежные губы
Целуют старые раны,
И льется сызнова кровь –
Горячие красные капли,
Которые медленно падают
На старый дом, там, внизу,
В глубоком подводном городе,
На старый, пустой и печальный
Дом с черепичной крышей,
Где у маленького окошка,
Подперев голову рукой,
Сидит девушка,
Бедное, брошенное дитя, –
Я знаю тебя, бедное, брошенное дитя!

Так глубоко, так глубоко в море
Спряталась ты от меня,
Капризный ребенок.
И не можешь подняться наверх,
И чужая, с чужими людьми
Остаешься навеки.
А я с удрученным сердцем
Ищу тебя везде,
Всегда ищу тебя,
Ты, вечно любимая,
Ты, давно потерянная,
Ты, наконец-то мной обретенная, –
Я нашел тебя и снова вижу
Прекрасное лицо,
Умные, преданные глаза
И родную улыбку.
Я не в силах расстаться с тобой
И теперь я иду к тебе,
Раскрываю тебе объятия
И бросаюсь к тебе на грудь, –

Но капитан успеваает
Во время схватить меня за ногу,
Он оттаскивает меня от борта

И, усмехнувшись, кричит:
«Вы спятили, доктор?»

11. *Очищение*

Останься в морской глубине,
Безумная мечта.
Уже ты немало ночей
Терзала мне сердце ложным счастьем,
И теперь, как морское виденье,
Мне грозишь среди бела дня.
Останься там, в глубине, навеки.
И я брошу туда заодно
Все страданья мои и грехи,
И дурацкий колпак с бубенцами,
От которых звенело у меня в голове,
И змеиную скользкую кожу
Лицемерия,
Мне так долго терзавшего душу,
Большую душу,
Бога забывшую, ангелов забывшую,
Злосчастную душу.
О-го, о-го-го! Крепчает ветер.
Подняты паруса! Они заплескались и вздулись.
По гибельной глади морской
Несется корабль, —
На свободе ликует душа.

12. *Мир*

Высоко в небе стояло солнце,
В окружении белых облаков.
На море было тихо,
И я, размышляя, лежал у штурвала.
Я размышлял и отчасти вьявь,
Отчасти во сне — видел Христа,
Спасителя мира.
В легких белых одеждах,
Огромный, он шел
По земле и по воде;
Голова его уходила в небо,
А руки благословляли
Земли и воды;

Сердцем в его груди
 Было солнце,
 Красное, пылающее солнце,
 И это красное пылающее солнце-сердце
 Лило вниз благодатные лучи
 И нежный, ласковый свет,
 Озаряя и согревая
 Земли и воды.

Плыл торжественный звон,
 И, казалось, лебеди в упряжи из роз
 Тянули скользкий корабль,
 Тянули к зеленому берегу,
 Где в высоковознесшемся городе
 Живут люди.
 О, чудо покоя! Что за тихий город!
 Не слышно глухого шума
 Говорливых тяжелых ремесел,
 И по тихо звенящим улицам
 Бродят люди, одетые в белое,
 С пальмовыми ветками в руках,
 И когда встречаются двое,
 Проникновенно глядят друг на друга,
 И, трепеща от любви и сладкого самоотречения,
 Целуют друг друга,
 И глядят вверх
 На солнечное сердце спасителя,
 Миротворно и радостно льющее вниз
 Красную кровь,
 И, трижды блаженные, восклицают:
 «Хвала Иисусу Христу!»

ЦИКЛ ВТОРОЙ

1. Приветствие морю

Таласса! Таласса!
 Приветствую тебя, вечное море!
 Приветствую от чистого сердца
 Десять тысяч раз,
 Как некогда приветствовали
 Десять тысяч сердец,

Невгодотомимых, отчизновлекомых,
Прославленных греческих сердец.

Бушевали волны,
Бушевали, шумели,
Солнце спешило пролить
Веселые розовые лучи,
Стая испуганных чаек
Улетала, громко крича,
Ржали кони, стучали мечи,
И неслось как победный клич:
Таласса! Таласса!

Приветствую тебя, вечное море!
Как язык моей родины, шелестит морская вода,
Мои детские сны опять поднимаешь ты
На своих горбатых волнах.
И старая память мне рассказывает
Обо всех любимых игрушках,
Обо всех святочных подарках,
Обо всех коралловых деревьях,
Золотых рыбках, жемчугах и пестрых ракушках,
Которые ты хранишь в тайниках
Внизу, в прозрачном хрустальном доме.

О, как я скучал в чужой холодной стране!
Увядшим цветком
В жестянке ботаника
Сердце лежало в груди.
Мне кажется, целую зиму больной
Пролежал я в темной больничной палате,
И вот я вышел оттуда,
И свет ослепляет меня,
И солнце весну изумрудную будит,
Деревья в цвету шумят надо мной,
Живые цветы глядят на меня
Своими яркими душистыми глазами,
Кругом все жужжит и хохочет, дурманит и дышит,
И птицы в небе поют голубом:
Таласса! Таласса!

Отважное в отступлении сердце!
 Часто, слишком часто
 Теснили тебя дикие женщины Севера.
 Их большие победоносные глаза
 Стреляли огнедышащими стрелами;
 Кривыми саблями слов
 Они рассекали мне грудь;
 Клинопись их посланий
 Била по моему бедному мозгу, –
 Напрасно прикрывался я щитом, –
 Стрелы свистели, удары звенели,
 Дикие женщины севера
 Прижали меня к морю, –
 И, свободно вздохнув, я приветствую море,
 Любимое, спасительное море,
 Таласса! Таласса!

2. Гроза

Над морем нависла гроза,
 И сквозь черную стену туч,
 Мгновенно вспыхивая и мгновенно исчезая,
 Блещет изломанная молния,
 Словно грозная шутка Крониона.
 Над пустынным волнующимся морем
 Далеко раскатывается гром,
 И скачут белые кони – валы,
 Рожденные от самого Борея
 Прекрасными кобылицами Эрихтона;
 И робкие чайки кружат,
 Как над Стиксом тени умерших,
 Хароном гонимые от полночной ладьи.

Бедный, забавный кораблик,
 Он пляшет прескверный танец.
 Эол шлет ему лучших своих оркестрантов,
 Под их дикую музыку волны ведут хоровод;
 Один из них дует, другой свистит,
 А третий играет на гулких басах, –
 И стоит за штурвалом, качаясь, моряк
 И глаз не сводит с компаса –
 Дрожащей души корабля,
 А руки тянет молитвенно к небу:

Спаси меня, Кастор, отважный герой,
И ты защити, кулачный боец Полидевк!

3. После кораблекрушения

Надежда и любовь! Разбито все!
И я, как мертвец,
Со злобой выброшенный волнами,
Лежу на берегу.
Предо мной – бесконечная водная пустыня,
Позади меня – горе да беда,
А надо мной – плывут облака,
Серые, безликие дочери воздуха;
Они черпают воду из моря
Ведрами туманов,
Тащат ее с трудом, и тащат,
И опять выливают в море,
Унылое, скучное занятие,
Бессмысленное, как моя жизнь.

Волны рокочут, чайки вскрикивают,
Меня обступают давние воспоминания,
Забывтые грезы, померкшие лики,
Сладким мученьем стали всплывать.

Живет на севере женщина,
Прекрасная женщина, прекрасная, как царица,
Белые сладострастные ткани
Обвили стан стройней кипариса;
Темные волны кудрей,
Подобно блаженной ночи,
Струясь с увенчанной косами головы,
Ласково обрамляют
Прекрасное бледное лицо;
И на прекрасном бледном лице
Властно горят огромные глаза,
Как черное солнце.

О черное солнце, как часто,
Как чудесно ты поило меня
Диким огнем вдохновенья,
А я, опьяненный, стоял шатаясь, –
И кроткая голубиная улыбка

Пробегала по надменным гордым губам,
 И надменные гордые губы
 Шептали слова слаще лунного света
 И нежнее душистой розы;
 И душа моя в небо взлетала
 И парила выше орлов!

Молчите, волны и чайки!
 Прошло это все – любовь и надежда,
 Надежда и счастье, – лежу на земле я,
 Человек, потерпевший крушение,
 И горячим лицом прижимаюсь
 К сырому песку.

4. *Закат солнца*

Прекрасное солнце
 Спокойно опустилось в море;
 Волнующиеся воды уже окрасила
 Темная ночь.
 Только вечерняя заря
 Еще догорает золотыми огнями,
 И шумящие силы прилива
 Гонят к берегу белые волны,
 А они весело бегут,
 Как стадо тонкорунных овец,
 Которое пастушок, распевая песенку,
 Вечером гонит домой.

«Как прекрасно солнце!» –
 Нарушив молчанье, сказал мне приятель,
 Бродивший со мной у моря,
 И полушутя, полусерьезно,
 Стал уверять, что солнце –
 Это прелестная женщина, выданная против воли
 За старого бога морей;
 Целый день по высокому небу
 Она бродит, одетая в пурпур,
 И на ней сверкают алмазы,
 И все почитают ее, все любят,
 Все твари земные,
 И все земные твари рады
 Свету и теплу ее лучей;

Но вечером надо
 Возвращаться несчастной
 В свой влажный дом, в бессильные объятия
 Седого супруга.

«Поверь, – добавил приятель,
 Смеясь, и вздыхая, и снова смеясь, –
 Это ведь самая нежная чета!
 Когда они не спят, они бранятся
 Так, что наверху пенится море,
 И слышит моряк в шуме бьющихся волн,
 Как ругает жену старик:
 «Ты вселенская потаскуха,
 Лучами блудящая!
 Ты пылаешь целые дни для других,
 А со мной по ночам ты, как лед, ты устала!»
 После головомойки такой
 Солнце, конечно, рыдать начинает,
 Гордое, проклиная свой жребий,
 И клянет его, и клянет, покамест
 Бог морей, отчаявшись, не выскочит из постели
 И не выплывет на поверхность моря
 Глотнуть свежего воздуха.

Я сам его видел минувшей ночью,
 Он высунулся из воды по пояс.
 На нем была желтая фланелевая кофта
 И белолилейный ночной колпак,
 А лицо у него совсем увядшее».

5. Песнь океанид

К вечеру море становится бледным,
 И один, со своей одинокой душой,
 Сидит на пустом берегу человек;
 Он обращает мертвый холодный взгляд
 К мертвому холодному небосводу,
 Он глядит на огромное клокочущее море,
 И над огромным клокочущим морем
 Под парусами плывут его вздохи
 И возвращаются омраченными.
 Запертым оказалось сердце,
 Где хотели они приютиться;

И он рыдает так громко, что белые чайки
 Покидают со страха песчаные гнезда
 И кружат над ним стаями,
 А он им бросает насмешливые слова:

«Черноногие птицы,
 На белых крыльях летящие через море,
 Кривыми клювами пьющие морскую воду
 И жрущие тухлое мясо тюленей,
 Как ваша еда, горька ваша жизнь!
 А я, счастливец, ем только сласти,
 Отведал я сладкие запахи розы,
 Соловиной невесты, вскормленной лунным светом,
 Отведал я сладкие булочки
 Со сладкими взбитыми сливками;
 И отведал я самое сладкое:
 Сладость любви и взаимности.

Она меня любит, она меня любит, прекрасная дева!
 Теперь она дома, сидит на балконе,
 И в сумерках смотрит вниз на дорогу,
 И ждет, и тоскует по мне – в самом деле!
 Но нет никого и, вздыхая,
 Она выходит печальная в сад,
 И бродит, дыша ароматом при свете луны,
 И долго цветам говорит,
 Как я, ее милый, любим,
 И как я достоин любви – в самом деле!
 И после во сне, в постели, в мечтах
 Пред ней возникает мой лик драгоценный,
 И даже утром за завтраком
 На лоснящемся бутерброде
 Она видит мое смеющееся лицо
 И съедает его от любви – в самом деле!»

Хвастает он и хвастает,
 А чайки громко кричат,
 И хихикают, и над ним смеются.
 Выплывают сумеречные туманы,
 Желтая, как осенние листья, луна
 Беспокойно глядит из-за фиолетовых облаков;
 Шумя, поднимаются морские волны,
 А из глубины шумящего моря,

Печальная, как лепет ветерка,
 Доносится песнь океанид,
 Прекрасных, милосердных морских дев,
 И слышен внятней ласковый голос
 Среброногой супруги Пелея;
 Вздыхают они и поют:

«Глупец, ты глупец, ты хвастливый глупец,
 Тебя измучило море,
 Жестоко разбиты твои надежды –
 Любимые дочери сердца,
 И сердце твое, как Ниобея,
 Окаменело от скорби!
 Темно у тебя в голове,
 И молнии безумья сверкают во мраке,
 И твое хвастовство от боли!
 Глупец, ты глупец, ты хвастливый глупец,
 Упрямый, как дальний твой предок,
 Бесстрашный титан, который огонь
 Украл у богов, чтобы людям отдать.
 Прикован к скале, терзаемый коршуном,
 Олимпу грозил он, грозил и стонал,
 И мы его слышали в море глубоком
 И песней несли утешенье ему.
 Глупец, ты глупец, ты хвастливый глупец,
 Да ты ведь еще слабей,
 И было бы лучше тебе почитать богов
 И тяжесть страданья влачить терпеливо,
 Влачить терпеливо и долго, так долго,
 Пока не утратит терпенья Атлас
 И мир наш тяжелый с плеч не стряхнет
 В вечную ночь».

Такую песнь пели океаниды,
 Прекрасные милосердные морские девы;
 Когда их заглушили шумящие волны,
 Месяц спрятался в облака,
 Разверзлась пропасть ночи,
 А я еще долго сидел в темноте и рыдал.

6. Боги Греции

Полная луна! В твоих лучах
 Как жидкое золото поблескивает море,
 Как дневной свет, помраченный колдовством,
 Ложатся они на далекое побережье,
 И в беззвездном светло-синем небе
 Плывут белые облака –
 Огромные изваяния богов
 Из прозрачного мрамора.

Нет, неправда. Это вовсе не облака.
 Это сами они, это боги Эллады,
 Которые прежде радостно правили миром,
 Теперь же, забытые, мертвые,
 Как страшные тени плывут
 В полуночном небе.

Удивленный и ослепленный чудом,
 Гляжу я на воздушный Пантеон,
 На торжественные, молчаливые, страшные
 Движущиеся фигуры великанов.
 Вот он, Кронион, повелитель неба!
 Голова его бела, как снег,
 Поседали славные кудри, Олимп сотрясавшие!
 В руке у него – потухшая молния,
 На лице – печаль и тоска,
 Но еще видна бывшая гордость.
 Бывали лучшие времена, о Зевес,
 И отлично тебя развлекали
 Мальчики, нимфы и гекатомбы;
 Но ведь и боги правят не вечно,
 Молодые оттесняют старых,
 Как ты когда-то оттеснил старика-отца
 И своих родичей – титанов,
 Юпитер-Отцеубийца!
 Я узнал и тебя, гордая Юнона!
 Несмотря на весь твой ревнивый страх,
 Другая скипетром завладела,
 И на небе ты теперь не царица,
 Большие глаза твои помутнели,
 И силы не стало в лилейных руках.
 Никогда уже месть твоя не достигнет

Ни от бога зачавшую деву,
 Ни чудотворящего божьего сына.
 Я узнал и тебя, Афина-Паллада!
 Ни щит, ни мудрость твоя не смогли
 Отсрочить гибель богов.
 Я узнал и тебя Афродита, –
 Прежде золотая, ныне серебряная.
 Хоть на тебе еще пояс прелестный,
 Мне страшно глядеть на твою красоту;
 Когда б осчастливить желало меня, как многих героев,
 Твое благодатное тело, – от ужаса умер бы я,
 Богиней умерших явилась ты мне,
 Венера Либитина!
 Уже на тебя с любовью
 Не смотрит ужасный Арес.
 Юноша Феб-Аполлон
 Грустит. Молчит его лира,
 Звучавшая сладостно на пирах богов.
 Еще печальней Гефест,
 И впрямь, никогда хромоногий
 Уже не заменит Гебу
 И хлопотливо гостям не подаст
 Любезный им нектар. Давно отзвучал
 Неукротимый божественный смех.

Я никогда не любил вас, боги,
 Потому что не люблю я греков,
 И даже римляне мне ненавистны.
 Но жалость святая и боль состраданья
 Наполнили сердце,
 Когда я увидел вас там, наверху,
 Забытые боги,
 Ночные померкшие тени,
 Ветром гонимый легкий туман.
 Когда я вспоминаю, как трусливы и лживы
 Вас победившие боги –
 Власть захватившие ныне, унылые боги,
 Злорадные боги в смиренных овечьих шкурах, –
 Я сдержать не могу угрюмую злобу,
 Я готов разрушить новые храмы
 И бороться за вас, за старых богов,
 И за ваши добрые божественные права.
 Перед вашими алтарями,

Восстановленными и окутанными дымом жертв,
Я сам готов пасть на колени
И сложить молитвенно руки.

Старые боги, вы всегда
В битвы людские вступая,
Были с теми, кто побеждал,
Но человек великодушнее вас,
И если теперь сражаются боги,
Я на стороне побежденных богов.

***

Я говорил, – а наверху постепенно алели
Бледные лики облаков.
Они глядели на меня печально,
Как умирающие, – и вдруг исчезли,
Луна тотчас же скрылась
За темной грядой туч.
Высоко поднялось море,
И победоносно в небе зажглись
Вечные звезды.

7. Вопросы

У моря, у ночного пустынного моря
Стоит юноша
С сердцем в тоске, с головой в сомненьях,
И угрюмо вопрошает волны:
«О, разрешите загадку жизни,
Старую трудную загадку,
Над которой уже многие ломали головы –
Головы в иероглифических колпаках,
Головы в тюрбанах и черных беретах,
Головы в париках и всякие другие
Бедные, обливающиеся потом людские головы.
Скажите, что такое человек?
Откуда он пришел? Куда он идет?
Кто там живет, наверху, на золотых звездах?»

Волны бормочут, как всегда они бормотали,
Волнуется ветер, плывут облака,

Равнодушно сияют холодные звезды,
И дурак ждет, что ему ответят.

8. Феникс

С запада к нам прилетает птица,
Она летит на восток,
К себе на цветущую родину,
Где растут и благоухают пряности,
Шумят пальмы и веют прохладой колодцы, –
Волшебная птица летит и поет:

«Она любит его! Она любит его!
Она носит его в своем маленьком сердце,
Она тайно лелеет его
И об этом не знает сама.
Но во сне он встает перед ней,
И она его просит, и плачет, и руки целует ему,
И твердит его имя,
И, проснувшись от крика, шелохнуться не смеет,
И, себе удивляясь, глаза протирает.
Она любит его! Она любит его!»

***

На палубе, к мачте спиной прислонясь,
Я стоял и слушал пение птицы.
Как черно-золотые кони с серебряными гривами,
Катились курчавые белые волны,
Как вереница лебедей, проплыли мимо
Развернутые паруса гелголандцев –
Кочевников Северного моря;
Надо мной в бесконечной синеве
Трепетали белые облака
И сияло вечное солнце –
Роза небес пылающая пламенем,
Которое радостно отражается в море, –
И небо, и море, и мое собственное сердце
Повторяли как эхо:
«Она любит его! Она любит его!»

9. В гавани

Счастлив моряк, достигший гавани,
 Оставивший позади море и бури
 И ныне мирно сидящий в тепле,
 В винном погребе бременской ратуши.
 Как все же уютно и мило
 В стакане вина отражается мир,
 И как лучезарно течет микрокосм
 В томимое жаждой сердце!
 Все я вижу в стакане,
 Историю древних и новых народов,
 Турок и греков, Ганса и Гегеля,
 Лимонные рощи и вахтпарады,
 Берлин и Шильду, Тунис и Гамбург,
 А, главное, вижу лицо моей милой,
 Ангельский лик в золотом рейнвейне.

О, как хороша, как хороша ты, любимая!
 Ты прекрасна, как роза!
 Но не роза Ширази,
 Возлюбленная соловья, воспетая Гафизом,
 Но не роза Сарона,
 Священнопурпурная, восхваленная пророком,
 Ты – как роза винного погреба в Бремене!
 Это роза из роз,
 Чем старше она, тем пышнее,
 Ее аромат небесный меня восхищает,
 Меня вдохновляет, меня опьяняет, –
 Не схвати меня за волосы хозяин
 Винного погреба в Бремене,
 Полетел бы я кувырком.

Славный малый! Сидели мы рядом
 И пили как братья,
 Рассуждали о самых высоких материях,
 И вздыхали, и обнимали друг друга, –
 Он возвратил меня к вере в любовь,
 Я пил за здоровье злейших моих врагов,
 Я всех ничтожных поэтов простил,
 Как простят когда-нибудь меня самого,
 Я плакал от умиления, – и, наконец,
 Предо мной разверзлись райские врата,

Алые и голубые цветы!
Хмурый косарь не видит в вас проку,
Глумясь, молотит вас цеп деревянный,
И даже бездомный паломник,
Который, взглянув на вас, ободрится, –
Покачав головой,
Назовет вас красивым бурьяном

Но деревенская девушка,
Плетущая венки,
Вас любит и собирает,
Чтобы вами убрать чудесные кудри,
И спешит, нарядившись, туда, где танцуют,
Где флейты и скрипки поют про любовь,
Или торопится к тихому буку,
Где голос милого ей милее,
Чем флейты и скрипки.

ДОПОЛНЕНИЯ

К «ПЕЧАЛЯМ ЮНОСТИ»

Любовные песни

1. *Любовный привет*

На земле теперь живет
Воплощенье всех красот;
Не страшусь любых невзгод,
Лишь тебе б не знать забот.

Как луна твой взор блеснет,
Озаря небосвод,
А на щеченьках весь год
Роза алая цветет.

Твой едва раскрытый рот
Сразу жемчуг выдает,
Только грудь от льстивых од
Самоцвет свой бережет.

Дни и ночи напролет
О любви душа поет,
Чуть узрел я твой приход,
Воплощенье всех красот!

2. *Любовное сетование*

В полуночную годину
Изливаю я тоску,
Я счастливчика покину,
Не пойду к весельчаку.

Но, хоть горькими слезами
Заливаюсь я всю ночь,
Погасить мне в сердце пламя
Никаким слезам невмочь.

А ведь боек был доселе,
В разных играх был удал,

Рад был жить для славной цели
И страдания не знал.

Мнил весь мир единым садом
Полным радужных цветов,
И с фиалкой, с розой рядом
Я трудиться был готов.

Любовался я, как плавно
На лугу течет ручей,
А взглянул в него недавно –
Страшно бледности своей.

Стал я бледен, чуть предстала
Предо мной ее краса,
И, хоть боль меня терзала,
Упавал на чудеса.

У меня в душе царили
Тихих ангелов рои,
Но они, расправив крылья,
Унеслись в края свои.

Нынче очи мгла застлала,
Тень повисла над душой,
И в груди моей усталой
Слышу голос я чужой.

Боль чужая, злость чужая,
Изо всех терзают сил,
И, нутро мне поражая,
Закипает странный пыл.

И всему, что торжествуя
Пламя делает со мной,
Что недолго проживу я, –
Ты, любовь, одна виной.

3.Томление

В обнимку с девчонкой парнишка любой
Идет меж тенистых аллей,

А я все один, только сам с собой, –
Господь меня пожалей!

Туманится взор, и грущу оттого,
Что с девчонкой узрел паренька.
Хоть девушка есть у меня самого,
Дорога к ней далека.

Годами я жду ее, я изнемог,
Мне долго не протянуть.
Я посох возьму, соберу мешок
И двинусь в далекий путь.

Неспешно будут тянуться деньки,
Но приду я в огромный град,
Выросший в самом устье реки,
Туда, где три башни стоят.

Разом я там покончу с тоской,
И жизнь пойдет веселей,
И я в обнимку с моей дорогой
Пойду меж тенистых аллей.

4. Белый цветок

В родительском садочке рос
Цветочек, бледен и уныл,
Настала весна, прошел мороз,
Цветок, как прежде, уныл,
Цветок бледнее лиц
Болезненных девиц.

Мне цветик бледный в тишине
Шептал: сорви меня, брат.
А я отвечал: на что ты мне,
Срывать я тебя не рад,
Хочу сорвать в свой срок
Я аленький цветок.

А он мне: глупый человек,
Нигде наверняка
Не сыщешь, хоть ищи весь век,
Ты алого цветка,

Сорви меня, не спорь,
Нас породнила хворь.

И вняв мольбе упорной такой,
Рискнул я сорвать его вдруг,
И тяжесть с сердца сняло, как рукой,
И весь просветлел мой дух,
И раненая грудь
Сумела отдохнуть.

5. Предчувствие

На высотах, в звездном граде,
Приобщимся мы к отраде,
Что обещана была.

Лишь смертельный холод – средство
В этой жизни отогреться,
И дарует свет лишь мгла.

Романсы

1. Благодать

В одинокую часовню
К образу пречистой девы
Устремился бедный мальчик
И смиренно пал на землю.

О, мадонна, дай навеки
Здесь остаться на коленях,
Не гони меня отсюда
В мир холодный и греховный.

О, мадонна, светит солнце
Локонов твоих лучистых,
И уста твои, как розы,
Озаренные улыбкой.

О, мадонна, словно звезды
Мне глаза твои сияют,

И по ним дорогу ищет
Сбившийся с пути кораблик.

О, мадонна, без сомнений
Я пойду, куда прикажешь,
Веруя любви блаженной,
Лишь в твоём огне сгорая.

О, мадонна, ты мне внемли
Благосклонно, чудотворно,
И подай мне знак приязни,
Только тихий знак приязни.

О чудо, плодящее страх неумный!
Внезапно не стало часовни укромной,
И как поступить, мальчик в толк не возьмет –
У мира окрестного облик не тот.

Стоит удивленно он в красочном зале,
Лучи вокруг чела у мадонны пропали,
Пречистая девушкой стала простой,
Пленяющей нежностью и красотой.

И, глянь-ка, со светлой головки пречистой
Сама она локон берет золотистый,
И тихо небесные речи звучат:
Возьми себе лучшую из наград.

Что же верности опора?
Красок пестрое сиянье
Средь небесного простора?
Радуга ему названье.

Хоры ангелов запели
И крылами бьют в полете,
Льются сладостные трели –
Чище звуков не найдете.

Догадался мальчик: сила
Повлекла его святая,
А в стране, что поманила,
Мирт цветет не увядая.

2. Серенада мавра

Пусть бы дремлющей Зюлейме
 На сердце слеза скатилась,
 Чтобы нежное сердечко
 Обрело к Абдулу милость.

Пусть бы дремлющей Зюлейме
 Внять, как я вздохнул уныло,
 Чтобы светлую головку
 Страсть к Абдулу охватила.

Пусть бы дремлющей Зюлейме
 Кровью руки захлестнуло,
 Чтоб на этих нежных ручках
 Уцелела кровь Абдула.

Ах, от века боль безгласна,
 Ей не вымолвить ни слова,
 Только слезы, только вздохи,
 Только хлынуть кровь готова.

Сонеты и другие стихотворения

Венок сонетов А.В. фон Шлегелю

1

Сквернейший из червей – кинжал сомненья,
 Сквернейший яд – в себя утратить веру.
 Была судьба мне тягостна не в меру,
 Я был ростком, лишенным попеченья.

Ты разогнал зловещую химеру,
 Ты опекал росток из сожаленья,
 И должен ты принять благодаренья,
 Коль я расцвел по твоему примеру.

О, как бы хорошо с такой опорой
 Стать стройным деревом в саду, который
 Принадлежит тебя избравшей фее.

Мне нянька пела, что его аллеи
 Весь год полны звучанием весенним,
 Цветочным говором, древесным пеньем.

3

Тебе все мало твоего достатка,
 Клад нибелунгов взять тебе угодно,
 Ты подле Темзы бродишь не бесплодно,
 Тебе у Тахо рвать цветочки сладко,

Богатства Тибра ты берешь охотно
 И на богатства Сены сердце падко,
 Взирать на Брам у тебя повадка
 И жемчуга из Ганга брать свободно.

Кончай, скупец, с неутолимой жаждой
 И будь доволен, – столь богат не каждый,
 Стремись к растрате вместо накопленья.

И всем своим добром, что без натуги
 Ты подобрал на севере и юге,
 Обогати учеников стремленья.

Гофрату Георгу С. в Геттингене

Твои черты и облик величавы,
 Но добрый дух живет в могучем теле.
 Играют мышцы, очи заблестели,
 А речи примирительны и здравы.

Ты с кафедры коснулся доброй славы
 Различных стран, ты говорил о деле
 Правительств, ты напомнил о разделе
 Германии, ты знал людские нравы.

Ты навсегда во мне оставил след!
 В ходу лишь самолюбие и сила,
 И доброта твоя меня пленила.

Все, что в часы отеческих бесед
 Ты доверительно вложил мне в душу,
 Я никогда, наверно, не порушу.

Ж. Б. Р.

Отверзлась грудь от твоего привета,
 Пропали в сердце тягостные шоры,
 Я как на крыльях, и манят просторы,
 И проступает родины примета.

И в рейнских водах голубого цвета
 Отражены и города и горы,
 И, обратив на виноградник взоры,
 Вдруг вижу я, что солнцем гроздь согрета.

Побыть с тобой, дружком своим бесценным!
 Ведь ты поныне льнуть ко мне готов,
 Точь-в-точь как плющ к осыпавшимся стенам.

Побыть с тобой, вняв, как в былые годы,
 Твой голос, хоть и свищет реполов,
 И катит Рейн рокочущие воды.

Сонет-фреска Христиану 3.

8

Весь белый свет был для меня темницей,
 В которой я подвешен вверх ногами,
 Меня сжимали грубыми тисками
 И протыкали раскаленной спицей.

От боли я не мог угомониться,
 Кровь изо рта и глаз текла ручьями,
 И при случайной встрече с палачами
 Добила, наконец, меня девица.

И, любопытствуя, она глядела,
 Как в судорогах извивал я тело,
 А высохший язык свисал устало,

И слушала, как сердце трепетало.
 Предсмертный храп мой услаждал ей ухо.
 Она смеялась едко, зло и сухо.

*Ночь на Скале дракона
Фрицу фон Б.*

К полуночи у крепости мы были
И подожгли иссохших веток ворох.
Ночь у костра промчалась в разговорах,
Мы рассуждали о немецкой силе.

Рейнвейну подливали из бутылки
И слушали плывущий с башни шорох,
Слетались тени рыцарей при шпорах,
И привиденья женские парили.

Глубокий вздох вздымался из развалин,
Совиный вой во мраке был печален,
И ветер налетал невесть откуда.

Мой друг, среди бряцания и звона,
Провел всю ночь я на Скале дракона,
А в результате – кашель и простуда.

Фрицу Ш.(В альбом)

Легко прохвостам, худо людям честным,
Не тихий жар сегодня чтут, а пламя,
Не миртами пленяясь, – тополями,
Открывшими себя ветрам безвестным.

Напрасно, друг мой, ты считаешь лестным
Вспахать Парнас упорными трудами,
Пора, чтобы обещанного нами
Мир ожидал с почтеньем повсеместным.

Как на арене бык, ходи в атаки,
Заваривай критические драки
И громко о себе труби над миром.

Взывай, но не к потомкам, а к подонкам,
Залог преуспеванья в треске звонком, –
И будешь ты галеркиным кумиром.

Францу фон Ц.

Звезда-северянка зовет меня в путь,
 Прощай, мой брат, меня не забудь!
 Отдай поэзии все дни,
 Невесте верность сохрани,
 Спрячь в сердце клад, что и впрямь велик –
 Немецкий дивный наш язык.
 А если прибудешь в северный край,
 Вслушайся чутко в северный край;
 Слушай, как издали звон плывет
 Над неоглядностью праздных вод,
 Быть может, столкнешься ты с голоском,
 Который сызмала знаком,
 Тогда по струнам ударь от души
 И все хорошее расскажи:
 Как жизнь у тебя самого идет,
 Как жизнь моих добрых друзей идет,
 И как идет ныне жизнь у той,
 Что многих порадовала красотой, –
 А многие пламенем пышут досель, –
 Цветущей розы рейнских земель!
 О родине также подай мне весть:
 Что верность в любви там по-прежнему есть,
 Что в Германии жив старик Господь
 И удастся зло побороть.
 И если случится песне твоей,
 Полной таких чудесных вестей,
 Пройти над волнами к дальней стране,
 Радостно станет на севере мне.

Наставление

С пчелкой ведет мать речь:
 «Надо беречься свеч!»
 Но ведь, что мать рекла,
 В толк не берет пчела.

К свету влечет душа,
 Вот и летит, жужжа,
 Хоть и окликнет мать,
 Где там пчеле понять!

Смолоду крови ток
Сразу к огню повлек,
Кинул к огню опять,
Где тут пчеле понять!

Лезет в огонь пчела,
Вот и сгорит дотла, –
Девки – огню под стать,
Надо, сынок, понять.

Сон и жизнь

Пылающим днем распаялся мой дух,
Я с болью своей слонялся вокруг,
А ночь подошла, улизнул я во мглу
К раскрывшейся розе в укромном углу.

Я к ней подступил, не сказав ни слова,
Разве что слезы стекали с лица,
В чашечку розы бросил я взгляд,
А там огоньки, мерцают, горят.

И я восхищенный заснул под кустом,
А он мне наваял игривый сон,
На юную девушку дал мне взглянуть
Прикрывшую розовой кофточкой грудь.

Дала она прелесть из золота мне,
И в дом золотой я вошел в тишине,
А в доме скопление дивных химер
Вертелось на самый изящный манер.

Двенадцать танцоров составили круг,
И все было им отдохнуть недосуг,
Чуть только приспест им танец кончать,
Они начинают сначала опять.

И музыкой танца мне в уши зудят:
Пленительный мир не воротишь назад,
Вся твоя жизнь была только сон,
И миг сей – лишь сон про этот сон.

Но кончился сон, озарился простор,
Вновь бросил на розу я радостный взор,
Но вместо мерцающего огонька
Я в чашечке розы увидел жука.

Ей

Из ран моих сердечных ярче мака
Растут цветы, я соберу их ныне
В букет и подарю моей богине,
Тебе, прекрасной, свету среди мрака.

Ты слушай песню о моей судьбине;
Невыносимо умирать, однако,
Коль о любви мне не оставит знака, —
Живи и помни о моей кончине!

Ты только не жалея меня нимало;
Мои страданья зависти достойны,
Коль у меня ты в сердце обитала.

Мне снова доля суждена святая:
Радеть, чтоб стали дни твои спокойны,
Вокруг тебя, как добрый дух, витая.

К «ЛИРИЧЕСКОЙ ИНТЕРМЕДИИ»

1

Сольемся в объятье смелом, —
Твержу я подружке своей, —
Руками, ногами и телом
Плотнее меня обвей.

*

Опутан мощью властной,
Обвит и забран в полон
Самой средь змей прекрасной
Счастливейший Лаокоон.

2

Не верю я в свет небесный,
В поповские словеса,

Только в глаза твои верю, —
Вот мои небеса.

Не верю в господа бога,
В поповские словеса,
В сердце твое я верю.
Откуда бы бог взялся?

Не верю в адское пекло,
Где черти спалят дотла.
Верю в глаза твои злые
И в сердце, полное зла.

3

Гоже ль звездам с небосклона
Милой не послать поклона?
Я, скажите, стал бледней,
Стал больным, но верен ей.

4

Забуду я едва ли:
Была ты хороша,
И мне принадлежали
И тело и душа.

Коли осталось бы тело
В объятиях моих,
Пусть бы душа отлетела —
Хватит моей на двоих.

Моей души половина —
Твоя, если мы вдвоем;
Мы тело с душой воедино
В нежном объятье сольем.

5

Дружбу, мудрость и любовь
Все мы хвалим вновь и вновь;
Я обшарил целый свет
И, увы, нигде их нет.

К «ВОЗВРАЩЕНИЮ»

1

В облаках висит луна
Исполинским апельсином;
Золотая полоса
Блещет на море пустынном.

Я слежу за бегом волн,
Плещущих, друг с другом споря,
Внемлю сладостным речам,
Сладостным речам из моря.

Ах, как долго длится ночь,
Не узнать мне нынче сердца...
Водяницы, вам бы петь,
В хороводе бы вертеться!

Вам бы тело взять мое,
Душу взять мою живую!
Всю до капли жизнь мою
Дайте выпить поцелую!

2

В облаках, как в облаченье,
Боги спят на небосводе;
Раздается храп могучий,
Приводящий к непогоде.

Непогода! Буря в гневе
Правит суд над бедным судном, —
Кто взнуздает ветер буйный,
Сладит с морем безрассудным?

А коль нам не сладить с бурей,
Что качает мачту злобно,
Завернусь я в плащ широкий
И засну, богам подобно.

3

Позвольте, барышня, мирно вздремнуть
Мне, сыну Аполлона,
На лебединую вашу грудь
Главу склонив утомленно.

«Как, сударь мой, в подобном роде
Посмели говорить вы при народе?»

4

Где, с твоей холодной кровью,
Уцелел союз бы наш,
Коль, захлестнутый любовью,
Я веду чрез горный кряж.

А тебе и в страсти нужен
Тракт, и цель обретена:
Шествуешь под ручку с мужем
Ты, брюхатая жена.

5

Ты до крови в губы лобзала меня,
Лобзаньем лечи их теперь,
А если на это не хватит дня,
Так мне не к спеху, поверь.

Еще у тебя есть целая ночь,
Мой ангел, моя благодать!
Найдется же время за целую ночь
Лобзать и блаженство вкушать.

6

Едва меня вы заключили в объятия,
Достигла душа моя горнего рая.
Естественно, дал ей туда воспарять я,
Нектар с ваших губ между тем собирая.

7

При лобзаннях ложь уместна,
Здесь притворству всякий рад!
Ах, обманывать – прелестно!
Быть обманутым – стократ!

Если ты сперва упрешься,
Разрешешь потом вдвойне:
Верю я, коль ты клянешься,
И клянусь, коль веришь мне!

8

Вот была бы благодать –
Укротить свой грешный пыл!
Но, коль с ним не совладать,
Я блаженство бы вкусил.

9

Меня, малышка, не срами,
Не кланяйся ты мне публично;
Мы за закрытыми дверьми
Столкуемся отлично.

10

Деловитая красотка
Рассудительно живет:
Дом набит, в хлеву порядок,
Обихожен огород.

От возделанной делянки
Здесь доходы велики,
Тут солому с молотилки
Берегут на тюфяки.

Только сердце, только губы
Здесь изволят пропадать,
И отнюдь не в полной мере
В дело пущена кровать.

К «ПУТЕШЕСТВИЮ ПО ГАРЦУ»

Пробудитесь, сны былые!
Сердце, раствори врата!
Песнь блаженства, плач печали
Нынче льются неспроста.

Я хочу плутать меж сосен,
Где ручей бежит с высот,
Где олень бредет надменно,
Где любимый дрозд поет.

Я хочу стоять на кручах,
Над обрывом, на ветру,
Где заря руины замка
Освещает поутру.

И, усевшись там тихонько,
Восхищенно помяну
И былые поколенья,
И седую старину.

Поросло бурьяном поле,
Где отважному в бою
Доводилось на турнире
Доблесть выказать свою.

И покрыла повилика
У красавицы балкон,
Был ее горящим взором
Победитель побежден.

Но обоих победила
Смерть, придя с косой в руках,
Этот рыцарь сухощавый
Всех повергнет нас во прах!

К «СЕВЕРНОМУ МОРИЮ»

К Циклу первому

12

(Продолжение)

О, если б такое ты выдумать мог,
 Чего бы ты не дал за это,
 Мой милый!
 Немощный плотью и духом
 И сильный одной лишь верой,
 Ты, не мудрствуя, считаешь трицу
 И по утрам лобызаешь крест,
 И мопса, и ручку высокой твоей патронессы.
 Святость твоя возвышает тебя,
 Сперва – надворный советник,
 Потом советник юстиции
 И, наконец, правительственный советник
 В богобоязненном городе,
 Где песок, и где вера цветет,
 И терпеливые воды священной Шпрее
 Моют души и чай разбавляют.

О, если б такое ты выдумать мог,
 Мой милый!
 Ты занял бы лучшее место на рынке;
 Глаза твои, сладкие и мигающие,
 Являли бы только покорность и благость;
 И высокопоставленная особа,
 Восхищенная и ублаженная,
 Молясь, опускалась бы вместе с тобой на колени,
 В ее очах, излучающих счастье,
 Ты читал бы к жалованию прибавку
 В сотню талеров прусских
 И, руки складывая, бормотал бы:
 «Хвала Иисусу Христу!»

К Циклу второму

Морская болезнь

Тяжелые вечерние тучи
 Нависают все ниже над морем,
 Темное море подымается им навстречу,
 И посредине мечется корабль.

Я сижу у мачты, истерзан морской болезнью,
 И размышляю о себе самом,
 Как размышлял еще в древности
 Патриарх Лот,
 Когда, изведав так много приятного,
 Он ощутил в душе угнетенность.
 Мне приходят на память старые истории:
 Крестоносные пилигримы,
 Плывя по бурному морю, целовали
 Спасительный образ пречистой девы,
 Больные рыцари в такие минуты
 Прижимали к губам любимую перчатку
 Любимой дамы – и сразу исцелялись, –
 А я сижу и тоскливо жую
 Старую селедку – горькое утешение
 В несладком похмелье.
 А корабль отчаянно бьется
 С дикой, кипящей пучиной;
 Опираясь на корму и ломая штурвал,
 Он становится на дыбы, как боевой конь,
 И летит вверх тормашками вниз,
 В водяную воющую пропасть.
 Потом он хочет прилечь,
 Как утомленный любовник,
 На черную грудь огромной волны,
 Но та шумит, и растет,
 И вдруг, как морской водопад,
 Низвергается белыми завитками
 И окатывает меня пеной.

Эта качка, круженье и тряска
 Невыносимы.
 Напрасно ищу я глазами

Немецкий берег. Увы! Одна лишь вода,
Повсюду вода, бушующая вода.

Как зимней ночью путник тоскует
По теплой приветливой чашке чаю,
Тоскует сердце мое по тебе,
Моя немецкая родина.
Пусть вечно плодит твоя добрая почва
Безумцев, гусаров, плохие стихи
И пустыньские трактатики;
Пусть вечно зебры твои
Питаются розами вместо чертополоха,
Пусть вечно твои родовитые обезьяны
Рядятся в шелка, раздуваясь от спеси,
И сами себе пусть кажутся лучше
Всех остальных терпеливых скотов;
Пусть вечно твои улитки
Думают, что останутся бессмертными,
Если будут двигаться медленно,
Пусть большинством голосов решают они,
Считать ли сырных червей за сыр,
Пусть рассуждают вечно,
Как благородства прибавить египетским овцам,
Чтобы улучшить их шерсть
И стричь, как стригут остальных,
Всех без различья.
Пусть вечно глупость и произвол
Тебя затопляют, Германия!

Я все равно по тебе тоскую,
По крайней мере, ты – твердая почва.

ПОСЛЕ «КНИГИ ПЕСЕН»

НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Новая весна 1830-1831

24

Меж нашими душами ныне
Священный союз возник.
Они припали друг к другу,
И найден общий язык.

Но, ах, молодая роза
Была у тебя на груди,
И вот союзница наша
Раздавлена почти.

28

О, ночные поцелуи
В непроглядной темноте, –
Переполнить счастьем душу
Поцелуи могут те!

И пойдут роиться мысли
От смятения в груди,
И о днях, что миновали,
И о тех, что впереди.

Только, взявшись целоваться,
Вредно размышлять всерьез.
Лучше попросту поплакать,
Ничего нет легче слез.

29

Жил был король когда-то,
Суров он был и сед.
Бедняга взял супругу
Моложе на много лет.

И жил был паж-красавец,
 Был белокур и прям душой,
 Носил он шлейф тяжелый
 За юной госпожой.

Слышал о них ты песню?
 В ней цвел восторг, цвела тоска!
 Пришлось умереть обоим,
 Так любовь их была велика.

30

Память моя удержала
 Виденья того, что истлело, —
 Чем же меня твой голос
 Вдруг захватил всецело?

Ты не клянись в любви!
 То, что нас поманило,
 Любовь и вешний восторг,
 Подстерегает могила.

Ты не клянись в любви!
 Целуй без проволочек,
 А поутру улыбнись,
 Если завял цветочек.

35

Не сочти, что с целым светом
 Изменяю, разлюбя,
 Коль метафоры в избытке
 Публикую в честь тебя.

Под надежным караулом
 Я в лесной глуши сокрыл
 И пылающую тайну,
 И подспудный, тайный пыл.

Ну, а искорку шальную
 Засветившуюся тут,
 Не слышавшие про пламя
 За поэзию сочтут.

Всякие 1832-1839*Серафина*

10

Девушка вздыхает у моря,
И люди говорят:
Такое вызвал горе
Солнечный закат.

Ах, милая девушка,
Не надо горевать:
Тут солнышко садится,
А там встает опять.

12

Про твой дурной поступок
Не стану болтать я людям,
Я разве что к морю поеду
И с рыбами зло мы обсудим.

И вот лишь на твердой почве
Честь твоя уцелела,
А по всему океану
Знают про черное дело.

Анжелика

4

Я ей закрыл глаза рукой,
Стал целовать в уста.
Она сочла, что шаг такой
Должно быть, неспроста.

И до утра, забыв покой,
Вопросом занята:
«Зачем, закрыв глаза рукой,
Ты целовал в уста?»

Но разрешить вопрос такой –
 Задача не проста.
 Я ей закрыл глаза рукой,
 Стал целовать в уста.

8

Терпи, – ты утолила страсть,
 Но я бы попросил –
 Недели три побудь со мной,
 Чтоб мне избыть свой пыл.

Коль мне возлюбленным не быть,
 Так другом назови:
 Приходит время дружбе там,
 Где больше нет любви.

Кларисса

1

На любые уговоры
 Отвечаешь ты отказом,
 А спрошу – Уйти мне, что ли? –
 Начинаешь плакать разом.

Не умею я молиться,
 Но помог бы ты девице,
 Боже! Пусть просохнут слезы
 И рассудок просветится.

2

Где гулять тебе случилось,
 Возникал и я повсюду.
 Хоть попал к тебе в немилость,
 Беззаветно верен буду.

До смиренных нет мне дела,
 Ты меня пленила злобой!
 Чтобы ты мне надоела,
 Полюбить меня попробуй.

Юланта и Мария

1

Эти дамы понимают,
Как воздать поэту честь.
Я и мой бессмертный гений
Нынче званы к ним поесть.

Угощают дивным супом,
Наливают нам вина,
Славно заяц нашпигован,
Птица тоже недурна.

Речь зашла о стихотворстве,
Гений мой у дам в чести,
Я поел, – пора настала
Благодарность принести.

2

В которую из двух влюбиться,
Когда к обеим льнет душа?
И дочь полна очарованья,
И мать поныне хороша.

Сулит блаженство стан девичий,
Сводя немедленно с ума,
Но и понятливая дама
Порой заманчива весьма.

И утешения не знает
Душа, как некогда осел
Не знал меж двух охапок сена,
С какой начать бы предпочел.

3

Все выпито. Ужин окончился наш.
Изрядно хлебнули вина мы.
Задорно глядят, распуская корсаж,
Мои захмелевшие дамы.

Роскошные груди и плечи у них, –
 От страха мне холодно стало.
 А дамы в постель забираются вмиг
 И прячутся под одеяло.

И обе красавицы сладостно так
 Одна за другой захрапели,
 А я, озираясь, стою, как дурак,
 У полога пышной постели.

Катарина

5

Люблю твое нагое тело,
 Люблю от мест укромных самых
 До глаз пылающе-огромных
 И черных локонов упрямых.

Везде, где быть мне доводилось,
 Искал я женщин в этом стиле,
 Да и мой-то ведь заслуги
 Такие именно ценили.

Во мне ты обрела мужчину
 Себе под стать. Меня сначала
 Ты осчастливишь пылкой страстью,
 Потом изменишь, как бывало.

Китти

6

Китти вянет! Эти щеки
 С каждым днем теперь бледней.
 И перед ее кончиной
 Я расстаться должен с ней.

Китти вянет! Вечной ночи
 Неизбежный близок час,
 И она об этом знает,
 Но заботится о нас.

И велит, чтоб те чулки я
 Будущей носил зимой,
 Что из самой теплой шерсти
 Ею связаны самой.

Тангейзер

1

О, христиане! Не дайте себя
 Опутать бесовской силе!
 Я вам о Тангейзере песню пою,
 Чтоб души вы не губили.

Рыцарь Тангейзер радость искал,
 Любовью он наслаждался.
 Он грот Венеры сыскал в горах
 И там семь лет оставался.

«Венера, госпожа моя,
 Будь счастлива долгие годы,
 Я больше гостить у тебя не хочу,
 Я нынче хочу свободы».

«Тангейзер благородный мой,
 Ты что-то целуешь вяло,
 Целуй покрепче и говори –
 Чего тебе здесь не хватало?»

Не каждый ли день сладчайшим вином
 Тебя я, скажи, угощала?
 Не каждый ли день венами из роз
 Твое чело я венчала?»

«Венера, госпожа моя,
 Меня не переспоришь.
 Постыла сладость вина и ласк,
 Вкусить я жажду горечь.

К тебе я пришел – шутить и чудить,
 Прощаюсь – рыдать готовый,
 Я вместо венка из душистых роз
 Надел бы венец терновый».

«Тангейзер благородный мой,
 Нельзя ли без скандала?
 Ты вспомни: меня не оставить вовек
 Ты клятвы давал, бывало.

Пошли бы мы лучше в укромный покой,
 Былой отдались бы страсти,
 И бело-лилейное тело мое
 Тебе возвратило счастье».

«Венера, госпожа моя,
 Прекрасной хранят тебя боги,
 Ты нравилась многим в былые года
 И будешь нравиться многим.

Немало богов и немало людей
 Владело тобой, вероятно;
 На бело-лилейное тело твое
 Мне даже глядеть неприятно.

На бело-лилейное тело твое
 Я в страхе гляжу и в смятенье,
 Когда вспоминаю, что многим еще
 Оно принесет наслажденье».

«Тангейзер благородный мой,
 Умерь-ка гнев свой малость,
 Ты лучше просто меня прибай,
 Как это прежде случалось.

Ты лучше просто меня прибай, –
 Обидой считать не стану.
 Но ты – жестокий христианин,
 Ты сердцу наносишь рану.

Должна я за то, что тебя люблю,
 Терпеть подобную пытку!
 Прощай, Ты можешь идти. Я сама
 Тебе отворю калитку».

А в Риме, а в Риме, во граде святом,
Праздничный благовест ныне.
Церковное шествие к храму плывет
И папа посредине.

Это набожный папа Урбан,
На нем тройная корона,
Пурпурной мантии длинный шлейф
Несут четыре барона.

«Святейший отец наш, папа Урбан,
Уйти ты не сможешь отсюда,
Пока покаянье не примешь мое,
Покуда спасен я не буду!»

Народ, расступаясь, отходит назад,
Смолкает церковное пенье,
Но кто он – измученный пилигрим,
Пред папой склонивший колени?

«Святейший отец наш, папа Урбан,
Вязать и решать в твоей власти,
От адского пекла меня защити,
Спаси меня от напасти.

Рыцарь Тангейзер звали меня,
Любовью я наслаждался,
Я грот Венеры сыскал в горах
И там на семь лет остался.

Прекрасней Венеры женщины нет,
В мире не сыщешь лучше;
Как солнечный свет и цветов аромат,
Голос ее певучий.

Как мотылек летит к цветку
И к чаше припадает,
Моя смятенная душа
У губ ее порхает.

В черных кудрях ее голова,
Гордая, как изваянье.
Глядят на тебя большие глаза,
Захватывает дыханье.

Глядят на тебя большие глаза –
И ты в цепях до могилы.
Мне очень трудно было уйти,
Но я нашел в себе силы.

Я спасся, ушел оттуда с трудом,
Теперь боюсь оглянуться:
Всегда и повсюду я вижу ее
И слышу: «Ты должен вернуться!»

Как призрак бездомный, скитаюсь я днем
И жить начинаю лишь ночью.
Мне снится она. Я вижу ее.
Я вижу ее воочию.

Задорно и звонко смеется она,
Белые зубы сверкают;
Едва припомню я этот смех,
Слезы к глазам подступают.

Ее я люблю всей силой души,
И сердцу перечить не надо, –
Когда низвергается горный поток,
Ничем не сдержать водопада.

Скача по утесам он вниз унесет
Шум, грохот, рыданье и пенье,
Он тысячу раз себе шею свернет,
Но он не замедлит паденье.

Если бы небом я обладал,
Той, кто мне всех дороже,
Я отдал бы солнце, отдал луну,
И звезды отдал бы тоже.

Ее я люблю всей силой души,
Любовь сожгла мое тело.

Не адский ли это уже огонь,
Которому нет предела?

Святейший отец наш, папа Урбан,
Вязать и решать в твоей власти,
От адского пекла меня защиты,
Спаси меня от напасти».

Но папа скорбно руки воздел
И произнес сурово:
«Тангейзер, несчастный ты человек,
Бессильно святое слово.

Черт, нареченный Венерой, страшней,
Чем прочих чертей когорта.
Церковь не властна тебя спасти
От прелестей этого черта.

За радости плоти своей душой
Тебе поплатиться надо.
Несчастный, ты проклят, ты приговорен
Навеки к пламени ада».

3

Рыцарь Тангейзер обратно идет,
И ноги разбив до крови,
За полночь входит в Венерин грот,
Который ему не внове.

Богиню Венеру оставил сон,
Она вскочила с кровати,
Чтобы любимого своего
Скорее принять в объятья.

Носом кровь у нее пошла,
Слезы хлынули сами,
Она залила ему лицо
Кровью и слезами.

Рыцарь улегся себе в постель,
Не проронив ни слова,

Богиня пошла готовить суп
Для друга дорогого.

Супа дала, хлеба дала,
Ноги ему омыла,
Кудри ему расчесала она, –
Очень ей весело было!

«Тангейзер благородный мой,
Давно ты со мной расстался.
Поведай, в каких ты странах плутал,
Где так долго шатался?»

«Венера, госпожа моя,
Я пребывал за границей.
Дела меня в Риме держали, но я
К тебе спешил воротиться.

Рим стоит на семи холмах,
Меж ними Тибр протекает.
Я в Риме папу повидал,
Тебе он поклон посылает.

Я во Флоренцию заглянул,
Зашел в Милан по дороге,
И запросто преодолел
Швейцарские отроги.

Когда же достиг Альпийских гор,
Снежинки кружиться стали,
Озера улыбались мне,
Орлы надо мной клекотали.

На Сен-Готарде услышал я храп –
Дремала Германия сладко.
Три дюжины добрых ее королей
Стояли на страже порядка.

Я в Швабии школу поэтов нашел,
Детишки – ну просто прелесть:
На них колпаки с бубенцами на всех,
И все на горшочках уселись.

Во Франкфурт к шабесу я подоспел,
Отведал клецки и шалет.
Ваша религия лучше других,
Гусиные шкварки все хвалят.

А в Дрездене видел я старого пса.
Он прежде умел отличиться.
Но выпали зубы теперь у него,
Он стал лишь брехать да мочиться.

А в Веймаре – муз овдовевших приют.
Мне грустные песни там пели.
Там плачут и плачутся: Гете в гробу,
А Эккерман жив доселе.

Я в Потсдаме слышал отчаянный крик.
Откуда бы возгласы эти?
Да это в Берлине наш Ганс, он решил
Читать о текущем столетье.

Зато в Геттингене наука цветет,
Хотя плодов незаметно,
Я город осматривал в темную ночь.
Она была беспросветна.

А в Целле в тюрьму сажают одних
Ганноверцев. Немцы, мы жалки!
Нет у нас общегерманской тюрьмы
И общегерманской палки.

Спрашивал в Гамбурге, – почему
Улицы там провоняли?
По мнению евреев и христиан
Воняет тина в канале.

В Гамбурге, хоть он сам и хорош,
Народу хватает худого.
Я, побывав на бирже, счел,
Что в Целле побыл снова.

Еще я в Альтону там забрел, –
Вот это дивное место.

После когда-нибудь расскажу
 Все, что о нем мне известно.

Романсы 1839-1842

7. Anno 1829

О, чтобы мог я умереть,
 Большое поле дайте мне!
 Не дайте задохнуться здесь,
 В скупой торгашеской стране!

Жрут за двоих, пьют за двоих,
 И каждый счастлив, точно крот.
 Великодушие у них –
 Как дырка в кружке для сирот.

Такой воткнет сигару в рот,
 В карман засунет свой кулак,
 У них желудки варят власть,
 Да их переварить-то как?

Со всех концов земли сюда
 Торговцы пряности везут,
 Но прелым духом рыбьих душ
 Благоухает воздух тут.

Пускай гнездится здесь порок,
 Разбой кровавый пусть царит,
 Но не отъевшаяся честь
 И добродетельный кредит.

Ты, тучка, мне из этих мест
 Уйти навек должна помочь,
 В Лапландию или в Судан,
 Хоть в Данциг, - но отсюда прочь!

Возьми с собой! – она глуха...
 Хватает у нее ума!
 Паря над городом таким,
 Она торопится сама.

16. Незнакомка

Каждый день спешу я встретить
Златокудрую красотку
В Тюильрийском старом парке
Под каштанами большими.

Каждый день она гуляет,
А за ней две старых дамы...
Это тетки? Или это
Два драгуна в дамских юбках?

Ах, никто не знает толком,
Кто она! О ней повсюду
Я расспрашивал, но тщетно...
И теперь любовью болен.

Как напуган я усами
Двух ее суровых спутниц,
Но еще сильнее, пожалуй,
Сердца своего пугаюсь.

Я сказать не смею слова,
С ней встречаясь ежедневно,
Я едва решаюсь взглядом
Намекнуть ей, что сгораю.

Лишь сегодня мне сказали,
Что ее зовут Лаурой,
Как и ту, кого в Провансе
Полюбил поэт великий.

Ты – Лаура! Это, значит,
Я не хуже, чем Петрарка,
Честь воздавший милой даме
И в канцонах и в сонетах.

О, Лаура! Как Петрарка,
Я склоняю это имя
В платоническом восторге...
Дальше не зашел и он.

СОВРЕМЕННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

8. Вырождение

Сама природа неужели
Людских пороков набралась?
Как лгут растения и звери!
Не хуже всякого из нас.

Не верю в чистую лилею,
Я вижу франта-мотылька,
Целует, льнет, кружит над нею,
И честь девичья далека.

Фиалка вправе ли ночная
Твердить о скромности своей?
Она манит, благоухая,
И похвалы приятны ей.

А соловей? У серой птички
Живого чувства нет ужель?
Она тоскует по привычке,
И машинально льется трель.

О, правды нет отныне с нами.
Пропала верность в наши дни.
Лишь псы смердят, вертя хвостами,
Но изменяют и они.

11. Тенденция

Бард немецкий, славь свободу!
Песню нам сегодня пой,
Чтоб сердцами овладела,
Чтоб могла поднять на дело,
Марсельезой стать народу.

Не воркуй, как Вертер сирый,
Что для Лотты жил одной,
Послужи народу свято,
Грянь предвестником набата,
Грянь кинжалом, грянь секирой.

Предоставь пискливой флейте
 Сладкий воспевать покой.
 Кто поэт, пусть барабанит,
 Пушкин станет, горном грянет!
 Громычайте! Дуйте! Бейте!

Бей, греми, не знай сомнений,
 Коль пошел с тираном бой.
 Будь таким. Труби без фальши.
 Только будь как можно дальше
 От конкретных выражений.

17. Китайский император

Чудили трезвенники встарь,
 Отец мой не пил сроду,
 Но я – великий государь,
 И водку пью как воду.

Какой напиток! Ей-же-ей
 Чудесней нет на свете!
 Хлебну я водочки своей,
 И глядь – Китай в расцвете.

В срединном царстве, вижу я,
 Блаженствует округа.
 Я сам мужчиной стал – моя
 Беременна супруга.

Кругом достаток, нет больных,
 Они здоровы, право.
 Глава философов моих –
 Конфуций мыслит здраво.

Вкусней ореховых конфет
 Стал наш сухарь солдатский,
 Наш голодранец в шелк одет
 Выходит прогуляться.

Пускай хромает голова
 Иного мандарина,
 В нем сила прежняя жива
 И доблесть дворянина.

Сумел я пагоду возвесть –
 Щит веры, символ трона.
 Евреям, окрещенным здесь,
 Я орден дал Дракона.

Мятежный дух исчез совсем.
 Кричат маньчжуры дружно:
 «Нам конституция зачем?
 Нам палку, палку нужно!»

Стремясь умерить страсть к питью,
 Мои врачи неправы,
 И я, как прежде, водку пью
 Для блага всей державы.

Еще стакан, еще стакан,
 Как сладко! – точно манна.
 Я пьян, народ мой тоже пьян
 И рад кричать: «Осанна!»

22. Просветление

Михель, разве не упали
 Шоры с глаз? Не так ты глуп,
 И смекаешь, что украли
 Из под носа дивный суп.

А за скудные денечки
 Дождись, мол, наград
 Там, где счастье ангелочки
 И без мяса смастерят.

Михель, вера ослабела
 Или вырос аппетит?
 Кубок жизни взял ты смело,
 Песнь язычника гремит!

Лопай, Михель, через силу,
 Брюхо тешь, покуда цел, –
 А уляжешься в могилу,
 Переваришь то, что съел.

Гимн

Я – меч! Я – пламя!

Я светил вам во тьме, а когда начался бой, я сражался впереди, в первом ряду.

Вокруг меня мои убитые товарищи, но мы победили. Мы победили, но вокруг меня мои убитые товарищи. В торжественных песнях победы слышны погребальные хоралы. Но у нас нет времени ни для радости, ни для горя. Снова бьют барабаны, впереди новый бой.

Я – меч! Я – пламя!

К политическому поэту

Поешь, как пел Тиртей, в борьбе
Пылавший беспримерно.
Ты только публику себе
Да время выбрал скверно.

А, впрочем, слушать каждый рад
И восхваляют вечно:
Сколь благороден мысли склад,
Сколь форма безупречна!

Они успех отметят твой
И, водкой разогреты,
Подтянут песни боевой
Отдельные куплеты.

В харчевне раб не прочь попеть
Под вечер о свободе, –
Так легче переваришь снесь
И пить приятней вроде.

Силезские ткачи

Не застит слеза угрюмый взгляд.
Они за станками, сжав зубы, стоят:

Германия, саван тебе мы шьем,
Тройное проклятье шлем тебе в нем.
Шьем саван, шьем саван!

Будь проклят бог! Ему мы молились,
Чтоб голод прошел, холода прекратились.
Напрасно надеялись, ждали не впрок,
Дразнил, надувал нас, дурачил нас бог.
Шьем саван, шьем саван!

Будь проклят король! Он друг наживалам.
В беде пособить вовек не желал он.
Последний грош отобрал опять,
А нас посулил, как псов расстрелять.
Шьем саван, шьем саван!

Будь проклята лживая родина! – Яма
Стыда и позора, бесчестья и срама,
Где вянет цветок, едва распустясь,
Где только червей кормят затхлость и грязь.
Шьем саван, шьем саван!

Снует челнок, грохочут машины.
И днем и ночью мы горбим спины.
Германия старая, саван мы шьем,
Тройное проклятье шлем тебе в нем.
Шьем саван, шьем саван!

АТТА ТРОЛЬ

Сон в летнюю ночь

Оставив шатер белоснежный свой,
Выходит князь мавров на смертный бой;
Так сумрачный месяц плывет порой,
Не прячась за облачной белой грядой.

Фрейлиграт. «Мавританский князь»

Предисловие

«Атта Троль» был написан поздней осенью 1841 года и частично напечатан в «Мире изящного», который тогда сызнова принялся редактировать мой друг Генрих Лаубе. Содержанию и слогу поэмы надлежало сообразовываться с прирученностью этого журнала; сперва я сочинил главы, которые можно было печатать, но даже они многократно переправлялись. Я лелеял надежду завершить поэму и опубликовать ее целиком, но этим похвальным намерением дело ограничилось, и «Атта Троль», подобно всем великим немецким творениям, подобно Кёльнскому собору, божеству Шеллинга, прусской конституции и т. д., тоже не был завершен. В таком незавершенном виде, самую малость его прибав и сладив, я и представляю его сегодня публике, повинуюсь необходимости, никак не внутренней.

«Атта Троль», как было сказано, написан поздней осенью 1841 года, в пору, когда еще бушевал великий мятеж, объединивший против меня недругов всех мастей. Вот это был мятеж! Я никогда не предполагал, что гнилые яблоки произрастают в Германии в таком множестве, в каком они летели тогда мне в голову! Наша родина — земля благословенная; конечно, ни лимоны, ни апельсины на ней не растут, да и лаврам трудно не захиреть на немецкой почве, но уж гнилых яблок у нас, по счастью, всегда полным-полно, и все наши великие поэты могли бы об этом порассказать. При мятеже мне надлежало потерять и корону, и голову, но я уберег и то, и другое, а вздорные

обвинения, которыми науськивали на меня простонародье, вскоре самым убогим образом выдохлись, так что мне не понадобилось даже снисходить до опровержений. Меня оправдало время, и многое в этом отношении сделали для меня также почтенные немецкие правительства, что я с благодарностью отмечаю. Распоряжения о немедленном задержании, вожделенно ожидающие возвращения поэта на каждой станции за немецкой границей, надлежащим образом подтверждаются каждый год, как раз в сочельник, когда на елках искрятся приветливые свеченки. Столь ненадежные дороги почти отбили у меня охоту ехать в Германию, я праздную сочельник на чужбине и на чужбине, в изгнании, завершу свои дни. А безупречные борцы за правду и свет, винившие меня в недостатке стойкости и раболепстве, тем временем в полной безопасности передвигаются по родной земле как щедро оплачиваемые государственные служащие, или сановники различных корпораций, или завсегдаги клуба, в котором они с истинным патриотизмом каждый вечер подкрепляются вином отца нашего Рейна и устрицами окруженной морями Шлезвиг-Гольштинии.

Я умышленно указываю, в какое именно время написан «Атта Троль». Тогда процветала так называемая политическая поэзия. Оппозиция, как подметил Руге, продала свою шкуру и поддалась в поэзию. Музам было строго предписано не ветренничать и не бить баклуши, а служить родине, то ли став маркитантками свободы, то ли принявшись за стирку грязного белья христианско-германской нации. В отечественной дубраве бардов витал тот неопределенный и бесплодный пафос, тот никчемный и туманный энтузиазм, который, очертя голову, бросается в океан общих мест и всегда напоминает мне американского матроса, столь бурно поклонявшегося генералу Джексону, что однажды, взобравшись на мачту, он бросился в море с возгласом: «Я умираю за генерала Джексона!». И хоть у нас, немцев, не было еще флота, не счесть у нас было вдохновенных матросов, умиравших за генерала Джексона в стихах и в прозе. Иметь талант было в ту пору весьма

рискованно, это давало повод заподозрить в бесхарактерности. Ревнивая импотентность обнаружила наконец после тысячелетних поисков мощное оружие против бесшабашности гения; она изобрела противоположность таланта и характера. Толпе было весьма лестно услышать, что хоть честные люди, как правило, конечно, довольно плохие музыканты, но хорошие музыканты обыкновенно не такие уж честные люди, хотя важнее всего на свете честность, а вовсе не музыка. Пустая голова по праву кичилась теперь переполненным сердцем, и козырем стали убеждения. Я помню одного тогдашнего писателя, особенно гордившегося тем, что он не умеет писать; за свой дубовый стиль он удостоился почетного серебряного кубка.

Клянусь вечными богами, в ту пору неотъемлемые права духа, и особенно поэзии, нуждались в защите. А так как их защита — важнейшее дело всей моей жизни, я не стал отступать от него и в этой поэме, и тон ее, и сюжет — протест против плебисцитов, проводящихся нынешними трибунами. Да и впрямь уже первые появившиеся в печати куски «Атта Троля» вызвали раздражение у моих принципиальных героев, моих римлян, винивших меня не в одной лишь литературной, но и в общественной реакционности и даже в надругательстве над священной идеями идеалами человечества. Что до эстетических достоинств моей поэмы, то я и тогда их не защищал, и теперь не защищаю; я писал ее для собственного удовольствия и потому в своенравно-фантастической манере той романтической школы, в которой я провел лучшие годы молодости, а напоследок избил учителя. В этом отношении моя поэма, быть может, и нехороша. Но ты лжешь, Брут, и ты лжешь, Кассий, и ты, Азиний, тоже лжешь, заявляя, что я вышучиваю идеи, которые составляют драгоценнейшее достояние человечества и за которые я сам так часто сражался и страдал. Нет, именно потому, что эти идеи неизменно предстают поэту в прекрасной чистоте и величии, неукротимый хохот охватывает его, когда он видит, как бестолково, грубо и пошло понимают их узколобые современники. И он высмеивает напыленную на них медвежью шкуру. Есть до того кривые зеркала, что сам Аполлон

выглядит в них нелепо и вызывает смех. Но смеемся мы над карикатурой, а не над богом.

Еще два слова. Надо ли особо оговаривать, что пародия на стихи Фрейлиграта, порой шаловливо высовывающаяся из «Атта Троля» и образующая его комическую подоплеку, ни в какой мере не ставит себе целью опорочить этого поэта. Я высоко его ценю, особенно теперь, и считаю его одним из самых замечательных поэтов, появившихся в Германии со времен Июльской революции. Первый сборник его стихов попался мне на глаза поздно, как раз тогда, когда писался «Атта Троль». Должно быть, тогдашнее мое душевное состояние причина тому, что «Мавританский князь» меня позабавил. Впрочем, это произведение считается весьма удачным. Для читателей, его не знающих, — а такие могут сыскаться в Китае и в Японии, даже на Нигере и на Сенегале, — сообщу, что у мавританского вождя, в начале стихотворения выступающего из своего белого шатра подобно затемненной луне, есть того же цвета возлюбленная, на черный лик которой склоняются белые страусовые перья. Но воинственный вождь ее покидает, ввязывается в негритянское сражение, где гремит барабан, увешанный черепами, — и там, увы, находит свое черное Ватерлоо, а победители продают его белым. Эти тащат благородного африканца в Европу, и здесь мы находим его в трупке странствующего конного цирка; ему поручено бить во время представления в турецкий барабан. Угрюмый и важный, стоит он у входа в манеж и барабанит, размышляя тем временем о прежнем своем величии, размышляя о том, как некогда на дальнем, дальнем Нигере он был абсолютным самодержцем и охотился на львов и на тигров...

Слез не стыдясь, не жалея сил,
Он бил в барабан и шкуру пробил.

Писано в Париже в декабре 1846 года.

Георх Гейне.

Глава первая

За угрюмыми горами,
Достающими до неба,
Убаюканное шумом
Одичавших водопадов

Безмятежно спит в долине
Котере. Кругом домишки
Белые, а на балконах
Дамы весело смеются.

И смеясь взирают сверху
Вниз, на рыночную площадь,
Где медведица с медведем
Под волынку в пляс пустились.

Это Атта Троль с супругой,
Черной Муммой, здесь танцуют,
И восторга не скрывая,
Упиваются басконки.

Атта Троль, что гранд испанский,
Церемонно-благороден,
Но жене его мохнатой
Не хватает чувства меры.

Не канкан ли это, право,
Начинает мне казаться,—
Так она виляет задом,
Что и Grand'-Chaumière припомнишь.

Но почтеннейший вожатый,
На цепи ее держащий,
Обратил уже внимание
На безнравственную пляску.

Он развязную плясунью
По спине кнутом протянет,
И стенанья черной Муммы
В скалах повторяет эхо.

Этот доблестный вожатый
Шесть мадонн приладил к шляпе,
Чтобы голову от пули
И от вшей они хранили.

Прикрывая плечи пестрой
Напрестольной пеленой,
Он под ней, как под плащом,
Прячет нож и пистолеты.

Смолоду он был монахом,
Стал разбойным атаманом,
Совместил свои занятия
У дон Карлоса на службе.

А когда удрал дон Карлос
Вместе с рыцарством преславным,
Паладины большей частью
Принялись трудиться честно.

(Стал писателем Наглянский),
Ну а наш заступник веры
Атта Троля взял и Мумму
И медвежьим стал вожатым.

У него они танцуют
На базарах для народа,
И на рынке в Котере
Пляшет Атта Троль в цепях.

Атта Троль, в былые годы
Обитавший на высотах
Гордый властелин дубравы,
Нынче пляшет перед сбродом.

Нужно ради подлых денег
Танцевать тому, кто прежде,
Наводя повсюду ужас,
Ощущал свое величье.

И когда он вспомнит юность
И былую власть над лесом,

Скорбные, глухие звуки
Вырываются из сердца.

Мрачен он, как Фрейлигратов
Черный мавританский князь,
Тот был скверный барабанщик,
Этот столь же скверно пляшет,

Вызывая лишь насмешки
Вместо жалости. Жюльетта
Смотрит сверху и смеется
Над безрадостным скаканьем.

Как француженке, душевность
Ведь не свойственна Жюльетте.
Все тут внешнее, но внешность
Восхищает и чарует.

И в ее лучистых взорах,
Точно в неводе блестящем,
Наше сердце, как рыбешка,
Путается и трепещет.

Глава вторая

Мавританец Фрейлиграта
Колотил в свой барабан
Так настойчиво и пылко,
Что рвалась на части шкура.

Барабанный бой бабахал
В перепонках барабанных, —
А теперь вообразите
Сбросившего цепь медведя.

Музыка и гоготанье
Разом смолкли. Завопив,
Ринулся народ с базара,
И у дам пропал румянец.

Так негаданно-нежданно
Разорвал оковы рабства

Атта Троль. Помчал вприпрыжку
Он по тесным переулкам,—

Все учтиво сторонились, —
И забравшись ввысь, на скалы,
Бросил книзу взор глумливый
И пропал среди камней.

На базаре опустевшем
Оставались только Мумма
И вожатый. Он взъярился
И, на землю бросив шляпу,

Принялся топтать ногами
Шестерых мадонн, и полог
С тела пакостного скинул,
И все клял неблагодарность,

Черную неблагодарность!
Он-то ведь как с лучшим другом
Обходился с Атта Тролем,
Танцевать учил медведя!

Тот кругом ему обязан!
Даже жизнью! Не польстился
Сотней талеров разжиться
Он за шкуру Атта Троля!

На несчастной черной Мумме,
Что в отчаянье стояла
Между тем на задних лапах,
Умоляя о пощаде,

Злость он выместил, беднягу
Избивая, обзывая
Королевою Кристиной,
Доньей Муньос, потаскухой.

Это все происходило
В превосходный летний день,
И сменив его любовно,
Ночь была еще прелестней.

Простоял я половину
Этой ночи на балконе,
А Жюльетта, стоя рядом,
Все разглядывала звезды.

«Ах, — она вздыхала, — звезды —
Наилучшие в Париже.
Свет их зимними ночами
Там сверкает в каждой луже».

Глава третья

Сновиденье летней ночи, —
Песнь моя не знает цели,
Как любовь, как жизнь людская,
Как творец с его твореньем.

Вольной прихоти покорный,
Мчит галопом и взлетает,
Устремляясь в царство сказок,
Ненаглядный мой Пегас.

Ты не ломовая лошадь
Добродетели мещанской,
Не скакун партийных стычек,
Ржущий, топоча копытом.

У тебя, мой конь крылатый,
Золоченые подковы
И жемчужные поводья.
Я поводья отпускаю, —

Ты лети, куда желаешь,
По воздушным горным тропам,
Где грохочут водопады,
Бездны бредней предвещаая,

Ты лети к долинам тихим,
Ты лети к дубам премудрым,
Под сплетенными корнями
Там журчит родник былин.

Дай напиться мне и дай мне
 Оросить глаза, — я жажду
 Обрести живую воду,
 В ней прозренье, в ней познание.

Слепота прошла! Я вижу
 В самой глубине теснины
 Логовище Атта Троля,—
 Речь его вполне понятна.

Чудеса! Знаком отлично
 Мне язык его медвежий!
 Не в любимой ли отчизне
 Я внимал подобным звукам?

Глава четвертая

Ронсеваль, долина славы!
 Стоит про тебя услышать,
 Сызнова благоухает
 В сердце голубой цветок.

Сбросив сон тысячелетний,
 Возвращаются виденья
 И горящими глазами
 Смотрят, повергая в трепет.

Звон. Бряцанье. Битва франков
 С полчищами сарацинов.
 Весь в крови, вконец отчаясь,
 В рог трубит Роланд бесстрашный.

В той долине Ронсевальской,
 У Роландовой зарубки,—
 Именуемой так, ибо,
 Путь прокладывая франкам,

Храбрый рыцарь по утесу
 Благородным Дюрандалем
 Так хватил, что и поныне
 Виден след его удара,—

Там, где мрачное ущелье
Диким сльником одето,
От чужого взора спрятал
Атта Троль свою берлогу.

Там, в кругу своих домашних,
Отдохнуть теперь он может
От превратностей побега
И хлопот актерской жизни.

Сладкое свиданье! Детки
В старом логовище целы!
Здесь их с Муммой зачинали,
Четырех сынов, двух дочек.

Медве-девицы — блондинки,
Точно их отцом был пастор,
Сыновья — шатены. Черный
Только младший, одноухий.

Он особенно был дорог
Матери. Сдержат не в силах
Чувств родительских, сыночку
Маменька отгрызла ухо.

Этот парень — воплощенье
Гениальности гимнаста.
Он умеет кувыркаться,
Точно вождь гимнастов Масман.

Он воспитан в духе предков,
Обожает речь родную
И не стал зубрить жаргоны
Древних эллинов и римлян.

Сильный, стойкий, смирный, смелый,
Не выносит парень мыла —
Шика современных ванн,
Точно вождь гимнастов Масман.

Но всего он гениальней
Залезает на деревья,

Из глубокого ущелья
Тянущиеся вдоль кручи,

И восходит на вершину,
Где обычно все родные
Собираются под вечер
Поболтать с отцом семейства.

А старик не прочь поведать
Обо всем, что с ним случилось,
Где бывал, кого увидел
И какие вынес беды.

С благородным Лаэртидом
Только тем они различны,
Что медведь ходил по свету
Вместе с черной Пенелопой.

Атта Троль оповещает
Все семейство об успехе
Грандиозном, что снискал он
У людей как мастер танца.

Уверяет, что на рынках
Стар и млад ревут ликуя,
Коль идет он в пляс под звуки
Обольстительной волынки.

В этом первенствуют дамы,
Умудренные созданья,
Бурно бьют они в ладоши,
Томный взор ему бросают.

Есть в артистах фатоватость!
Ухмыляется медведь,
Вспомнив, как он представлял
Публике свои таланты.

Упиваясь прежней славой,
Подтвердить готов он делом,
Что не хвалится нисколько,
А и впрямь танцовщик знатный.

И на задние он лапы
 Подымается внезапно
 И, как некогда, танцует
 Свой гавот — коронный номер.

Ошарашенные, молча,
 Смотрят юные медведи
 На отцовское скаканье,
 Дивное в сиянье лунном.

Глава пятая

С горечью в душе зарылся
 Атта Троль в свою берлогу
 И, посасывая лапу,
 Размышляет и бормочет:

«Мумма, Мумма, черный жемчуг,
 Я тебя в житейском море
 Выудил, — в житейском море
 Ты пропала безвозвратно.

Не видать тебя мне больше,
 Разве что в загробном мире,
 Где, отринув шерсть земную,
 Самый дух твой просветлеет.

Ах, мне прежде бы хотелось
 Морду милой хоть разочек
 Полизать — она сладка,
 Словно медом кто обмазал.

Мне хотелось бы почуять
 Снова запах первозданный,
 Исходящий от любимой,—
 Нежный, словно запах розы.

Но, увы, в оковах Мумма
 У ничтожной, низкой твари,
 Что, назвавшись человеком,
 Мнит себя царем природы.

Смерть и дьявол! Человеки —
Это сверхаристократы.
На звериную державу
Свысока они взирают,

Мучат нас, в оковах держат,
Жен крадут, детей воруют,
Умерщвляют нас и наши
Шкуры продают и трупы.

И уверены при этом
В том, что быть несправедливым,
А особенно к медведям,
Это право человека.

Это право человека!
Кто вручил вам это право?
Естество не порождает
Неестественность такую.

Кто же мог присвоить людям
Эту прорву привилегий?
Полагаю, что не разум
Был настолько неразумен.

Может быть, вы, люди, лучше
Всех нас прочих тем, что пищу
Стали вы варить и жарить,
Мы же так и жрем сырое?

Но ведь результат конечный
Одинаков. Благородна
Не кормежка. Благороден
Тот, чьи благородны чувства.

Или тем вы, люди, лучше,
Что в искусстве и в науках
Вы всегда преуспевали?
Но и мы не лыком шиты.

Разве нет собак ученых?
Лошадей, считать гораздых,

Как банкиры? Разве заяц
Не примерный барабанщик?

Может быть, не отличились
В гидростатике бобры?
И не аиста заслуга
Появление клистира?

А ослы не рецензенты?
Обезьяны не актрисы?
Где отыщется мимистка
Даровитее мартышки?

Соловьи не вокалисты?
Фрейлиграт не песнопевец?
Кто воспел бы льва искусней,
Чем земляк его, верблюдов?

Я в балете не слабее,
Чем в литературе Раумер.
Лучше ли его писанья,
Чем мои медвежки пляски?

Или лучше всех вы прочих
Тем, что высоко задрали
Головы? Но в головах-то
Бродят низменные мысли.

Или, может быть, вы лучше
Всех нас прочих тем, что шкура
Гладкая у вас? Но это
Свойственно еще и змеям.

Род людской, род змей двуногих,
Вот зачем вы все надели
Брюки! Чтобы шерсть чужая
Голую змею прикрыла!

Дети, помните, опасны
Безволосые прохвосты!
Дочери, не доверяйте
Никому, кто носит брюки!».

Я рассказывать не стану,
 Как еще медведь развязный,
 Тешась равенством фальшивым,
 Человечество порочил.

Да и сам в конце концов я —
 Человек и не желаю
 Вторить рассказям нелепым,
 Где меня же и поносят.

Человек я и тем самым
 Лучше прочей всей скотины;
 Умалять я не намерен
 Значимость происхождения.

И со всей скотиной прочей
 Поведу я беззаветный
 Справедливый и священный
 Бой за право человека.

Глава шестая

Впрочем, было бы невредно,
 Если б человек, как высший
 Средь скотов, хоть раз послушал,
 Что в низах за разговоры.

Да, внизу, в глубоких недрах
 Общества, в угрюмых сферах,
 Среди самых жалких тварей
 Дышат горе, гордость, злоба.

Все, что нам дано от века,
 Все, что нам велит обычай,
 Все, что берегут законы, —
 Отвергают с наглым рылом.

Там отцы внушают детям
 Лженаучные доктрины,
 Норовящие культуру
 И гуманность уничтожить.

«Дети, — воеет Атта Троль,
Шумно ерзяя на ложе,
Не застеленном коврами,—
Дети! Нам владеть грядущим!

Если бы любой медведь,
Если б всякий зверь так думал,
Силой нашего единства
Мы низвергли бы тирана.

Если б конь контакт наладил
С диким вепрем, если б хобот
Слон решился свить по-братски
С рогом честного быка,

Выступай медведь, козел,
Обезьяна, волк и заяц
Хоть на миг единым фронтом,
Не уйдет от нас победа.

Единенье! Единенье!
В нем опора. В одиночку
Мы — рабы. Объединившись,
Мы сильнее всех тиранов,

Единенье! Единенье!
Положив конец господству
Монополии, построим
Справедливый мир зверей!

Станет основным законом
Равенство созданий божьих,
Будь у них любая вера,
Или шкура, или запах.

Всюду равенство! Осел
Сможет государством править.
А на мельницу с мешками
Льву не худо бы побегать.

В отношении собаки
Дело в том, что страсть к холуйству

В ней воспитывали люди,
Обходясь с ней, как с собакой.

Но она, вкусив свободу,
Наделенная былыми
Нерушимыми правами,
Живо станет благородной.

Сверх того, у нас евреи
Обретут права гражданства,
Наш закон дает им то же,
Что и всем другим животным.

Только танцы на базарах
Запрещаются евреям.
Сделать эту оговорку
Нужно из любви к искусству.

К сожаленью, чувство стиля,
Грация движений чужды
Этой расе, — бедный зритель
Из-за них калечит вкус».

Глава седьмая

У своих в берлоге мрачной
Скрылся враг людского рода
Атта Троль, рычащий злобно
И скрежещущий зубами:

«Люди, наглое отребье,
Уж недолго вам смеяться!
Нас от гнета и насмешек
День торжественный избавит.

Мне всего противней в людях
Эти складки возле пасти.
На слащавую улыбку
Не могу смотреть спокойно.

И едва на белой роже
Появляется гримаса,

У меня от раздраженья
Потроха и то трясутся.

Понахальной, чем их речи,
Эта вечная усмешка,
В ней как раз и вылезает
Человечья беспардонность.

Все смешки! Смеются даже
Там, где полную серьезность
Сохранять бы надлежало —
На любовном торжестве.

Все смешки! Они смеются,
Даже танцу предаваясь,
Оскверняя тем искусство,
Призванное быть святыней.

Да, в былое время танец
Был священным актом веры,
И у алтаря кружились
Хороводы духовенства.

Царь Давид пускался в пляс
Перед скинией завета.
Танец был служеньем богу!
Танец был молитвой ног!

Лишь таким и мыслил танец
Я, танцуя на базарах
Для народа, восхищенно
Колотившего в ладоши.

Мой успех, скрывать не стану,
Мне ласкал и тешил сердце,
Ибо вынудить признание
У врага — всегда приятно.

Но в пылу своих восторгов
Все равно они смеялись,
И само искусство танца
Вразумить их не могло».

Глава восьмая

Гражданин весьма почтенный
 Зачастую скверно пахнет,
 А лакей умеет амброй
 И лавандой надушиться.

Целомудренные души
 Отдают зеленым мылом,
 А распутство источает
 Запах розового масла.

И не надо, мой читатель,
 Морщить нос, коль не почуял
 Ты в берлоге Атта Троля
 Аравийских ароматов.

Посиди со мной в угрюмой
 И зловонной атмосфере,
 Где герой родному сыну
 Точно с облака глаголет:

«Отрок, отпрыск отчих чресел,
 Ты единственное ухо
 Двинь к родительскому рылу, —
 Разговор пойдет серьезный!

От людской манеры думать
 И душе, и телу порча;
 И хоть всех людей обследуй,
 Не видать людей приличных.

Даже лучшие из лучших,
 Сыновья Туискиона,
 Немцы, родственники наши,
 Начинают вырождаться.

Нет в них веры, нет в них бога,
 Призывают к атеизму, —
 Бдительность необходима
 С Бауэром и Фейербахом!

Ты не лезь хоть в атеисты!
Не медведь, в ком нет смиренья
Пред всевышним, — ведь всевышний —
Основатель мироздания!

Свет луны, сиянье солнца
И мерцанье звезд небесных
(И хвостатых, и бесхвостых) —
Отблеск силы всемогущей.

Твердь земли, пучина моря —
Эхо божьего величья.
Славу господу возносит
Каждое его творенье.

Даже вошка в серебристой
Бороде у пилигрима
С ним идет на богомолье
И хвалу возносит богу.

Есть вверху, на небе звездном,
Трон золотой, принадлежащий
Повелителю вселенной,
То есть белому медведю.

Мантия на нем надета
Белоснежная. Корона
Вся в алмазах, и по небу
Разлилось ее сиянье.

Лик его — благообразный
И безмолвный слепок мысли;
Чуть он скипетром помашет,
Пенье наполняет сферы.

А в ногах его медвежьи
Праведники, жизнь земную
Претерпевшие покорно,
С пальмой мученика в лапах.

Вдруг один из них подскочит,
А другой подпрыгнет следом, —

Сниззошел к ним дух господень,
И пошел победный танец —

Танец танцев. Божья милость
В нем нужнее, чем таланты,
И ликующие души
Рады выскочить из шкуры!

Недостойный Троль, смогу ли
Благодати приобщиться?
От земных печальных тягот
Перейду ли в мир блаженства?

Доведется ль, упиваясь,
Поплясать мне в нимбе, с пальмой,
Наверху, на небе звездном
У господнего престола?».

Глава девятая

Словно высунул из пасти
Свой язык багрово-красный
Разъяренный Фрейлигратов
Черный мавританский князь,

Вылез месяц из-за темных
Облаков. И водопады
Как всегда не дремлют ночью
И рокочут раздраженно.

Атта Троль влез на макушку
Одинокого утеса,
В одиночестве над бездной
Открывая душу ветру:

«Я — медведь, да, я — медведь,
Тот, кого вы Косолапый,
Изегрнм, Ворчун, Топтыш
И бог знает как зовете.

Я — медведь, да, я — медведь,
Да, я — грубая скотина,

Да, я — повод неуклюжий
Ваших шуток и улыбок.

Я — мишень для острословов,
Я — страшилище, которым
Ночью вы пугать привыкли
Шаловливого ребенка.

Я — потешный персонаж
Бабьих сказок, это я,
Это я кричу сегодня
Подлому людскому миру:

Знайте, я — медведь, и этим,
Не стыдясь происхождения,
Горд, как будто я потомок
Моисея Мендельсона!».

Глава десятая

Двое путников угрюмых,
Опершись на все четыре,
Пробираются сквозь ельник
В непроглядной тьме полночной.

Это Атта Троль — родитель
И сынишка — Одноухий.
Темный лес у Камня Крови
Поредел. Застыли оба.

«Камень сей, — бормочет Атта, —
Алтарем служил друидам.
Здесь в эпоху суеверий
Приносились в жертву люди.

Ужасающая гнусность!
Вспомню, — дыбом на спине
Шерсть встает. Во славу богу
Проливали кровь людскую!

Несомненно, просветились
Люди, и теперь друг друга

Не убыют они, радея
О небесных интересах.

Не мираж религиозный,
Не экстаз, не одержимость, —
Себялюбие и жадность
Побуждают их к убийствам.

Всем охота побыстрее
Обрести блага земные,
При всеобщей потасовке
Для себя ворует каждый.

Завладеет единица
Всенародным достоянием, —
Сразу о правах владенья
И о собственности скажет!

Собственность! Права владенья!
Это кража! Это вранья!
Смесь нелепости с коварством
Только людям и доступна.

Собственников не природа
Создала, — живая тварь
Из утробы материнской
Вышла без кармана в шкуре.

Нет ни у кого из нас
На меху, прикрывшем тело,
Прирожденного мешка
Для награбленных сокровищ.

Только голый человек,
Обряжаясь в шерсть чужую,
На нее приноровился
Нашивать себе карманы.

О, карман! Он всей природе
Чужд, как собственность, как сами
По себе права владенья!
Человек и есть карманник!

Ненавижу их и вечно
Завещаю ненавидеть.
Сын, клянись на алтаре
Ненавидеть человека,

Быть всегда врагом смертельным
Угнетателю, с ним биться
До последнего дыхания,—
Дай мне, дай такую клятву!».

И поклялся тот, как древле
Ганнибал. Луна струила
Жуткий свет на Камень Крови
И обоих мизантропов.

Мы со временем расскажем,
Как исполнил эту клятву
Юноша. Его позднее
Будет славить наша лира.

Да и с Атта Тролем тоже
Подошла пора проститься,
Чтобы тем в него надежней
Пулю нам всадить при встрече.

Ты избличен дознаньем,
Враг народа, оскорбивший
Светлый облик человека!
Завтра на тебя облава.

Глава одиннадцатая

Точно спящим баядеркам,
Холодно горам в рубахах
Из белесого тумана,
Заданных рассветным ветром

Только скоро их разбудит
Лучезарный бог и стащит
С них последнее прикрытие,
Озарив красу нагую.

Мы с Ласкаро спозаранку
 На охоту за медведем
 Закатились и к полудню
 Добрались до Pont d'Espagne.

За мостом расположился
 Варварский испанский запад
 С населением, от французов
 Лет на тысячу отставшим.

Лет на тысячу отстали
 Их культура и порядки,
 Мы же, варвары востока,
 Отстаем всего лет на сто.

Медлил я. Мне не хотелось
 Уходить с французской почвы,
 Из отечества свободы
 И с ума сводящих женщин.

Посредине Pont d'Espagne
 Восседал бедняк-испанец.
 Нищета и в дырах платья,
 И во взоре проступала.

Он брэнчал костлявым пальцем
 На разбитой мандолине.
 Звук фальшивил, и в ущелье
 Эхо вторило глумливо.

Иногда он, улыбаясь,
 Наклонялся, глядя в пропасть,
 И отчаяннее тренькал,
 Глухо бормоча слова:

«У меня в глубинах сердца
 Золотой поставлен столик,
 Золотой поставлен столик,
 И вокруг четыре стула.

А сидят на стульях дамы
 С золотой стрелой в шиньонах,

Целый день играют в карты,
И выигрывает Клара.

Обыграет и хохочет.
Ах, в моем ты сердце, Клара,
Всех, конечно, обыграешь,
Если вся ты в козырях».

Я пошел своей дорогой,
Но спросил себя: «С чего бы
Петь пристроилось безумье
На мосту, меж двух народов?»

Что, безумец этот — образ
Их культурного обмена?
Или своего народа
Безобразный первый лист?».

Только к ночи мы достигли
Захудалого подворья,
Где на грязной сковородке
Прела ol lea-potrída.

Там отведал и garbanzos
Тяжелее пуль ружейных,—
Не переварить их немцу,
Даром, что возрос па клетках.

Ужину была под пару
И постель. Вся в насекомых,
Как наперченная. Клоп —
Злейший враг людского рода.

Легче вынести враждебность
Тысячи слонов, чем злобу
Одного клопа, который
По твоей ползет постели.

Разрешить ему кусаться
Страшно. Но еще страшнее
Раздавить его: зловонье
За ночь вымотает душу.

Да, всего ужасней в мире
 Столкновение с паразитом,
 Воевать идущим вонюю,—
 Такова дуэль с клопом!

Глава двенадцатая

Как восторженны поэты!
 Даже смиренные. Заладят
 И пойдут тянуть: «Природа —
 Необъятный храм господень;

Храм, своим великолепьем
 Доказавший божью мудрость;
 В нем под куполом, как лампы,
 Солнце, звезды и луна!».

Будь по-вашему, коллеги!
 Но извольте согласиться:
 В храме лестницы плохие,—
 Просто хуже не придумать.

Восхожденья, нисхожденья,
 Спуски с гор, прыжки по скалам,—
 Из-за них изнемогали
 И душа моя, и ноги.

Мы бок о бок шли с Ласкаро;
 Точно свечка, длинный, бледный, —
 Ни словечка, ни улыбки, —
 Был покойный сын колдуньи.

Да, такие ходят слухи,
 Что он мертв, и лишь Урака
 Колдовским своим искусством
 Жизнь поддерживает в сыне.

Черт возьми ступени храма!
 Все не взять мне в толк поныне,
 Как, споткнувшись над обрывом,
 Не свернул себе я шею.

Завывали водопады,
 Сосны жалобно стонали,—
 Сек их ветер! Сразу хлынул
 Дождь, — испортилась погода!

В тихом домике рыбацком
 Обрели на Lac de Coche
 Мы и крышу, и форелей;
 Рыбка — лакомый кусочек!

Возлежал в уютных креслах
 Лодочник больной и старый,
 А за ним два ангелочка —
 Две племянницы смотрели.

Два дородных ангелочка,
 Улизнувшие с полотен
 Рубенса: златые кудри,
 Крепкий стан и взор безгрешный.

В ямочках карминных щечек
 Озорной смешок таился,
 А роскошные объемы
 Страсть и страх внушали разом.

Эти славные создания,
 Исцелить желая дядю,
 Очень мило обсуждали,
 Что приятней пить больному.

То одна ему подносит
 Чашку липового чаю,
 То велит ему другая
 Взять бузинную настойку.

«Пить я этого не стану! —
 Завопил старик обеим,—
 Где вино? Я доброй влаги
 Поднести гостям желаю!».

Не скажу, и впрямь вино ли
 Мы на Lac de Coche пили,

Только будь мы в Брауншвейге,
Я бы счел, что это Мумме.

Из козлиной черной шкуры
Был бурдюк, и в нос шибало,
Но старик, с восторгом выпив,
Сразу стал здоров и весел.

Кое-что порассказал он
О делах контрабандистов,
Беспрепятственно царящих
На лесистых Пиренеях.

Знал он множество преданий
И, средь прочих, нам поведал,
Как гиганты и медведи
Ратоборствовали древле.

Да, гиганты и медведи
Бились в прошлом за господство
Над горами и лугами,
Где потом селились люди.

А с приходом человека
С толку сбитые гиганты
Обратились в бегство. Мозгу
В головах громадных мало.

Говорят, когда до моря
Добежали остолопы
И увидели, что небо
Отразилось в синих волнах,

То, сочтя, что море — небо,
Все туда они рванулись,
Уповая на спасенье,
И пошли ко дну всем скопом.

Что ж касается медведей,
Люди их уничтожают,
И число их в Пиренеях
Убывает ежегодно.

«На земле, — старик заметил, —
Постоянно перемены.
Род людской придет в упадок,
И начнется власть пигмеев.

Эти дошлые людишки
Обитают в горных недрах,
В рудниках крупницы злата
Подбирая расторопно.

Часто лунными ночами
Замечал я, что из норок
Смотрят хитрые глазенки,
И грядущее страшило!

Давит мощь мошны пигмеев!
Не пришлось бы нашим внукам,
Как гигантам неразумным,
Драпать в небо водяное!».

Глава тринадцатая

В горном сумрачном провале
Дремлют воды озерные.
Опечаленные звезды
Смотрят с неба. Ночь. Молчанье.

Ночь. Молчанье. Плещут весла,
И как будто тайна плещет,
Челн плывет. Своих племянниц
За себя старик отправил.

Весело гребут! Во мраке
Иногда, подобно звездам,
Блещут их нагие руки
Или глазки голубые.

Рядышком со мной Ласкаро,
Молчаливый, как обычно,
И страшит меня догадка:
Неужели он покойник?

Или сам я тоже умер
И плыву по темным волнам
Вместе с призраками вниз,
В царство старого Плутона?

И не воды Стикса разве
Здесь текут? Не Прозерпина,
Зная, что Харон в отлучке,
Горничных за мной послала?

Нет, не умер я, не умер,
Не погас, и жжет мне душу,
Распаяясь и ликуя,
Животворный пламень жизни.

Эти девушки на веслах,
Их поднявшие задорно
И стекающей водою
В нас плеснувшие со смехом, —

Эти ладные девицы
Уж никак не привиденья,
Не посланцы преисподней
И не челядь Прозерпины.

Чтобы впредь не сомневаться
В их земном существованье
И увериться на деле,
Что во мне довольно жизни,

Я, губами приникая
К ямочкам на алых щечках,
Вывел силлогизм: целую, —
Следовательно, живу.

А как к берегу пристали,
Я расцеловал их снова,
Никакой другой монетой
Не взимали за провоз.

Глава четырнадцатая

Блещет солнце, и смеются
Фиолетовые горы,
На откосе деревушка
Птичьим гнездышком повисла.

Я узнал, туда взобравшись,
Что родители в разлете,
И одни птенцы остались,
Не летавшие покамест.

Симпатичные мальчишки,
Милovidные девчушки,
В красных шапках, в белых шляпках
В обручение играли.

Помешать им не решаясь,
Я смотрел, как принц мышинный
Пред кошачьей королевой
Пылко преклонял колени.

Бедный принц! Его поженят
На красавице. Заездит,
Загрызет, заест супруга.
Жизнь отдашь — игре шабаш.

Целый день провел я вместе
С детворой. Мы поболтали
Запросто. Хотелось деткам
Вызвать, кто я, чем я занят.

«Братцы, — говорю, — родные,
Из Германии я родом,
Там полным-полно медведей,
Я же, стало быть, охотник.

Я из них, признаться, многим
Обломал бока медвежьи,
Хоть и мне порой случалось
Побывать в медвежьих лапах.

Только всякий день сражаться
 С неумытым остолопом
 Мне в любезнейшей Отчизне
 Наконец осатанело.

И сюда я путь направил
 Поискать поля получше,
 Буду пробовать я силы
 На великом Атта Троле.

Он противник благородный
 И достойный. В отчих землях
 Я такие вел сраженья,
 Что побед бывало стыдно».

Я откланялся, а крохи
 Обступили на прощанье,
 Заплясали и запели:
 «Жирофлино, Жирофлетто!».

Следом бойко и красиво
 Подошла ко мне меньшая
 И четырежды присела,
 И запела мелодично:

«Коли встречу государя,
 Буду дважды книксен делать,
 Государыню увижу —
 Перед ней присяду трижды,

А когда мне черт с рогами
 Повстречается в дороге,
 Я четырежды присяду, —
 Жирофлино, Жирофлетто!».

«Жирофлино, Жирофлетто!» —
 Вторил хор, и, потешаясь,
 Детвора у ног моих
 Закружилась в хороводе.

Я спускался вниз, в долину,
 И, блаженно замирая,

Вслед неслоь, как птичий щебет:
«Жирофлино, Жирофлетто!».

Глава пятнадцатая

Велики и безобразны,
Скалы на меня взирают,
Словно стадо первобытных
Обращенных в камень чудищ.

И не странно ли? Над ними
Серые нависли тучи —
Двойники, дурные слепки
Диких каменных громадин.

Водопад вдали клокочет,
Завывает ветер в соснах,
Рокотанье роковое
Непреклонно, безнадежно.

Нагоняет страх пустыня!
Сядут стаи черных галок
По ветвям прогнувших елей
И вспорхнут на слабых крыльях.

Мы идем вдвоем с Ласкаро,
Он, как был, безмолвен, бледен,
Я же выгляжу безумьем
Под конвоем скорбной смерти.

Что за мерзость запустенья?
Проклят, что ли, край? Похоже,
Кровью вымазаны корни
Деревя, что захирело.

А в тени его — хибарка
Со стыда зарылась в землю,
И соломенная крыша
На тебя с мольбой взирает.

Обитают здесь каготы,
Их лишь горстка уцелела,

И растоптанное племя
Дни свои влачит во мраке.

У басконок есть поныне
Отвращение к каготам,
Это темное наследство
Темноты религиозной.

А в Баньерском есть соборе
Металлическая дверца;
Мне рассказывал причетник,
Что входили здесь каготы,

Что заказаны им были
Все другие двери храма,
И всегда они украдкой
Пробирались в дом господень.

На подрубленной скамейке
В стороне они молились;
Их чурались, как заразных,
Остальные прихожане.

Но уже горят радушно
Свечи нынешнего века,
Свет их яркий разгоняет
Призраки средневековья.

Не пошел со мной Ласкаро
В дом каготов, их проведаль
Я один. С открытым сердцем
Руку протянул я брату

И поцеловал ребенка,
Присосавшего жадно
К материнской груди; был он
Вроде паука больного.

Глава шестнадцатая

Если издали на горы
Поглядеть, они сверкают;

Солнце в золото и в пурпур
Их по-княжески одело.

Но вблизи тускнеет роскошь
И, как всякое величье,
Предстает водящим за нос
Ловким световым эффектом.

Были золото и пурпур,
Смотришь — это снег тщеславный,
Снег тщеславный, слабый, жалкий,
В одиночестве канючит.

На высотах сам я слышал,
Как трещал он, изливаясь
Грубым и холодным вихрям,
Побелевший от напастей.

«Как медлительно, — вздыхал он, —
Дни текут в углу медвежьем,
Нет конца им, словно каждый —
Льдами скованная вечность!

О несчастный снег я! Мне бы
Не на горную вершину,
А в ложбину выпасть надо,
Там цветочки расцвели!

Я бы там теперь растаял,
Ручейком бы стал, могла бы
Девушка — краса деревни
Мыть лицо в моих волнах.

Я и до моря, пожалуй,
Мог доплыть, и напоследок
Стать жемчужиной, украсить
Королевскую корону!».

Услыхав такие речи,
Я сказал: «Я не уверен,
Милый снег, что столь блестящий
Жребий ждал тебя в ложбине.

Не горюй! Внизу вступают
 Единицы в ряд жемчужин.
 Ты, глядишь, попал бы в лужу
 Или даже стал навозом!».

И пока в такой манере
 Я беседовал со снегом,
 Грянул выстрел, и низвергся
 Рыжий коршун с поднебесья.

Пошутить Ласкаро вздумал
 По-охотничьи. Казалось,
 Как всегда он строг и мрачен,
 Только ствол ружья дымился.

Он перо из птичьей гузки
 Молча вырвал и приладил
 К мягкой острроверхой шляпе
 И пошел своей дорогой.

Жутко, право, было видеть,
 Как по снеговым вершинам
 И черна, и долговяза
 Тень с пером передвигалась.

Глава семнадцатая

Темный дол — точь-в-точь проулок,
 Звать его — Теснина Духов,
 Обе стороны — утесы,
 Ввысь идущие отвесно.

Там, у самого обрыва,
 Словно сторож, не робея
 Вниз взирает дом Ураки;
 Я попал в него с Ласкаро.

Потаенной речью жестов
 Обсудили сын с мамашей,
 Как вернее Атта Троля
 Заманить и уничтожить.

Мы на след его напали,
И теперь ему не скряться
Нипочем. Твой час последний
Наступает, Атта Троль!

Впрямь ли старая Урака
Столь недюжинная ведьма,
Как свидетельствует это
Населенье в Пиренеях,

Не скажу. Ее наружность,
Сколь я знаю, возбуждает
Подозренье. Подозренье
Возбуждает гной на веках.

Взгляд ее настолько злобен,
Что, по слухам, у коровы
От ее косога взгляда
Может молоко пропасть.

Много раз предупреждали,
Что, задев рукой иссохшей,
Ведьма и свинью погубит,
И могучего быка.

За подобные деянья
На нее неоднократно
Подавали в суд. Однако
Там судья был вольтерьянец.

Ограниченный мирянин,
Без прозрений и без веры,
Скептик жалобщика взашей
Выпроваживал глумливо.

Для чиновников — Урака
Занята пристойным делом:
Травы горные находит,
Чучелами птиц торгует.

И полна ее лачуга
Образцов. Тяжелый запах

Ипускают мандрагора,
Белена и белладонна.

Грозных коршунов собрание
Здесь подобрано недурно,
Широко простерты крылья,
И торчат большие клювы.

Запах трав душистых, что ли,
Вдруг мне в голову ударил?
Только сильно подивился
Я при виде птиц подобных.

Я бы счел, что это люди,
Но искусством чародейным
Обреченные навеки
Чучелами птиц остаться.

На меня они взирают
Горестно, нетерпеливо,
Но косятся временами
С диким страхом па колдунью.

А она-то, а Урака,
И сынок ее Ласкаро,
Примостившись у камина,
Льют свинец, готовят пулю.

Льется пуля роковая
Для убийства Атта Троля,
Торопливо польхает
На лице у ведьмы пламя.

Шевелит она губами
Непрестанно, но беззвучно,—
Не заклятье ли бормочет,
Чтобы спорилась отливка?

То хихикает старуха,
То подмигивает сыну,
Но Ласкаро занят делом
И безмолвствует, как смерть.

Задыхаясь от кошмаров,
Я добрался до окошка
Воздуха глотнуть и глянул
Вниз, на дальнюю долину.

Что за сцена мне предстала
Меж двенадцатью и часом,
Я в последующих главах
Изложить вам попытаюсь.

Глава восемнадцатая

Это в пору полнолуны
В ночь Иванову случилось —
Кавалькада чертовщины
Пронеслась Тесниной Духов.

Из колдуньиной лачуги
Я в окно отлично видел,
Как промчались по проулку
Призрачные легионы.

С превосходнейшего места
Любовался я спектаклем,
Где восставшие из гроба
Мертвецы торжествовали.

Свист бичей, ура и браво!
Конский храп и лай собачий!
Рог охотника и хохот!
Сразу эхо отзывалось!

Первым, как бы в авангарде,
Красный зверь бежал бесстрашно,
Стадо вепрей и оленей;
Следом шла собачья свора.

Мчались ловчие вдогонку
Из эпох и стран различных,
Скажем, Нимрод Ассирийский
И с ним рядом Карл Десятый.

Пронеслись они на белых
Лошадях. За ними пехом
Доезжачие с борзыми
И при факелах пажи.

В этом буйном караване
Я узнал довольно многих.
Разве латы золотые
Не на короле Артуре?

Разве не Ожье Датчанин
Облачен в зеленый панцирь
И всем обликом походит
На огромную лягушку?

Из героев духа также
Я узнал довольно многих,
Угадал я, где наш Вольфганг,
По его живому взгляду.

Осужденный Генгстенбергом,
Он в могиле спать не может
И в языческой потехе
Вновь обрел охоту к жизни.

По чарующей улыбке
Угадал я, где тут Вильям,
Пуританами он также
Проклят был; он тоже, грешный,

С диким сбродом ночью должен
Мчать на вороном коне.
А за ним плетется кто-то
На осле. Великий боже! —

Вид благочестиво-пресный,
Праведный колпак ночной
И печать тоски смертельной
Отличали Франца Горна.

Комментировал несчастный
Знаменитого Шекспира

И обязан после смерти
Гнать за ним, как ошалелый.

Тихий Франц в подобной гонке!
А не смел ступить и шагу,
Рисковал лишь помолиться
Да за чаем покалякать.

Разве не перепугает
Старых дев, над ним дрожавших,
Сообщение, что Франц
Стал полночным привиденьем?

Чуть доходит до галопа,
Вильям смотрит, забавляясь,
Как несчастный комментатор
На осле спешит вдогонку.

Он устал, но прицепился
Намертво к ослиной сбруе,
После смерти, как при жизни,
Только автору он верен.

Много дам я также видел
В сонме духов беспокойных,
Бесподобны были нимфы
Стройные и молодые.

По-мужски в седле сидели
Нагишом, согласно мифам,
Лишь распущенные косы,
Как плащи, их прикрывали.

И с венками на головках,
Запрокинувшись отважно,
В гордых и задорных позах
Тирсами махали нимфы.

Дочки графов и баронов,
Аккуратно застегнувшись,
Восседали в дамских седлах
И держали соколов.

Вслед за ними для потехи
 Двигалась на тощих клячах
 Вереница пародийно
 Расфуфыренных бабенок.

Привлекательное что-то,
 Но противное в них было;
 Голосили, как чумные,
 Щеки наспех нарумянив.

Эхо сразу отзывалось!
 Рог охотника и хохот!
 Конский храп и лай собачий!
 Свист бичей, ура и браво!

Глава девятнадцатая

Меж теней в глаза бросался
 Дивной красоты трилистник.
 Никогда я не забуду
 Три прелестных женских лика.

Я легко узнал богиню
 С полумесяцем в прическе,
 Предо мной она промчалась
 Гордая, как изваянье.

Выступали грудь и бедра
 Из-под маленькой туники,
 Блеск огней и лунный свет
 Сладострастно льнули к телу.

Лик ее, как мрамор, белый
 Был и холоден, как мрамор,
 И безжизненно-бескровны
 Благородные черты.

Но в очах, вселяя ужас,
 Пламя тайное пылало,
 Ослепляющее сердце,
 Пожирающее душу.

Как она. переменялась!
Не Диана ль Актеона
От девической гордыни
Псам охотничьим стравила?

Искушая грех давнишний,
Ныне в обществе любезном,
Как земная тварь, богиня
Мчится в ночь навстречу ветру.

Хоть не в срок, но тем сильнее
Пробудилось вождельенье,
И в очах оно пылает
Истинным огнем геенны.

Сколько времени пропало!
Как испортились мужчины!
Лишь количеством, пожалуй,
Качество ей возместится.

Рядом ехала вторая,
Но не греческая строгость
Покоряла здесь, а прелесть
Кельтского происхождения.

В грациозной этой фее
Я легко узнал Абунду
По ее улыбке нежной
И залиvistому смеху.

Ах, она розовощека,
Будто выписана Грезом,
Рот ее раскрыт сердечком,
Зубы — просто загляденье.

Ветер без ночной рубашки
Норовил ее оставить —
И во сне-то мне не снилось
Увидать такие плечи.

Чуть в окошко я не прыгнул,
Чтобы с ней поцеловаться.

Обошлось бы это скверно —
Я себе свернул бы шею.

Но она бы хохотала,
Если б я свалился в пропасть
Весь в крови, к ногам прелестным...
Я-то знаю этот хохот!

Ну а третья, ну а третья,
Поразившая мне сердце,
Не бесовское отродье,
Наподобие двух прежних?

Кто ты —ангел или дьявол?
Разобрать нельзя у женщин,
Где кончается в них ангел,
Где в них дьявол начался.

Лик болезненный и знойный
Дышит чарами востока,
А наряд богат и пышен,
Точно в сказках Шахразады.

У нее гранаты — губы,
И с горбинкой нос лилейный,
Стройный стан дарует свежесть,
Словно пальма среди пустыни.

На послушном иноходце,
За поводья золотые
Маврами двумя ведомом,
Восседает королевой.

Да и впрямь ведь королева,
Коль супруг ее — царь Ирод,
По ее лишь настоянью
Обезглавлен был Креститель.

За кровавое деянье
Обрекли ее носить
Привидением полночным
Вплоть до светопреставленья.

У нее в ладонях блюдо
С головою Иоанна,
И она ее целует;
Вот ведь как целует жарко!

Был пророк любим царицей, —
Хоть молчит о том писанье,
Но идет молва в народе
О кровавой этой страсти.

Объяснить нельзя иначе
Поведенье пылкой дамы,
Если женщина не любит,
Что ей голова мужчины?

Видно, малость осерчала
И велела обезглавить;
Но едва ей показали
Блюдо с головой любимой,

Зарыдала и угасла,
Спятив от любви безумной.
(Плеоназм — «любви безумной»,
Ведь сама любовь — безумство).

По ночам с тех пор вставая,
С головой кровавой скачет
Женский призрак на охоту,
И в капризе безрассудном

Кверху голову швыряет,
По-ребячьи забавляясь,
И на диво расторопно
Ловит сызнава, как мячик.

Проносясь, она меня
Оглядела и кивнула
Разом томно и задорно,
Так что сердце задрожало.

Трижды тени пролетали,
И прелестное виденье,

Проносясь в их сонме, трижды
Мне любезно поклонилось.

Успокоились кошмары,
Отшумела суматоха,
Но еще палил мне душу
Тот кокетливый поклон.

Напролет всю ночь валялся
Я, бессонницей страдая,
На соломе (нет перины
В обиталище Ураки).

Все я думал, что бы значил
Тот поклон необъяснимый?
Отчего могла так нежно
Ты глядеть, Иродиада?

Глава двадцатая

Утро. Бьют золотые стрелы
По белесому туману,
И туман, покрывшись кровью,
Растворяется в сиянье.

Вот и празднует победу
Новый день, как триумфатор,
Полный блеска и величья,
Горные хребты поправ.

Птичье звонкое семейство
В тайных гнездышках щебечет,
И концерт благоуханий
Веет над травой душистой.

Только зорька занялась,
Мы перебрались в долину,
И пока искал Ласкаро
След сбежавшего медведя,

Скоротать хотел я время
В размышленьях. Но от мыслей

Понемногу утомился,
И тоску они нагнали.

Опечаленный, усталый,
Я под ясенем громадным
Сел на мшистую скамейку
У журчащего ручья.

И журчанье колдовское
Так меня заворожило,
Что былых идей не стало,
Не осталось прежних мыслей.

Овладело мной влечение,
Точно к сну, к безумству, к смерти,
К трем вчерашним амазонкам,
Пролетевшим в сонме духов.

О, видения ночные,
Изгнанные днем лучистым,
Где таитесь вы, скажите?
Где вы прячетесь от солнца?

Уверяют, что в Романье
Под развалинами храма
Укрывается Диана
От дневной Христовой власти.

Только в темени полночной
Выходить она рискует
И в компании язычниц
Счастлива продлить охоту.

Точно так же и Абунда,
Опасаясь назаряян,
Целый день на Авалуне
В безопасности проводит.

Этот остров расположен
Далеко в лазурном море
Романтизма. Лишь крылатый
Конь легенд к нему домчится.

Там заботы не пристанут,
Пароходы не причалют,
И не выйдет с трубкой в пасти
Любознательный филистер.

До него не достигает
Нудный, мертвенный, угрюмый
Бум-бум-бум, звон колокольный,
Ненавистный добрым феям.

Там, навеки молодая,
И живет в сплошном веселье
Жизнерадостная дама,
Златовласая Абунда.

Все смеется да гуляет
Меж подсолнухов веселых,
Да беседует со свитой
Из покойных паладинов.

Ну а ты, Иродиада?
Где ты? Ах, и сам я знаю:
Ты мертва, и прах твой бренный
Схоронил Ерушалаим.

Целый день, как труп безгласный,
Спишь ты в мраморной гробнице,
Но тебя средь ночи будят
Свист бичей, ура и браво!

Ты летишь за диким сонмом,
За Дианой, за Абундой,
За компанией, враждебной
И распятью, и страданию.

Превосходное собранье!
Мне охотиться бы с вами
По ночам! С тобой бок о бок
Мчался б я, Иродиада!

Ибо сердце полонила
Больше, чем богиня греков,

И сильнее, чем фея кельтов,
Ты мне, мертвая еврейка!

Я люблю тебя. Я знаю,
Как во мне трепещет сердце.
Так ответь же мне любовью,
Жизнь моя, Иродиада!

Так ответь же мне любовью!
Окровавленное блюдо
С головой дурацкой выкинь!
Есть полакомей кусочки.

Для тебя я рыцарь верный.
Нет мне дела, что мертва ты
И что проклята. Я, право,
Человек без предрассудков.

Кстати, и мое спасенье
Несколько проблематично,
И могу ль живым я зваться,
Сам я часто сомневаюсь.

Прикажи, — и я твой рыцарь,
Я твой cavalier sergent,
И твой плащ носить я буду,
И сносить твои капризы.

По ночам мы будем вместе
Мчаться с буйной кавалькадой,
Поболтаем, посмеемся,
Что несу я за нелепость.

Мы и сами не заметим, —
Ночь промчится. Днем, однако,
Сникнет радость, и рыдая
Я приду к твоей могиле.

Буду днем сидеть рыдая
У руин гробницы царской
Там, где милую зарыли,
Где стоит Ерушалаим.

Престарелые евреи
 Станут думать, что горюю
 Я о том, что храм разрушен
 И что пал Ерушалаим.

Глава двадцать первая

Аргонавты без галеры,
 На своих мы лезем в горы;
 Не руно мы золотое, —
 Лишь медвежью шкуру ищем.

Ах, нескладных нас, героев
 Современного пошиба,
 Не прославит ни единый
 Из классических поэтов!

А ведь мы перетерпели
 Столько зла! Застиг нас ливень
 На вершине, где не сыщешь
 Ни деревьев, ни кареты.

В туче брешь! (Трещит затычка!)
 Хлещет дождь как из ведра.
 Побожусь, Ясон в Колхиде
 Под таким не вымок душем.

«Дайте зонтик! Я согласен
 Тридцать шесть отдать монархов
 За обыкновенный зонтик!»
 Я кричал, а ливень лил.

Мы устали, приуныли,
 И не лучше мокрых куриц
 Воротились поздней ночью
 К горному жилищу ведьмы.

Сидя у плиты, Урака,
 Не жалея сил, чесала
 Своего большого мопса.
 Он немедля был отставлен,

Чтобы ей за нас приняться;
Мне постель она постлала,
С ног стащила эспадрильи —
Отвратительную обувь.

Помогла разоблачиться,
Брюки снять, — они прилипли,
Мокрые, к ногам так плотно,
Точно дружба остолопа,

«Где халат? Я тридцать шесть
Променять готов монархов
На сухой халат!». Я вскрикнул,
А рубаха вся дымилась.

К очагу я на мгновенье
Подошел, стуча зубами,
И сейчас же, разомлевший,
Повалился на солому.

Сон не брал меня. Прищурясь,
Я глядел, как ведьма сына
Выше пояса раздела
И взвалила на колени,

Севши у плиты. А рядом
Встал пред ней на задних лапах
Толстый мопс, держа в передних
С редкой ловкостью горшочек.

Из него брала Урака
Красный жир и, смазав сыну
Грудь и спереди, и сбоку,
Растирала торопливо.

И покуда растирала,
Колыбельную тянула,
Чуть гнусавя, а в плите
Чуть потрескивало пламя.

Сын лежал, как желтый труп,
На коленях материнских;

Очи тусклые, раскрывшись,
Пучились, полны печали.

Или он и впрямь покойник,
И лишь любящая мать
Снадобьями ведовскими
Ночью жизнь в него втирает?

Лихорадочная дрема!
Тело кажется свинцовым
От усталости, а чувства
Напряглись и обострились.

Истомил меня душистый
Запах трав. Понять я тщился
Где мне как-то раз подобный
Попадался, но не вспомнил.

Ветер, воющий в камине,
Сеял страх! В нем были всхлипы
Висельников неповинных —
Голоса знакомы вроде.

И вконец я был замучен
Чучелами птиц, которых
Видел всякий час на полке
В головах своей постели.

Крылья грозно расправлялись,
И ко мне тянулись клювы
Длинные, как будто каждый
Клюв был человечьим носом.

Ах, носы уже такие
Я не в Гамбурге ли видел?
Не во Франкфуртском ли гетто?
Память бедная плутала!

Но со временем дремота
Мной всецело овладела,
И взамен больных фантазий
Наступил здоровый сон.

Мне приснилось, что лачуга
Стала вдруг парадным залом,
Обнесенным колоннадой,
Освещенным яркой люстрой.

Музыканты-невидимки
Заиграли пресловутый
Пляс монашек из «Роберта»;
Я слонялся в одиночку.

Наконец раскрылись двери,
И походкой церемонной
В зал вошли неторопливо
Поразительные гости.

Привиденья и медведи!
Шел медведь на задних лапах,
Провожая привиденье,
Завернувшееся в саван.

Вышли парами такими
И вальсировать пустились
Взад-вперед. Смотреть занятно!
Трепещи и потешайся!

Косолапым очень трудно
Было сообразоваться
Со стремительной повадкой
Легких белых привидений.

Но влекли неумолимо
Вихри вальса бедных тварей,
Заглушающих сопеньем
Даже контрабас в оркестре.

Иногда сшибались пары,
И повинный в этом призрак
От задетого медведя
Получал шлепок по заду.

Иногда же ненароком
Стаскивал медведь в толкучке

С головы партнерши саван,
И высовывался череп.

Под конец возликовали
Тамбурины и тромбоны,
Загремели барабаны,
Пары двинулись галопом.

Но развязка не доснилась:
+Мне один медведь невежа
Лапу на мозоль поставил;
Тут я вскрикнул и проснулся.

Глава двадцать вторая

Мчался в солнечной пролетке
Феб на огненных лошадках
И почти что полдороги
В небесах уже проехал.

Между тем я в сладкой дреме
Видел пылкие слиянья
Привидений и медведей —
Несуразная картина!

Я проснулся лишь к полудню,
Огляделся — в доме пусто:
Ведьма с сыном спозаранку
Потащилась на охоту.

Был я, стало быть, в лачуге
Только с мопсом. У плиты
Он стоял на задних лапах
И держал в передних ложку.

Мопс отлично был, казалось,
Выдрессирован: едва лишь
Варево в котле вскипало,
Тщательно снимал он пену.

Но со мной-то что творится?
В лихорадке, что ли, брежу?

Я ушам своим не верю —
Мопс, как люди, говорит.

Говорит! И швабский говор
Удивительно приятен;
Весь уйдя в воспоминанья,
Вот о чем он говорит:

«Горе мне, поэту-швабу!
От отечества оторван,
Обращенный в мопса, должен
Я стеречь котлы колдуньи.

Сколь поистине преступно
Волшебство! И сколь трагично
Человеческие чувства
Сохранять в собачьей шкуре!

Зря простился я с отчизной
И с коллегами по школе,
Нет меж ними чародеев,
Чтобы вдруг зачаровали.

Зря простился я с отчизной,
С Карлом Майером, с родимым
Нашим сладким лакфиолем,
С благодостным колбасным супом!

Я помру в тоске по дому!
Повидать бы хоть разочек
Дым из труб, когда весь Штуккерт
На обед лапшу готовит!».

Вняв такому излиянью,
Я растрогался. С постели
Я вскочил, подсел к камину
И сочувственно промолвил:

«Славный бард, как очутился
Ты в лачуге у колдуньи?
Почему ты был в собаку
Обращен жестокосердно?».

Просияв, он мне ответил:
«Ах, вы не француз, выходит?
Немец вы? И вам понятен
Мой печальный монолог?»

Ах, земляк, мне на беду
Видный чин в посольстве Келле,
Покурив и выпив пива,
Развивал в трактирных спорах

Всякий раз одну идею:
К просвещению приобщают
Лишь поездки за границу,
Где он сам и просветился.

Чтобы грубая короста
Больше мне к ногам не липла,
Чтобы мне, подобно Келле,
В светских нравах наостриться,

Я сказал «прости» отчизне
И в погоне за наукой
Устремился в Пиренеи
Прямо к хижине Ураки.

К ней мне целое посланье
Дал Юстинус Кернер. Вот уж
Не гадал, что старый друг
Связь поддерживает с ведьмой!

Я приветливо был принят,
Но приветливость, к несчастью,
Возрастала, вырождаясь
В грубо-чувственное скотство.

Да, пылающая похоть
Овладела дряблой грудью,
И растленная старуха
Совратить меня хотела.

Я взывал: «Ах, извините,
Я, мадам, не гривуазный

Гетеанец, я, напротив,
Представитель швабской школы.

Наша муза — непорочность!
У нее из толстой кожи
Панталоны. Не пыгайтесь
Посягать на добродетель!

У одних поэтов — мысли,
У других — душа, у третьих
Мастерство. Но добродетель
У поэтов швабской школы.

Нет у нас других достоинств!
Нас оставьте в благонравном
Рубище религиозном,
Наготу оно прикрыло!».

Спорил я, но улыбалась
Женщина и смеха ради
Тонким прутиком омель
Головы моей коснулась.

Сразу муторно мне стало,
Словно кто гусиной кожей
Холодеющее тело
Мне покрыл, но оказалась

Кожа вовсе не гусиной,
А собачьей шкурой. С этой
Незадачливой минуты
Я, как видите, стал мопсом».

Бедный малый! Разрыдавшись,
Он не мог промолвить слова;
Так отчаянно он плакал,
Чуть в слезах не захлебнулся.

«Слушайте, — сказал я скорбно, —
Как с вас снять собачью шкуру,
Чтобы вы к людскому роду
И к поэзии вернулись?».

Он, однако, безутешный,
 Не надеясь, лапы к небу
 Поднял и с тяжелым вздохом
 Горько молвил напоследок:

«Мне до светопреставленья
 Оставаться в шкуре мопса,
 Если чары не развеет
 Девичье великодушие.

Только деве непорочной,
 Не познавшей ласк мужчины,
 Суждено мне дать свободу,
 При условии особом:

Этой деве непорочной
 Нужно ночью новогодней,
 Песни Пфизера читая,
 Невзначай не задремать.

Будет бодрствовать над книгой,
 Не начнут глаза слипаться, —
 Расколдованный, смогу я
 По-людски вздохнуть — размопсен!!».

«Ах, — сказал я, — не придется
 Мне вас выручить; во-первых,
 Я себя никак не смею
 Числить непорочной девой,

Во-вторых, еще труднее
 Допустить, что я способен
 Песни Пфизера огулом
 Прочитать, не задремав».

Глава двадцать третья

Мы из мира ведовского
 Вновь спускаемся в долину,
 Обретая под ногами
 Положительную почву.

Прочь фантомы! Наважденья!
Миражи! Ночные страхи!
Образумившись, займемся
Нашим славным Атта Тролем.

У детей своих в берлоге
Старец, праведно храпящий,
Предается сну; проснувшись,
Он позевывает сладко.

По соседству Одноухий,
Как поэт, гонясь за рифмой,
У себя в затылке чешет
И ритмично машет лапой.

Тут же, рядышком с папашей,
Спят две дочки Атта Троля,
И четвероногих лилий
Сновиденья одолели,

Что за трепетная нежность
Обитает в юных душах
У невинных медве-девиц?
Взор у них слезами застлан.

Умиленнее, пожалуй,
Младшая. Томит ей сердце
Благодатная щекотка,
Страх пред властью Купидона.

Выстрел маленького бога
Проколол ей шкуру сразу,
Чуть его узрела, — боже,
Человек ей полюбился!

Человека звать Наглянский.
Потерпевший поражение,
Он предстал ей, убегая,
Поутру по горной тропке.

Женщин трогают страданья,
А черты ее героя

Отражали, как обычно,
Коренной развал финансов.

Всю наличность войсковую,
Привезенную из дому,
Суммой в двадцать два гроша,
Взял трофеем Эспартеро.

И часы не уцелели —
Заложил их в Пампелуне,
А серебряные были
И достались по наследству.

Со всех ног он в бег пустился,
Сам не ведая, что бегством
Обретал гораздо больше,
Чем победу в битве,— сердце!

Да, медведице несчастной
Полюбился враг исконный.
Кабы знал о том родитель,
Зарычал бы, возмущаясь.

Престарелый Одоардо
Заколел во имя чести
Дочь Эмилию Галотти.
Атта Троль, ему подобно,

Лапой собственной скорее
Дочь любимую прикончит,
Чем позволит ей отдаться
Пакостным объятьям принца!

Но сейчас он благодушен
И в подобную минуту
Не погубит розу прежде,
Чем ее обтреплет ветер.

Благодушный Атта Троль
У своих лежит в берлоге,
Но гнетут предвестьем смерти
Мысли о потустороннем.

«Дети, — молвит он, и очи
Наполняются слезами, —
Дети! Странствия земные
Я окончил. Час мой пробил,

Нынче в полдень сон я видел,
Сон, исполненный значенья,
И душа узнала сладость
Приближающейся смерти.

Суеверия мне чужды,
Но меж небом и землею
Вещи есть, что не под силу
Философии осмыслить.

Я гадал о судьбах мира
И подремывал, зевая,
Мне приснилось, что лежу я
На корнях большого древа,

А на землю ветви древа
Мед прозрачный источают.
Он бежал мне прямо в пасть.
Я испытывал блаженство.

От блаженства сладко жмурясь,
Ввысь я глянул и увидел,
Что семерка медвежат
С ветки прыгает на ветку.

Эти нежные созданья
Были все в меху пунцовом,
На плечах он завивался,
Словно шелковые крылья.

Были шелковые крылья
На пунцовых медвежатах,
Певших сладостно, как флейты,
Неземными голосами.

От их песен леденела
Шкура, но, пронзая шкуру,

Вознеслась душа, как пламя,
И лучась, умчалась в небо!».

Так пробормотал в испуге
Грустный Атта Троль. Мгновенье
Он молчал, прибитый горем,
Но внезапно наострились

Уши у него, немедля,
Весь дрожа, он спрыгнул с ложа
И, ликуя, загорланил:
«Дети, узнаете голос?

Иль не сладкий это голос
Вашей матушки? Я знаю,
Как ворчать умеет Мумма,
Мумма, черненькая Мумма!».

Атта Троль зря слов не тратил
И помчал, ополоумев,
Из берлоги безопасной.
Ах, он мчал беде навстречу!

Глава двадцать четвертая

Ронсевальская долина
Это памятное место.
В дни былые Карл Великий
Здесь племянника утратил.

Атта Троль погиб здесь также.
Он попал в ловушку, словно
Тот, кого иуда-рыцарь,
Ганелон из Майнца, предал.

Ах, чистейшее в медведе —
Обожание супруги,
Раззадорила Урака,
Чтоб завлечь его в засаду.

Бормотанью черной Муммы
Ведьма ловко подражала,

Побуждая Атта Троля
Бросить верную берлогу.

Он парил на крыльях чувства
И, приняв хавшись, вплотную
Подошел к большому камню,
Отыскать надеясь Мумму.

Ах, там прятался Ласкаро!
Он и выстрелил, прицелясь,
Прямо в радостное сердце,
И потек ручей кровавый.

Голова сперва качнулась,
Раз, другой, и он свалился,
Застонал, забился в корчах,
И вздохнул, кончаясь: «Мумма!».

Так пришел конец герою.
Так он умер. Но бессмертный
Он воскреснет за могилой
В стройных строфах песнопевца.

Наш герой воскреснет в песне,
И немеркнущая слава
В четырех стопах трофея
Побежит по белу свету.

В честь него создаст в Валгалле
Монумент король баварский.
В лучшем стиле Витгельсбахов
Будет надпись лапидарна:

«Атта Троль, медведь идеи.
Набожен. Как муж исправен.
Слыл, польстясь на злободневность,
За лесного, санкюлота.

Дурно танцевал. Но духом
До конца был делу предан.
Временами портил воздух.
Не талант, зато характер».

Глава двадцать пятая

На окраину деревни
Вышли тридцать три старухи
В старобаскском одеянье,
В ярко-красных капюшонах.

И одна, точь-в-точь Дебора,
Била в тамбурин и пела
Песнь хвалебную Ласкаро,
Умертвившему медведя.

Четверо мужчин тащили
Мертвого медведя в кресле,
Он сидел, напоминая
Паралитика на водах.

Как родные за умершим,
Шли Ласкаро и Урака;
Ведьма кланялась, потупясь,
То налево, то направо.

А у ратуши, едва лишь
Вышло шествие на площадь,
Произнес помощник мэра
Речь о множестве вопросов.

Вспомнил роль морского флота
И значение печати,
Осветил проблему свеклы,
Осудил многопартийность.

Честь воздав Луи-Филиппу
За огромные заслуги,
Он добрался до медведя
И до подвига Ласкаро.

«Ты, Ласкаро, — возгласил он
И с лица трехцветным шарфом
Вытер пот, кативший градом,
Ты, Ласкаро! Ты, Ласкаро!

Ты испанцев и французов
Спас от козней Атта Троля,
Став героем двух народов,
Лафайетом Пиренеев!».

Был радешенек Ласкаро
Почестям официальным,
Раскрасневшись от восторга,
В бороду он усмехался.

Сбивчиво и торопливо,
То и дело запинаясь,
Лепетал он благодарность
За почет, безмерно лестный.

Удивлялись люди, глядя
На невиданную сцену,
И растерянно шептались
Оробевшие старухи:

«Сам Ласкаро засмеялся!
Сам Ласкаро закраснелся!
Сам Ласкаро держит речь!
Он,— мертвец, отродье ведьмы!».

В тот же день освеживали
Атта Троля и пустили
Шкуру с молотка. Скорняк
За нее дал сотню франков.

Блеск навел как подобает,
Сделал красную подкладку
И кому-то перепродал,
Получив двойную цену.

Только через третьи руки
Перешла она к Жюльетте
И легла в парижской спальне
Ковриком к ее кровати..

О, частенько я среди ночи
Босиком стоял на брэнной

Плоти моего героя,
На мохнатой шкуре Троля.

И охваченный печалью,
Вдруг я вспомнил — Шиллер пишет:
«В песне здравствующий вечно
В жизни должен погибать!».

Глава двадцать шестая

Ну а Мумма? Да ведь Мумма —
Женщина. Ей имя — хрупкость.
Ах, все женщины на свете,
Как фарфоровые, хрупки.

Благородного супруга
Потеряв навеки, Мумма
Безрассудно не хандрила
И в печали не скончалась.

Нет, напротив, продолжала
Веселиться, в пляс пускалась
Перед публикой, срывая
Всякий день рукоплесканья.

Наконец, она в Париже
Навсегда обосновалась
И в Jardin des Plantes сыскала
Обеспеченное место.

Мы с Жюльеттой в воскресенье
Погулять туда ходили.
Показал я ей природу,
Мир животных и растений,

Кедр ливанский и жирафа,
Одногорбого верблюда,
Золотистого фазана,
Зебру, — так, заговорившись

Подошли мы к парапету,
За которым тут же в яме

Помещаются медведи, —
Боже, что мы там узрели!

Исполинского медведя
Из Сибири, с белой шкурой!
Нежным играм предавался
Он с медведицей пригожей.

Оказалось, это Мумма!
Половина Атта Троля!
Я узнал ее по блеску
Нежных глаз, больших и влажных.

То была она! Дочь юга
Черная! Выходит, Мумма
Нынче путается с русским,
Варваром краев полных!

Устремляясь нам навстречу,
Негр заговорил с ухмылкой:
«Нет прекраснее картины,
Чем два любящих созданья!».

Я ему: «А с кем, простите,
Честь имею говорить?».
Поразившись, он воскликнул:
«Неужели не узнали?»

Я — князь мавров с барабаном
Из поэмы Фрейлиграта.
Худо мне пришлось у немцев,
Я сочувствия не встретил.

Здесь, однако, где служу я
Надзирателем и вижу
Флору тропиков родимых
И привычных львов и тигров,

Мне значительно удобней,
Чем на ярмарках немецких,—
Барабань там ежедневно,
А питание плохое!

Белокурую кухарку
 Из Эльзаса взял я в жены,
 И в супружеских объятьях,
 Как на родине, чудесно.

Ибо ноги благоверной
 Схожи с гордыми слонами,
 А ее французский говор
 С черным языком отчизны.

Как начнет она браниться,
 Слышу грохот барабана,
 Что, увешан черепами,
 Устрашал и львов, и змей.

Но она, отдавшись чувству,
 Лунной ночью плачет, будто
 Крокодил, из теплой речки
 Всплывший подышать прохладой.

И готовить мастерица!
 Я воспрянул! Жру я с прежним
 Африканским аппетитом,
 Как на Нигере бывало!

Нагулял себе я брюхо,
 И оно из-под рубахи
 Смотрит вдаль, как черный месяц
 Из-за белых облаков»,

Глава двадцать седьмая *(Августу Фарнгагену фон Энзе)*

«Где вы только, Лодовико,—
 О господь наш милосердный, —
 Набрались такого вздора?», —
 Вскрикнул кардинал фон Эсте

По прочтении поэмы
 О неистовом Роланде,
 Сочиненной Ариосто
 В честь его преосвященства.

Ах, Фарнгаген, друг старинный,
 На твоих устах я вижу
 То же самое сужденье
 И такую же улыбку.

То смеешься ты над книгой,
 То становишься серьезен
 И морщиניшь лоб высокий —
 И бегут воспоминанья;

«Иль не в молодости снились,
 Ночью синей, в свете лунном,
 Эти звуки нам с Шамиссо,
 и Brentано, и Фуке?

Не часовенки ль забытой
 Слышен колокол над лесом?
 А при нем не погребушка
 На дурацком колпаке?

Соловьиную капеллу
 Заглушает бас медвежий,
 Но шушукаются снова
 Привидения былые!

Чушь, исполненная смысла!
 Мудрость в умственном расстройстве!
 Наш предсмертный вздох, внезапно
 Обернувшийся насмешкой!».

Да, приятель, это песня
 О мечте давно разбитой,
 Хоть новейшие рулады
 Есть у старого мотива.

Ты за позой горделивой
 Малодушие заметишь,—
 Я стихи свои вверяю
 Снисхожденью твоему!

Здесь кончается лесная
 Песнь романтики свободной!

В шуме каждодневных стычек
Оскудев, она заглохнет.

Смена веку — смена птицам!
Смена птицам — смена песням!
Ну и гогот! Словно гуси,
Что когда-то Рим спасли!

Ну и щебет! Воробьишко
В коготках свечу за пфенниг
Стал носить, как стрелы молний
Нес Юпитера орел.

Ну и воркотня! Голубки
Нынче жаждут ненавидеть,
И возить они мечтают
Не Венеру, а Беллону!

Мир дрожит: ну и жужжанье!
Это о весне народов
Майские жуки вещают,
Всякий день ожесточаясь!

Смена веку — смена птицам!
Смена птицам — смена песням!
Мне бы нравились они,
Кабы мне другие уши!

СТИХОТВОРЕНИЯ 1828-1856 ГОДОВ

К девишнику

2

Все ты знаешь – печь и пищу,
Двор и двери, брешь и брод,
И за что мы ни возьмемся,
Вырываешься вперед.

У меня отбил невесту, –
Вот нелепица опять!
Но тебя еще нелепей
Мне еще и поздравлять!

1828

***

Моей ненаглядной даме
Я снова песни пою,
И песни, взмахнув крылами,
Утешат любовь мою.

А сделанное супругом
Иной оставляет след,
И мальчики друг за другом
Родятся у них на свет.

Меня люди рады слушать,
Ведь я пою от души.
Они затыкают уши,
Когда ревут малыши.

Но я, как прежде невесел,
Один в ночной тишине...
Ах, вместо любовных песен
Мальчишек делать бы мне!

1830

***

Стал оттого счастливым
И оттого иссох,
Что есть три девочки дивных
И только пара ног.

К одной бегу на рассвете,
К другой на исходе дня,
А третья перед обедом
Сама навестит меня.

Прощайте, дорогие,
Ног-то всего лишь две, –
Мне б наслаждаться природой,
Раскинувшись на траве.

Песнь песней

О, тело женщины – стихи!
Их бог сложил однажды.
Но прелесть каждой их строки
Уразумеем каждый.

Господь в ударе их писал,
Писал в порыве смелом,
И непокорный матерьял
Искусно был отделан.

Да, тело женщины, друзья,
Воистину Песнь песней,
И стройных строф сыскать нельзя
Двух стройных ног прелестней.

Премудрость господа жива
В созданыи нежной шеи:
Когда вертится голова,
В ней вертятся идеи.

Грудь на чудесные шары
Цезура делит строго,
Грудей бутончики остры,
Как эпиграммы бога.

По бедрам видно, что знаком
И с пластикой всевышний,
И вставку с фиговым листком
Не назовешь излишней.

Здесь нет пустых абстрактных фраз,
Из крови все и плоти,
Прелестней губ, лобзавших нас,
Вы рифмы не найдете.

И по душевной глубине
Любого оборота
Сказать мы можем, что вполне
Закончена работа.

Господь, хвалу тебе воздам,
Начну тебе молиться.
С тобой в сравнении – я сам
Бездарность и тупица.

В стихотворении твоём
Я сгинуть рад сегодня,
Готов и ночью я и днем
Стихи зубрить господни.

Но мало мне уже и дня,
По ним учиться чтобы.
А ноги сохнут у меня, –
Должно быть, от учебы.

1845

***

Нечестивец, ты отрекся
От своей толстухи Анны
И красотами увлекся
Сухопарой Марианны.

Прижиматься к полной даме –
Всеми признанное дело,

А безумствовать с костями
Неприятно до предела.

Но проделки злого духа
Помрачают разум здравый:
Мы расходимся с толстухой
И решаем жить с костлявой.

1850

РОМАНСЕРО

Ламентации

Семейное счастье

Много женщин – блох в избытке,
Много блох – дерет чесотка,
Хуже нет подобной пытки,
Но ее ты терпишь кротко.

Ведь они сильны оплатой
В полночную годину,
К ней прильнешь, молодцеватый, –
А она подставит спину.

Старая роза

Нераскрывшийся цветок, –
Ты была мне сладкой грезой;
Не влюбиться я не мог,
Встретившись с расцветшей розой;

Розу лучшую в стране
Я сорвать хотел уж было,
Но шипы свои ко мне
Роза гневно обратила.

А теперь цветок увял,
Лепестков нет и в помине,
И любезен я ей стал,
«Милый Генрих» я отныне.

Генрих так да Генрих сяк –
Льется с губ былой красотки,
И спастись нельзя никак
От шипов на подбородке.

Бородавка-то остра,
Коль щетиною покрылась.
В монастырь, дружок, пора!
Или ты бы хоть побрилась.

*Лазарь**2. Взгляд в прошлое*

Отлично знакомы мне все ароматы,
Которыми кухни людские богаты,
Все яства земные вкусить я посмел
И жизнью вполне насладиться сумел.
И кофе с пирожными попил немало,
И кукол прелестных ласкал я, бывало,
И фрак я носил, и жилет надевал,
И звонкой монетой карман набивал,
Садился, как Геллерт, верхом на коня,
Свой домик имел, замок был у меня,
Я счастья топтал зеленеющий луг,
И золото солнца сияло вокруг.
Лавровым вском увенчан был я,
В мечтах голова кружилась моя,
Мечтал я о розах, о вечной весне...
О, господи, как хорошо было мне!
Спокойно, без горестей время течет,
И жареный голубь летит мне в рот,
И вот ангелочек встает из тумана,
Бутылку вина достает из кармана...
Но сон безмятежный, пузырь этот мыльный,
Вдруг лопнул, - лежу на земле я бессильный.
Мой жалкий скелет ревматизмом разбит,
В несчастной душе моей прячется стыд,
За каждую радость в былые года
Взыскать с меня плату приходит беда.
Я с горьким теперь познакомился вкусом,
Безжалостно был я клопами покусан.
Забота совсем меня к стенке приперла,
Я вынужден лгать, я в долги влез по горло,
Развратных старух и богатых юнцов
«Подайте на бедность!» – просить я готов.
Теперь доконала меня суматоха,
Теперь отдохнуть бы в могиле неплохо.
Пора! В небесах, во Христе мои братцы,
Нам случай представится вновь повидаться.

СТИХОТВОРЕНИЯ 1853-1856 ГОДОВ

Хочу отдохнуть

Пускай сочится кровь, пускай
И слезы тоже льются чаще!
Есть и в мученье благодать,
Поплакать – нет бальзама слаще.

А не задет чужой рукой,
Так сам себя скорей казни ты,
И небеса благословляй,
Когда от слез влажны ланиты.

День успокоился, и ночь
Ложится длинной пеленою.
Шальной прохожий с этих пор
Не враг желанному покою.

Тебе отныне не страшны
Ни истязанья фортепьяно,
Ни роскошь Оперы Большой,
Ни бой бравурный барабана.

Теперь надежно ты укрыт
От виртуозов неумных
И озарений Джакомо
С толпой поклонников наемных.

Тому, чей слух терзала чернь,
За райский сад сойдет могила.
Смерть хороша, но лучше нам
И вовсе не рождаться было.

Горькая доля

Неистовый ветер, врываясь во мрак,
Свистит, продираясь сквозь щели.
Два бедных создания на старый чердак
Пришли к своей брачной постели.

Чуть слышно она шепнула ему:
 «Сильней прижми меня к сердцу,
 К губам твоим крепко я губы прижму,
 И мы сумеем согреться».

А он отвечал ей, ослепшей от слез:
 «В глазах твоих вижу одно я –
 Прошла нищета моя, голод, мороз
 И все неустройство земное».

Они целовались опять и опять,
 Свои вспоминая печали,
 Вдруг вздумали петь, принялись хохотать,
 И вот, наконец, замолчали.

А утром туда полицейский пришел
 И доктор, лихой мужчина,
 Которым была внесена в протокол
 Означенных трупов кончина.

«Мороз, – счел нужным он пояснить, –
 В совокупности с недоеданием
 В летальном исходе тут надо винить,
 По крайней мере, в столь раннем».

«Когда на дворе, – он добавил, – зима,
 Отапливать надо квартиру.
 В холодное время полезно весьма
 Класть в пищу побольше жиру».

***

«Поминать его не надо!» –
 Говорила мне старуха
 Эстер Вольф, и это слово
 Моего достигло слуха.

Пусть забыть о нем навеки
 Все на свете будет радо,
 Пусть сорвет он цвет проклятья, –
 Поминать его не надо!

Сердце, сердце, пусть потоком
 Хлынут горечь и досада, –
 Но о нем не будет речи,
 Помянуть его не надо!

Помянуть его не надо
 Даже в песнях, в книгах даже, –
 Темный пес, во тьме могильной
 Сгинешь! – вот проклятье наше.

Даже в день, когда раздастся
 Трубный глас в господнем храме,
 И, дрожа, на суд последний
 Мертвецы пойдут толпами,

И читать начнет архангел
 У ворот господня града
 Длинный список приглашенных,
 Помянуть его не надо.

Предостережение

Да не казнит надменный тон
 Подростка, что, хлебнув невзгод,
 К тебе за помощью придет, –
 Ведь сын богов, быть может, он.

Когда он славен станет сам,
 Пути вас вновь соединят,
 И беспощадно строгий взгляд
 Твоим не вынесли глазам.

***

Грубости средневековья
 Вытеснил расцвет искусства,
 Просвещенью служит ныне
 Главным образом рояль.

А железные дороги
 Укрепляют наши семьи –
 Ведь они нам помогают
 Жить подальше от родных.

Жалко только, что сухотка
Моего спинного мозга
Скоро вынудит покинуть
Этот прогрессивный мир.

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ПЕСЕН

Предисловие к третьему изданию	5
--------------------------------------	---

ПЕЧАЛИ ЮНОСТИ

Сновидения	8
1. Приснился мне любви шальной порыв	8
2. Меня настиг ужасный сон	8
3. Однажды я видал себя во сне	11
4. Во сне видал я нынче господина	11
5. С чего бы стала кровь шальной?	12
6. В блаженный сон, в ночной покой	13
7. Сполна получил, - для чего же тянуть?	15
8. Сбежав от госпожи моей	17
9. Я сладко спал и был спасен	22
10. Толпу мертвецов когда-то	23
Песни	24
1. Чуть проснусь, мне видеть надо	24
2. Куда бежать – мне не понять?	24
3. Однажды я, тяжело страдая	25
4. Тронь мне сердце ладонью	25
5. Тихих дней моих гробница	26
6. За тобой, безумный шкипер	26
7. Старых замков очертанья	27
8. Приуныл сперва я малость	28
9. Миртами, розами и мишурой	28
Романсы	29
1. Горемыка	29
2. Горный голос	29
3. Два брата	30
4. Бедный Петер	31
5. Песня арестанта	32
6. Гренадеры	32
7. Вестник	34
8. Женитьба	34
9. Дон Рамиро	35
10. Валтасар	39
11. Миннезингер	41
12. Взгляд в окно	41
13. Раненый рыцарь	42
14. По воде	42

15. Покаянная песенка	43
16. Певице, исполнившей старинный романс	44
17. Песня о дукатах	45
18. Разговор на Падерборнском лугу	46
19. Приветствие	47
20. Воистину	48
Сонеты	48
А.В. фон Шлегелю	48
Моей матери Б.Гейне 1-2	49
Г.Ш.	50
Сонеты-фрески Христиану 3.	50

ЛИРИЧЕСКАЯ ИНТЕРМЕДИЯ

Пролог	55
1. В один прекрасный майский день	56
2. Там, где я пролил слезы	56
3. Былинка, голубка, светило, цветочек	56
4. Чуть различу твой нежный взгляд	57
5. Все та же ты, какая мне	57
6. Щекой прижмись к моей щеке	57
7. Наполнив чашу до края	57
8. Хоть звезды друг на друга	58
9. Любимая, мы с песней	58
10. Склоняюсь пред пышным солнцем	59
11. Струится Рейн привольно	59
12. Опять объявишь: не люблю	60
13. Ты не божись, целуй сперва!	60
14. У милой нежные оченьки	60
15. Весь мир ослеп, весь мир стал глуп	60
16. Жду я, милая, ответа	61
17. Как из пены вод рожденная	61
18. Я не сержусь, хоть сердце гложет грусть	62
19. Нет, бедная моя, я не сержусь	62
20. Льется флейты журчанье	62
21. Ты, значит, начисто забыла	63
22. Когда бы цветики знали	63
23. Зачем это нынче розы бледны?	63
24. Тебя наставляли бывало	64
25. Деревья цвели, ликовал соловей	64
26. Мы знали, что чувства свяжут нас	65
27. Ты всех верней оказалась	65
28. Земля скудна была вначале	65
29. И раз я все мешкаю, время тяну	66

30. Фиалки синих-синих очей	66
31. Парит над землей голубой небосвод	66
32. Когда тебя, моя любовь	66
33. На северной лысой вершине	67
34. Ах, мне скамеечкой бы стать	67
35. Чуть лишился я любви	68
36. Я из беды великой	68
37. Мещане, одевшись богато	68
38. Расскажут картины былого	69
39. Юноша взял и влюбился	70
40. Чуть песня донесется	70
41. Во сне я видал королевскую дочь	70
42. Любимая, ночью безмолвной	71
43. Рукою белоснежной	71
44. Любил я тебя и влюбился опять	72
45. В чудесный сад по соседству	72
46. Таким лучится светом	72
47. Они меня заели	73
48. На щечках пышет лето	73
49. Обычно в миг разлуки	73
50. Однажды за ужином где-то	74
51. Полны мои песни яда	74
52. Мне сон стародавний приснился один	75
53. Взшел я на гору крутую	75
54. В карете еду лесом	76
55. Я спал и горько плакал	76
56. Я каждую ночь тебя вижу во сне	76
57. Среди ночи ревет от злобы	77
58. Под ветром деревья гнутся	77
59. Звездочка падает с неба	78
60. В огромный замок сон занес меня	78
61. В ночи стояли тишь и хлад	79
62. Зароют самоубийцу	79
63. Я стою во тьме кромешной	79
64. В очах стояла темень	80
65. Отчаянные песни	81

ВОЗВРАЩЕНИЕ

1. В этой жизни непроглядной	83
2. Не знаю, что нынче со мною	83
3. Скорбит, скорбит мое сердце	84
4. Я по лесу нынче блуждаю	85
5. В полночной непогоде	85

6. В дороге семью моей милой	86
7. Мы у рыбачьей хибарки	86
8. Прекрасная рыбачка	87
9. Луна свой свет струила	88
10. Внезапный вихрь надел смерча	88
11. Ревет и плачет буря	88
12. Пришла пора ночная	89
13. Если иду спозаранку	90
14. Сверкало море под лучом	90
15. Стоит на горе высокой	91
16. Как сон, на горизонте	91
17. Поклон тебе, огромный	92
18. Снова ступил я на прежний путь	92
19. Иду туда, где она мне	93
20. Полночная улица. В этом вот месте	93
21. Я жив, ты это знаешь	93
22. Девушка в доме дремала	94
23. Весь охваченный смутой	94
24. Я страстотерпец Атлас! Мир скорбей	95
25. Идут года, и в могилу	95
26. Мне снилось мерцанье унылых звезд	95
27. С чего слеза набежала	96
28. Восходит месяц осенний	96
29. Погода совсем худая	97
30. Любовь меня сгубила	98
31. Мне к твоим лилейным пальцам	98
32. «Разве страсть твоя шальная...»	98
33. Они полюбили, но оба	99
34. Когда я вам боль свою изливал	99
35. Я черта помянул, и он	99
36. Не дразни чертей, любезный	100
37. Шли три короля из восточных краев	100
38. Дитя, мы были дети	100
39. Душа скорбит, и одолели	101
40. Словно месяц, проступая	102
41. Мне нынче милая снилась	102
42. «Друг любезный! В канители	103
43. Наберитесь вы терпенья	103
44. Пора учинить над собой мне суд	104
45. Властитель Висвамित्रа	104
46. Сердце, сердце, брось унылость	105
47. Ты, словно цветик ясный	105
48. Девочка, себя погубишь	105

49. Когда я лежу в постели	105
50. У тебя уста алеют	106
51. Если бури налетели	106
52. Те Мадонне шлют молебны	106
53. Не выдал разве бледный лик	107
54. Друг любезный, ты влюблен	107
55. Думал – с тобой побуду	107
56. Сапфиры – вот твои глаза	108
57. Про любовь болтая что-то	108
58. Не стало на свете ни склада, ни лада	109
59. Я голову ломал немало	109
60. Сегодня к вам съедутся гости	109
61. Хотелось бы все мое горе	109
62. В алмаз ты и в жемчуг одета	110
63. Кто влюблен впервые в жизни	110
64. Люди участие во мне принимали	111
65. Я об этом славном парне	111
66. Приснилось мне, что я – господь	112
67. Ушел я – июль был в самом разгаре	113
68. От милых губ отодран без отсрочек	113
69. В почтовом возке мы катили	114
70. Сумасбродная девчонка	114
71. Дома, как привиденья	114
72. Коль замуж за меня пойдешь	115
73. К твоим плечам белоснежным	115
74. Трубят голубые гусары	116
75. В годы юности, бывало	116
76. Ты, действительно, сердита	116
77. Те же глазки, что, бывало	117
78. Понимал я вас превратно	117
79. Корят меня кастраты	117
80. Над стенами Саламанки	118
81. Дон Энрике, что красавцем	118
82. Что ты благосклонность дарить мне готова	119
83. Солнце встает, над горами сверкая	119
84. Стоят на рынке в Галле	119
85. Над кустами и поляной	120
86. Пилигриму ночь нехстати	120
87. Смерть – это ледяная ночь	120
88. «Отвечай, куда девалась	121
Сумерки богов	121
Ратклиф	123
Донна Клара	126

Альмансор	128
Паломничество в Кевлар	132

Из «ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ГАРЦУ»

Пролог	135
Горная идиллия	135
Пастушок	142
На Брокене	142
Ильза	143

СЕВЕРНОЕ МОРЕ

Цикл первый	145
1.Коронование	145
2.Сумерки	146
3.Солнечный закат	146
4.Ночь на берегу	148
5.Посейдон	149
6.Признание	151
7.Ночью в каюте	152
8.Буря	154
9.Штиль	155
10.Морское видение	156
11.Очищение	158
12.Мир	158
Цикл второй	159
1.Приветствие морю	159
2.Гроза	161
3.После кораблекрушения	162
4.Закат солнца	163
5.Песня океанид	164
6.Боги Греции	167
7.Вопросы	169
8.Феникс	170
9.В гавани	171
10.Эпилог	172

ДОПОЛНЕНИЯ

К «Печалям юности»

Любовные песни	174
1.Любовный привет	174
2.Любовное сетование	174

3.Томление	175
4.Белый цветок	176
5.Предчувствие	177
Романсы	177
1.Благодать	177
2.Серенада мавра	179
Сонеты и другие стихотворения	179
Венок сонетов А.В. фон Шлегелю	179
Гофрату Георгу С. в Геттингене	180
Ж.Б.Р.	181
Сонет-фреска Христиану З. 8	181
Ночь на Скале дракона. Фрицу фон	182
Фрицу Ш.	182
Францу фон Ц.	183
Наставление	183
Сон и жизнь	184
Ей	185

К «Лирической интермедии»

1.Сольемся в объятье смелом	185
2.Не верю я в свет небесный	185
3.Гоже ль звездам с небосклона	186
4.Забуду я едва ли	186
5.Дружбу, мудрость и любовь	186

К «Возвращению»

1.В облаках висит луна	187
2.В облаках, как в облаченье	187
3.Позвольте, барышня, мирно вздремнуть	188
4.Где, с твоей холодной кровью	188
5.Ты до крови в губы лобзала меня	188
6.Едва меня вы заключили в объятья	188
7.При лобзаньях ложь уместна	189
8.Вот была бы благодать	189
9.Меня, малышка, не срами	189
10.Деловитая красotka	189

К «Путешествию по Гарцу»

Пробудитесь, сны былые	190
------------------------------	-----

К «Северному морю»

К циклу первому	191
12. (Продолжение) О, если б такое ты выдумать мог ..	191

К циклу второму	192
Морская болезнь	192

ПОСЛЕ «КНИГИ ПЕСЕН»

НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Новая весна 1830-1831	194
24. Меж нашими душами ныне	194
28. О, ночные поцелуи	194
29. Жил-был король когда-то	194
30. Память моя удержала	195
35. Не сочти, что с целым светом	195
Всякие 1832-1839	196
Серафина	196
10. Девушка вздыхает у моря	196
12. Про твой дурной поступок	196
Анжелика	196
4. Я ей закрыл глаза рукой	196
8. Терпи, ты утолила страсть	197
Кларисса	197
1. На любые уговоры	197
2. Где гулять тебе случилось	197
Иоланта и Мария	198
1. Эти дамы понимают	198
2. В которую из двух влюбиться	198
3. Все выпито. Ужин окончился наш	198
Катарина	199
Люблю твое нагое тело	199
Китти	199
6. Китти вянет	199
Тангейзер	200
Романсы 1830-1842	207
7. Anno 1829.	207
16. Незнакомка	208

СОВРЕМЕННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Вырождение	209
Тенденция	209
Китайский император	210
Просветление	211
Гимн	212
К политическому поэту	212
Силезские ткачи	212

АТТА ТРОЛЬ. СОН В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ.....214**СТИХОТВОРЕНИЯ 1828-1850 ГОДОВ**

К девишнику	286
2. Все ты знаешь	286
Моей ненаглядной даме	286
Стал оттого счастливым	287
Песнь песней	287
Нечестивец, ты отрекся	288

РОМАНСЕРО

Ламентации	290
Семейное счастье	290
Старая роза	290
Лазарь	291
2. Взгляд в прошлое	291

СТИХОТВОРЕНИЯ 1853-1856 ГОДОВ

Хочу отдохнуть	292
Горькая доля	292
Поминать его не надо!	293
Предостережение	294
Грубости средневековья.....	294

Подписано в печать 14.01.2020 г.
Формат 84×108/32. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 15,9. Тираж 50 экз.
Заказ № 5257.

Отпечатано с готового оригинал-макета заказчика
в ООО «Издательство “ЛЕМА”»
199004, Россия, Санкт-Петербург, 1-я линия В.О., д.28
тел.: 323-30-50, тел./факс: 323-67-74
e-mail: izd_lemma@mail.ru
<http://www.lemaprint.ru>